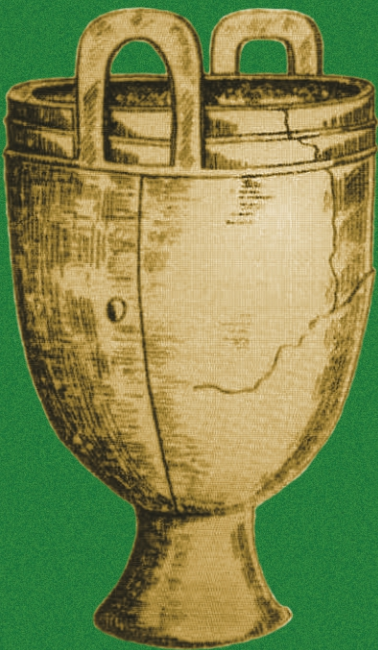


ISSN 2619-1229

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
TURKOLOGICAL STUDIES

Том 1, № 4
Vol. 1, No. 4

2018



ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Журнал основан в марте 2018 года

2018, том 1, № 4

ISSN 2619-1229

Международный научный журнал

Учредитель: Фахрутдинов Раиль Равилович

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77–73017 от 06.06.2018.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия».

Адрес издателя: 420111, г. Казань, ул.

Кремлёвская, 10/15.

Почтовый адрес редакции: 420008, Россия, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117. Тел.: +7(843) 221-33-21.

E-mail: turkologstudies@gmail.com

Сайт: <http://turkological-studies.ru>

Подписка и распространение: редакционная подписка

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Дата выхода выпуска в свет: 28.12.2018.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 500 экз.

Заказ 206/12. Отпечатано в типографии

Издательства Казанского университета.

Адрес типографии: 420008, г. Казань,

ул. Профессора Нужи́на, 1/37.

Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за

содержание публикаций.

Редакционно-издательская группа

Л. Ф. Абзалов (ответственный секретарь) – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

А. В. Фахрутдинова (научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Е. В. Витоль (ответственный за выпуск) (г. Казань, Россия)

Главный редактор

Р. Р. Фахрутдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Шеф-редактор

Р. Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии

Э. К. Хабибуллина – кандидат филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Редакционная коллегия

А. Г. Ситди́ков – доктор исторических наук, доцент, член корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)

Р. Р. Замалетдинов – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)

И. Э. Ярма́кеев – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Юлей Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор (г. Мадисон, США)

И. А. Гилязов – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)

И. М. Миргалеев – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия)

В. В. Трепавлов – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)

И. В. Зайцев – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)

А. Н. Гаркавец – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

А. В. Сафарян – кандидат исторических наук, профессор (г. Ереван, Армения)

Ильяс Топсакал – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)

Хайати Девели – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)

Ильяс Кемалоглу – Ph.D. (история), доцент (г. Стамбул, Турция)

Распространяется бесплатно

© Тюркологические исследования, 2018

TURKOLOGICAL STUDIES

Journal was founded in March 2018

2018. Vol. 1, No. 4

ISSN 2619-1229

International Scientific Journal

Founder: Rail Fahrutdinov

Registered by the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate number: ПИ № ФС 77–73017. Date of registration: 06.06.2018

Periodicity: 4 issues per year (quarterly)

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage".

Address: 10/15, Kremlevskaya street, Kazan, 420111.

Editorial address: 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, M. Mezhlauka str., 3, of. 117, Tel.: (843) 221-33-21.

E-mail: turkologstudies@gmail.com

Website: <http://turkological-studies.ru>

Subscription and distribution: editorial subscription

The journal is indexed by: Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

Signed for printing: 28.12.2018. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16. Conventional printing plates 10. Print run: 500 copies.

Order: 206/12. Printed at Kazan University Press printing house.

Address: 420008, Kazan, 1/37, Professor Nuzhin str. Tel.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.

Editorial office is not responsible for the contents of publications.

Editorial and Publishing Group

L. Abzalov (Executive secretary) – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

A. Fahrutdinova (Scientific editor) – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)

E. Vitol (Responsible for the release) (Kazan, Russia)

Depute Editor in Chief

R. Khajrutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

Chief-Editor

R. Fahrutdinov – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

Chairman of the Editorial Board

E. Khabibullina – Ph.D. in Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

Editorial Board

A. Sitdikov – Doctor of History, Associate Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)

R. Zamaletdinov – Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

I. Yarmakeev – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)

Uli Schamiloglu – Ph.D. (History), Professor (Madison, USA)

I. Gilyazov – Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)

I. Mirgaleev – Ph.D. in History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

V. Trepavlov – Doctor of History, Professor Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

I. Zaytsev – Doctor of History, Professor Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A. Garkavets – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

A. Safaryan – Ph.D. in History, Professor (Yerevan, Armenia)

Ilyas Topsakal – Doctor of History, Professor (Istanbul, Turkey)

Hayati Develi – Doctor of Philology, Professor (Istanbul, Turkey)

Ilyas Kemaloglu – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

Distributed free of charge

© **Turkological Studies, 2018**

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	5
Пилипчук Я.В. Границы печенегов в Восточной Европе	5
Roman Hautala. Western Missionaries and Merchants: an Example of Cooperation Within the Framework of the Mongol Empire	42
Сабитов Ж.М., Камбарбекова Г.А. Сведения о Токтамыш-хане из «Маджму ат-Таварих»	67
Шафигуллина Л.Ш., Шемшуренко О.В. Татарский национальный фольклор в других тюркских обществах: вера в существование «домового»	83
Абидулин А.М. К вопросу об историографии османской религиозно-политической пропаганды и проекте строительства Хиджазской железной дороги (1900–1908 гг.)	89
Муртазина Л.Р. Габдулла Шнаси (1885–1938) – табигать фәннәре буенча дәреслекләр авторы	107
Башаран В.И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи: исторический аспект	116
НАСЛЕДИЕ	123
Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар. Правители после смерти Чингиз хана: от Куйик хана до Газан хана (переведено и подготовлено к печати Ю.Н. Каримовой)	123

CONTENTS

ARTICLES	5
Pylypchuk Ya.V. The frontiers of the Pechenegs in Eastern Europe	5
Roman Hautala. Western Missionaries and Merchants: an Example of Cooperation Within the Framework of the Mongol Empire	42
Sabitov Zh., Kambarbekova G. Information about Toktamysh Khan from Majmu al-Tavarih	67
Shafigullina L., Shemshurenko O. Tatar National Folklore in Other Turkic Societies: Faith in Existence of a "Boggart"	83
Abidulin A. For the Qestion of the Historiography of Ottoman Religious and Political Propaganda and the Construction of the Hijaz Railway (1900-1908)	89
Murtazina L. Gabdulla Shnasi – Author of Textbooks of the Natural Science Cycle	107
Basharan V. Tatar-Turkish Cultural and Educational Ties: the Historical Aspect	116
LEGACY	123
Abdulgaffar Qirimi. Umdat ul-Akhbar. Rulers After the Death of Genghis Khan: From Güyük Khan to Ghazan Khan (Translated and prepared for printing by Yuldus Karimova)	123

СТАТЬИ

УДК 94(470+571)

ГРАНИЦЫ ПЕЧЕНЕГОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Я.В. Пилипчук

Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины

Киев, Украина

pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Резюме. Цель. Изучить вопрос относительно границ печенегов в Восточной Европе. Материалы исследования: латинские, славянские и византийские исторические хроники, арабские географические трактаты, статьи, диссертации, книги современных исследователей. Новизна исследования состоит в изучении исторической географии владений печенегов в Восточной Европе. В результате было выяснено, что границы печенегов были достаточно пластичными и их контуры зависели от соотношения сил в конкретной местности в конкретное время с конкретным противником. Первое Болгарское царство и Хазарский каганат были серьезными сдерживающими факторами для печенегов. С их ослаблением и крушением Руси и Византийской империи пришлось столкнуться с большими трудностями. Касательно отдельных славянских племен (уличей и тиверцев) и валахов, то они не были способны эффективно сдерживать кочевников и оставили ряд своих территорий, уходя в лесостепную и лесную зону. Лендзяне это лучане и они не граничили с печенегами, как не граничили и древляне с белыми хорватами. Печенеги нападали на эти племена в своих дальних походах. Прямыми соседями печенегов в 892–968 гг. были уличи, тиверцы, поляне и северяне. По границе степей между Хопром и Волгой приходила граница печенегов с буртасами. По Самарской луке проходила граница печенегов с Волжской Булгарией. Западная граница 892–969 гг. проходила по восточной границе Мунтении и Восточным Карпатам. Южная граница проходила по Дунаю, предгорьям Крымских гор, Волго-Донской переволоке и Среднему Уралу. В период 969–1015 гг. печенеги заняли Мунтению и вытеснили население балкано-дунайской культуры в горы. Венгрия граничила с печенегами не только по Восточным, но и по Южным Карпатам. Русь граничила с печенегами кроме района Среднего Поднестровья, в районе рек Стугна и Сула. К 30-м гг. XI в. они заняли Днепровское Левобережье. Наступление огузов вынуждало печенегов массово переселяться на Балканы и в Венгрию, где они были поселены в качестве федератов. Вследствие конфликтов с Византийской империей в 1053–1091 гг. на Нижнедунайской низменности существовало политическое объединение печенегов – Пационакия.

Ключевые слова: печенеги, Пацинакия, Русь, Первое Болгарское царство, Хазарский каганат, Византийская империя, Венгрия, славяне.

Для цитирования: Пилипчук Я.В. Границы печенегов в Восточной Европе. *Туркологические исследования*. 2018; Т.1, №4: 5–41.

Одним из интереснейших аспектов в истории Восточной Европы является вопрос касательно границ между степняками и оседлым населением. Специальных исследований по этому вопросу почти нет, поэтому мы вынуждены пользоваться общими исследованиями посвященными печенегам. Это разделы работ В. Спиinea и А. Добролюбского о кочевниках, статья Э. Трыярски о печенегах [90; 91; 31; 93]. Задачей данной работы является выяснение границы печенегов с оседлыми племенами, государствами земледельцев и кочевников.

Реальная власть Хазарского каганата доходила до Днепра. Нужно отметить, что в зависимости от хазар оказались поляне и уличи жившие в лесостепи по соседству с кочевниками. В зависимости от хазар оказываются крымские готы, живущие в горной части Крыма, часть черкесских племен, кавказские аланы и ряд царств в Дагестане. Хазарская экспансия привела к переселению болгарских племен на Среднюю Волгу. Булгары в новых условиях были вынуждены осесть. Буртасы, которые вели свое происхождение от аланов, пришедших на Среднюю Волгу в VIII г. и смешавшихся с мордвинами, же заняли земли на юг от волжских булгар в восточноевропейских лесостепях от вятичей и северян на Верхнем Дону и Северском Донце до Самарской Луки. Во время доминирования венгров в Ателькузу возобновилась угроза славянам со стороны кочевников. В арабо-персидских сочинениях говорилось о нападениях венгров на славянские племена. В первую очередь венгры подвинули на север тиверцев и уличей, которые до того жили на берегах Черного моря между Дунаем и Днепром. А. Комар выступает против идеи присутствия хазар на Нижнем Днестре и связывает салтовские памятники этого региона с каварами. Зависимыми от хазар были не племена лука-райковецкой культуры (среди которых были уличи и тиверцы), а племена волынцевской культуры (поляне и северяне). В грекоязычной надписи из Плиски датированной 818–823 гг. указано на поход дунайских булгар жупана Корсиса (Окорсоса) из рода Чагатар на славян живших у Днепра. Сам жупан утонул в Днестре и вероятно тогда воевал против уличей. Т. Сапельняк связывала происхождение тиверцев с тюрками-огурами и славянами-тервуниями (племя ультиндзуров было славянизировано славянами), а уличей с лютичами-вильцами. Изначальной территорией уличей были Буджак и нижнее течение Днепра. Переселение тиверцев и уличей из степей в лесостепь датировано серединой IX в. и вызвано давлением венгров. Нужно сказать, что по данным Анонима часть русов переселилась вместе с венграми в Паннонию. Это конечно не относится к полянам, а скорее связано с тиверцами и

уличами. В. Спине́й считал тиверцев славяно-валашским племенем. Именно для волынцевцев (полян и северян) была характерна салтоидная гончарная традиция и салтовские импорты в посуде, оружии и жилищном строительстве. Салтовских памятников позже первой четверти IX в. в земле полян нет. Кочевники в Киевском Поднепровье находились от конца VII в. до 30-х гг. IX в. Однако салтовских памятников непосредственно на территории Киева нет. Поляне составляли небольшой волынцевский анклав на Днепровском Правобережье и оказывали влияние на локальные варианты Луки-Райковецкой (на тясминскую и житомирскую группы, то есть на уличей и древлян). В волынцевской культуре были корни роменской культуры, которая сопоставляется с летописными северянами. На роменских памятниках находят следы от вторжений венгров и викингов. Волынцевцы жили как в лесной, так и лесостепной зоне. Границей с хазарами была река Сула и верхнее течение реки Псел, далее по рекам Сейм, Оскол, Тихая Сосна до Дона. Волынцевцы поселились в Воронежском Подонье и платили дань хазарам и обрабатывали для них поля, поставляя продукты земледелия. На Оке поселилась ветвь волынцев – представители боршевской культуры – вятичи. На Соже жили радимичи. Вятичи и радимичи были хазарскими данниками. Хазары подчинили славян Днепровского Левобережья во второй половине VII в. Глубокое проникновение хазар в славянские земли на лесостепные территории имело место в первой трети VIII в. Дань со славян осуществлялась в форме пушнины. Зависимость от хазар способствовало возникновению политических структур – княжеств – у славян. В Крыму и Приазовье обитали болгары подвластные хазарам, которые совершали рейды на земли славян. Особое место в отношениях с хазарами занимали вятичи. Они были тесно связаны с ними экономическими связями и селились и на лесостепной части Дона. Через их землю проходил и путь с Балтики на Волгу. Святослав подчинил их в 964 г., однако и при Владимире они были непокорным племенем. Регулярной властью хазар в Среднем Подонье и Верхнем Подонцовье стала в середине VIII в., когда в этот регион были переселены аланы. В верхнем течении Северского Донца находят памятники зливкинского типа принадлежащие булгарам. В Крыму болгары оседали в предгорьях и на востоке полуострова [6, с. 7–17; 5, с. 74–79; 3, с. 75–76; 68; 19; 78, Глава 22; 67, с. 69–93, 98–110, 127–129, 302–333; 40, с. 87–91; 42, с. 140–154, 174–178, 190; 39, с. 209–214; 10, с. 95–99; 7, с. 67–73; 49, с. 8–12; 63; 62, с. 9–17; 72; 1, с. 303–304, 320–328; 91, р. 84–85; 64, с. 152–161; 65; 74, с. 67–75; 38, с. 178–181; 58, с. 440–484; 59, с. 89–106; 66, 206–211].

Нестор сообщает о выпадении славянских племен северян и радимичей в 80-х гг. IX в. из сферы влияния хазар вследствие похода князя Хельги (Олега в летописи). Еще раньше в 30-х или 50-х гг. IX в. из этой сферы влияния должны были выпасть поляне, поскольку в Бертинских анналах указан посол кагана Рос, которые являются свионами. Баварский географ упоминал

среди племен Ruzzi (скандинавы), Ungare (венгры), Choziri (хазары), что соответствует ситуации сложившейся в IX в. в Восточной Европе. Что же должно было этому поспособствовать? Мы можем еще в VIII в. наблюдать на севере Европы проникновение в славянские и финские земли со стороны скандинавов. В 30-х гг. IX в. венгры объявились в причерноморских степях. Перед тем они переправились через Волгу и прошли по окраинам мордовских земель и хазарских владений. В Приазовье они не находились долго. В основном они перемещались лесостепями и только в Ателькузу на территории между Дунаем и Днепром жили в степях. У Первого Болгарского царства они отняли Онгл. Мадьярская земля Этелькузу охватила земли от Серета и Дуная до Днепра и Ингульца. Нужно сказать, что венгерские памятники находили и на Днепровском Левобережье. Там вероятно они появились вследствие набегов венгров. Утверждать о венгерском владычестве над славянами, в частности полянами, как это делает К. Цуккерман, вряд ли возможно. Сведения венгерского Анонима о войнах с славянами приукрашены и имеют ряд анахронизмов. Неверна и дата 884 г. как начала миграции венгров с Волги. Во время венгерской миграции не существовало ни Суздаля, ни Галича. Венгерский хронист сообщает о том, что мол венгры воевали с Русью и победили в войне. Нестор летописец же сообщал, что венгры прошли недалеко от Киева и были у Угорского урочища. Говорилось о том, что венгры йшли подобно половцам (кыпчакам) во время жизни летописца. То есть славянский летописец не возражал против того, что венгры вторглись в землю полян. Далее о пути венгров сказано туманно. Так Аноним сообщал, что венгры прийшли к Галичу. Но Галича тогда еще не было и это может означать только то, что венгры вторглись в землю белых хорватов. А перед этим они должны были пройти землями уличей, которые жили между Днепром и Южным Бугом в лесостепи. После перехода Карпат венгры проникли в земли князя Лаборца, вероятно князя белых хорватов и разбили его. Продвигаясь далее, венгры сразились с правителем Великой Моравии и одержали над ним победу. После смерти Святополка началась усобица между его сыновьями, а венгры добились агонизирующее государство. Печенеги же занялись освоением земель бывшей Ателькузу. В 915 г. они напали на Русь. В 934 г. их войско вместе с венграми напало на город Валандар (Дебелт), который находился во владениях Византийской империи. Проникнуть туда венгры и печенеги могли, пройдя Болгарию, что им должен был позволить болгарский царь. Константин Багрянородный указывал что до Святослава печенеги причиняли серьезные проблемы Руси и венграм. На русов они нападали в районе днепровских порогов. От набегов печенегов страдали и болгары с венграми, но защищенные природными преградами в виде Карпат и Дуная не давали им глубоко проникнуть. Сражения с болгарами должны были проходить в районе восточных границ Береганской степи. Валахи и славяне Мунтении при поддержке могущественного Первого Болгарского царства, которому они

подчинялись, отражали вторжения печенегов. Согласно Ибн Русте хазары каждый год нападали на печенегов. Для этого у них были базы в виде крепостей в бассейне Дона и Северского Донца, гарнизон которых состоял из алан и болгар. В Саркеле же находился огузо-печенежский гарнизон. О владычестве хазар над печенегами сообщалось в еврейско-хазарской переписке. Однако тут вероятно идет разговор о так называемых «хазарских печенегах» анонимного персидского географа [87; 56; 2, с. 3–13; 44, Главы 1–6, 37–38; 68; 8; 9; 73; 78, Глава 47; 13; 37; 57, с. 140; 91, р. 63–73; 45, с. 147–149; 34, с. 85–105].

К миграции в Паннонию венгров вынудило вторжение печенегов. Те находились в поиске новой родины. По сведениям ал-Масуди их из родины в Приаралье выбили карлуки, огузы и кимаки. Константин Багрянородный сообщал, что огузы и хазары вытеснили печенегов из Волго-Уральского междуречья. При этом византийский император и ученый считал, что печенеги изгоняли венгров дважды. Один раз из их дальней родины, а во второй из Ателькузу. Куда более логичным выглядит предположение, что их вытеснил какой-то другой этнос. В. Иванов, ориентируясь на археологические данные, считает, что это сделали енисейские кыргызы. Вот такая миграция хорошо задокументирована так это выселение венгров в конце IX в. Регион Прюмский, Константин Багрянородный, автор Фульдских анналов расходятся в датировках, но сходились в одном. Мигрировать венгров в Паннонию вынудили печенеги. Константин Багрянородный и автор Фульдских анналов указывали, что тогда ромеи призвали венгров на помощь против дунайских болгар. Болгары потерпели ряд поражений и призвали на помощь печенегов. Венгры были вынуждены оставить Болгарию и сведения Анонима и Нестора прямо указывают на северный вектор их миграции. На юге их ждали болгары и союзные с ними славяне и валахи балкано-дунайской культуры. Мунтения была занята этим населением. Нужно сказать, что балкано-дунайская культура была культурой Первого Болгарского царства. В начале IX в. власть дунайских болгар простиралась на Трансильванию. Появление венгров в причерноморских степях лишила их власти над Трансильванией. У венгерского анонима в этом регионе зафиксировано присутствие валашко-славянского владения под руководством князя Гелу. Константин Багрянородный указывал, что район Кереша и Муреша в середине X в. уже принадлежал венграм. В целом можно утверждать, что Тетень упомянутой Анонимом должен был покорить Трансильванию в начале X в. Кроме того, византийский ученый указывал, что одна из печенежских фем (вожеств) граничила с Турцией (Венгрией). Границей с печенегами были Восточные Карпаты. Касательно печенегов в Мунтении, то они там появились после того как в 968–969 гг. Святослав нанес чувствительное поражение болгарам. Ромеи нанесли удар по болгарам со своей стороны. Власть болгар была ослаблена и в 971–1000 гг. Мунтения была занята кочевниками. Валахи отступили в горы под

венгерскую власть. Удар Святослава по хазарам привел к тому, что печенеги утратили угрозу с востока. Кроме того, арабские хронисты сообщали, что на Хазарию кроме русов напали тюрки. Этих тюрков можно отождествить с огузами. Огузы были врагами печенегов. Одна часть печенегов, которая осталась в Приаралье, по сведениям Константина подчинилась им. Другая часть подалась на север. Ибн Фадлан указывал между Волжской Булгарией и огузами печенегов и башкиров. Русский исследователь В. Иванов назвал земли печенегов и башкир между Волгой и Уралом Заволжской Печенегией. Третья часть печенегов зафиксирована в «Худуд ал-Алам» как «хазарские печенеги». Джуаншер Джуаншериани упоминал, что пачаников (печенегов) вместе с джиками (зихами) на запад изгнали турки. Этих турков можно отождествить с огузами. И только четвертая часть печенегов, которая пришла во владения венгров стала наиболее известной. В 969 г. пользуясь пребыванием Святослава печенеги напали на Киев. Крушение Хазарского каганата и ослабление Первого Болгарского царства открыли для печенегов широкие возможности [44, Главы 37–38; 78, Главы 20, 47; 32; 56; 69, с. 26–66; 87; 61; 75; 44, Главы 37–38; 22, с. 128–129; 33, с. 452–454; 45, с. 149; 34, с. 91–92].

В. Иванов и Г. Гарустович локализовали к востоку от Днепра Куарциур, Сирукалпеи, Вороталмат, Вулацопон, а к западу – Гиазихопон, Нижнюю Гилу, Харавои, Иавдиэртим. Относительно же Заволжской Печенегии, то ее границы исследователи обозначали так – левобережье Волги в пределах Самарской, Саратовской и частично Волгоградской областей, низовья Узеней и среднее течение реки Илек, река Самара, где проходила граница с угорскими племенами лесостепного Приуралья. Позже В. Иванов и Г. Гарустович несколько пересмотрели свои взгляды. Касательно восточных границ восточноевропейской Печенегии, то исследователи локализовали их так: восточная граница проходила по Северскому Донцу. На этой линии находились укрепленные городища салтово-маяцкой культуры – Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольша, Богородичное, Сидоровское, Маяки, Каменск-Шахтинское. Печенеги не образовывали единого блока с Заволжской Печенегией, поскольку хазарские владения в верховьях Дона и Северского донца смыкались с северянами и вятичами. Печенеги оставили памятники в низовьях Днепра, Южного Буга, Днестра. Проникновение печенегов на запад связывается с давлением на них со стороны огузов. Движение происходило через равнины Мунтении и долину Дуная в Паристрион и Алфельд. Оттуда печенеги проникали в долины Тисы и Кереша. И уже после того как они были расселены венграми вдоль границ. Отмечено присутствие печенегов в Саркеле. С. Плетнева размещала племя Талмат в районе Поволжья. Племена Куарциур, Сирукалпеи, Вороталмат, Вулацопон, по мнению исследовательницы, находились между Днепром и Волгой. Следуя сведениям Константина Багрянородного, она локализовала Гиазихопон на расстоянии 15–20 км. от Болгарии, на северном берегу Дуная, Нижнюю Гилу на расстоянии четырех

дней пути, Йавдыэртим на границах уличей, древлян и лендзанинов, ориентировочно южнее притоков Припяти. А.Н. Курат предположил, что границы печенегов проходил от города Сарай на Иделе (Волге) до Самары, включая среднее течение Яика и долины рек Сакмары и Илек. Верховья Дона и Северского Донца были хазарской территорией с населением салтово-маяцкой культуры. Аланы, граничащие с печенегами, должны были находиться в районе Северского Донца, а огузы, граничащие с печенегами за Северским Донцом и Доном. В связи с этим стоит упомянуть, что в хазарское время кочевья огузов находились и на запад от Волги. В частности археологически засвидетельствовано присутствие печенегов и огузов и в Саркеле [22, с. 44, 66–96, 101–104, 109–110, 113–114; 33, с. 452–454].

Этнонимия печенегов известна благодаря данным Константина Багрянородного. Интересную реконструкцию предложил О. Прицак. Йавдыэртим граничили с уличами, древлянами и полянами. Племя Гиасихопон было отделено от Первого Болгарского царства рекой Дунай. Владения Йавдыэртим находились на территории Южной Киевщины, а резиденция находилась около реки Стugna. Куарцичур занимали земли на Левобережье Днепра, между Орелью и Сеймом. Это племя граничило с уличами и тиверцами. Владения племени Хабуксингила находились в верхнем течении Серета, Прута и Днестра. На Днепровском Правобережье вдоль торгового пути «из варяг в греки» находились владения племени Харабои. На противоположном берегу Днепра, напротив Харабои находились владения племени Бороталмат. О. Прицак отождествлял его с «хазарскими печенегами», которые упомянуты в «Худуд ал-Алам». Основаниями для этого утверждения были сведения о соседстве этого племени с владениями алан. Племя Сирукалпеи кочевало в бассейне Северского Донца. Это племя находилось на расстоянии пяти дней пути от хазар. Племя Буйлацопон находилось ближе всего к византийским владениям. Его владения соприкасались с Климатами и Херсоном. Кочевья этого племени летом находились в бассейнах рек Самара, Конские Воды и Молочная. Зимой печенеги находились в зимовниках на берегах моря [Р86, р. 13–14].

А. Головкич считал, что Гиасихопон владела землями в Нижнем Подунавье, Нижняя Гила – частью Прикарпатья, Харавои – бассейном реки Рось, Йавдыэртим – землями на границах древлян, уличей и лендзян. По мнению А. Палоци-Хорвата, племя Язихопон находилась в Мунтении, Хабуксингила находилась между Серетом и Прутом, Йавдыэртим между Днестром и Бугом, Харавои между Бугом и Днепром, Куарцичур между Днепром, Конскими водами и Кальмиусом. Сирукалпеи занимало территорию между Днепром и Северским Донцом, а Бороталмат между Северским Донцом и Доном, Буйлацопон между Доном и Волгой. В. Спинеи указывал, что валашское население зависело от печенегов. Некоторое количество печенегов вошло в состав населения археологической культуры Дриду, которая, впрочем, оставалась валашско-славянской. Карпато-Дунайский регион был периферией печенегов

и они начали массово прибывать в него в XI в. находясь под давлением огузов и кыпчаков. Вследствие оказанного давления валахи отступали на север, в горы. Э. Трыарски указывал, что племя Бороталмач находилось на берегах Волги, Гиазихопон – сосед Болгарии, Кабукшинюла – сосед Венгрии, Харабой – граничит с полянами, Йавдыэртим – сосед древлян, уличей и лендзян. В. Спинеи указывал, что Константин Багрянородный упоминал о восьми племенах печенегов – Эртим, Чур, Юла, Кулпей, Харавой, Талмач, Чопон. Гиазихопон и Като Джила кочевали у Болгарии и Венгрии, Карабой граничила с Киевской Русью (землей полян), а Йавдыэртим с древлянами, уличами и поляками. Ромеи в середине XI в. вели войну против печенежского вождя Тираха руками печенежского вождя Кегена. Нет оснований для того, чтобы сомневаться, что ромеи также использовали разные племена печенегов в своих целях, в частности силами печенегов Кури одержали победу над Святославом. Константин Багрянородный оставил детальное описание как воевать с «варварами» руками самих «варваров». Ключевое место в политике ромеев играла деятельность василика Херсона и его взаимоотношения с печенегами. Византийские императоры умело использовали трайбализм печенежской элиты [84, р. 8–9, 12; 23, с. 23–25; 53, с. 13–24; 90, р. 105–107; 56; 44, Главы 1–6, 37–38; 81, р. 109–115; 93, с. 569–571, 579].

Чтобы прояснить ситуацию нужно обратиться к источникам. Константин Багрянородный зафиксировал положение дел до походов Святослава. Гиазихопон (Язы-копон) граничит с Булгарией, Нижняя Гила (Кубашин-Юла) – с Туркией, Харавой (Кара-бой) – с Россией, Иавдиэртим (Йабдыэртим) – с ультинами, деревлинами, лэнзанинами и другими словинами. Куарцициур (Куэрчи-чур), Сирукалпей (Суру-Кулпей), Вороталмат (Бору-талмач), Вулацопон (Була-чопон) напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и иных Климатов. Как указывалось выше Туркия Константина Багрянородного это Венгрия. С ней печенеги должны были граничить в районе южной части Восточных Карпат. Племя Йязы-копон должно было кочевать в Буджаке. Россия должна сопоставляться непосредственно с так называемой Русской землей в узком понимании, то есть с землей полян. Ультины и деревлины достаточно легко отождествляется с уличами и древлянами. Ситуацию несколько осложняет то, остальные четыре печенежских фемы Константин Багрянородный локализует вообще вдали от славянских земель, так что под другими словинами могут скрываться не только хорваты, о нападении пачанакитов на которых в главе 31 указывает византийский ученый. О том, что тиверцев вынудили сдвинуться северней есть археологические данные. В. Спинеи указывал, что печенеги взяли городище тиверцев на Реуте. Сведения Нестора о том, что тиверцы и уличи живут на побережье моря относятся не к печенежской, и даже не к венгерской эпохе. Это описание положения дел в хазарское время. В X в. можно наблюдать исчезновение славянских памятников в Нижнем Поднестровье. В Верхнем Поднестровье хорватские памятники смешиваются

с подплитными погребениями, которые оставляли тиверцы после себя в Верхнем Поднестровье. Большинство таких погребений из верхнеднестровских грунтовых могильников относятся уже к XI–XII вв. когда формируется население Галичины и Понизья. Городища и села в Среднем Поднестровье опустошались печенегами и оставались заброшенными. Область Верхнего Поднестровья стала хорватско-тиверской. Под давлением печенегов в лесостепную часть Побужья были вынуждены отступить в лесостепное Побужье. Поселения основанные уличами в этом регионе были основаны только в X в. В Среднем Поднестровье на границе с печенегами находились городища у сел Гаряченцы, Глебовка, Пылыпы Хребтеевские, Хребтеев, Большой Карачеев, Караченцы, Бакота и около города Каменца-Подольского. Нужно сказать, что тиверцы ходившие вместе Ингорем (Игорем) в поход на Византию в 941 г. вероятно были не подданными, а союзниками Руси, как белые хорваты, вятичи, тиверцы при Хельги (Олеге). Касательно войны уличей с Русью есть сомнительное с точки зрения достоверности сведения Ермолинской летописи, Нестор и первые летописцы Руси об этом молчат. Касательно, того что территория уличей и тиверцев была подвластна Руси есть большие сомнения. Иначе Константин Багрянородный не указывал бы на Днепр как на единственный путь движения русов на Византию. Среди подданных России названы кривейтины, лендзанины и иные словинии. Что скрывается под словом иные словинии сложно сказать. При этом как города Руси упомянуты Немоград (Новгород, Рюриково городище), Милниски (Смоленск, Гнездово), Телиуцы (Любеч), Вусеград (Вышгород), Чернигоги (Чернигов). То есть можем наблюдать описание Руси вдоль пути из «варяг в греки». В качестве подвластных Руси племен можно утверждать о словенах ильменских, кривичах, северянах, полянах. Данные Нестора позволяют говорить о подданстве Руси древлян и радимичей, впрочем как мы убедимся ниже, власть над этими племенами у Киева не была прочной. Во время князя Святослава Нестор уже указывал на два пути. Святослав пошел по традиционному пути из варяг в греки, а Свенельд очевидно смог договориться с одним из племен печенегов, а также разными славянскими племенами. В 40-х гг. X в. Киеву с трудом удалось удержать в зоне своего влияния древлян, то есть можно с уверенностью утверждать, что на Днепровском Правобережье власть Руси не была твердой. Ольга только подчинила себе древлян. Дальнейшее продвижение наблюдалось уже при Владимире, когда тот йшел войной на белых хорватов. Контроль над Червенскими городами был предметом конфликта Руси с Польшей. При этом Волынь была частью региона называного Червенскими городами, которые были впервые покорены князем Владимиром. Дулебы, Белая Хорватия, уличи и тиверцы должны были быть покорены именно во время его правления. Мы можем наблюдать в его правление стремление расширить свою власть в Восточной Европе. Он совершил поход на вятичей, которые отпали от Руси после смерти Святослава. Также отпали от Руси и

радимичи. В 982 г. Владимир воевал против вятичей, в 983 г. – против ятвягов, в 984 г. – против радимичей. Еще раньше, в 980 г., он совершил поход на Полоцк, которым правили скандинавы не связанные с Киевом (Рогволод-Ренгвальд и Рогнеда-Рангхильд) [44, Главы 9, 31, 37; 56; 31, с. 29–31; 10, с. 120–130; 7, с. 68–84; 91, р. 87–88; 63].

Интересен вопрос касательно лендзанинов. Их этническая принадлежность являлась дискуссионной. Лендзанины кроме сочинения «Об управлении империей» упоминались в «Баварском географе» как *Lendizi*. Т. Тименецкий считал, что лендзяне это поляне относящиеся к лехитским племенам и считал что они жили у реки Варты. М. Парчевский считал лендзян ляхами и локализирует их в юго-восточной Польше. Г. Ловмянский локализовал их в Сандомирской земле. Т. Василевски предполагал, что лендзяне это ляхи. С. Кучинский считал, что лендзяне это дулебы и жили они на Верхней и Средней Висле. Й. Довят высказал гипотезу, что лендзяне это все славяне-ляхи от Балтики до Карпат. Г. Лябуда предполагал, что восточной границей лендзян были истоки Западного Буга и Днестра. Б. Флоря отождествлял лендзян с волянцами. Л. Нидерле сопоставлял их с лучанами. Эту точку зрения приняли Я. Дашкевич и Л. Войтович. А. Головка и А. Горский считают лендзян восточными волянцами. О. Прицак и С. Конча сопоставляют их с полянами в Среднем Поднепровье. В. Баран считает лендзян одной из ветвей дулебов, которая мигрировала на запад. Должны сказать, что нужно учитывать, что Россия у Константина Багрянородного это земли полян и северян. Таким образом, никаким образом это не могли быть поляне. О самих же поляках-лехах Константин Багрянородный практически не знал. Его кругозор не простирался далее Моравии с Чехией. В связи с всем выше сказанным нам представляется верным связать лендзян с лучанами, о которых сказано у Нестора. Византийский ученый, вероятно, знал о лендзянах только имя и от русов знал, что они, мол, данники Руси во время правления княгини Хельги (Ольги). Однако сам факт даннической зависимости лучан от Руси в данный период времени сомнителен, не говоря уже о том, что печенеги не могли прямо с ними граничить. Для этого им нужно было пройти землями белых хорватов, уличей и древлян. Другое дело, что печенеги могли ходить в набеги подобные дальним венгерским рейдам. Сюда же нужно отнести и данные о границе древлян с печенегами. Через земли уличей и полян печенеги конечно могли вторгаться в земли древлян, но прямо с ними они должны были граничить [10, с. 124–125; 8; 9; 86, р. 13–14; 94, s. 181–194; 46, с. 4–7; 47, с. 47–48; 18, с. 131; 24, с. 60–61].

Исходя из логики рассказа Константина Багрянородного, то локализуя племена с запада на восток Була-чопон находился в степном Крыму и в Нижнем Поднепровье. О печенегах сказано, что они исполняют поручения императора в России, Хазарии и Зихии. В договоре же Руси с византийцами в 941 г. было сказано, что русины должны оказать помощь ромеям в случае

вторжения «Черных Булгар». Территория кочевий последних находилась в Прикубанье. Кроме них там проживали касоги – этническая группа смешанного черкесско-тюркского происхождения. Касательно печенегов у Алании, то это должна была быть группа печенегов в районе Волго-Донского междуречья и на Северном Кавказе. О ней и должен был сообщать Джуаншер Джуаншериани. Именно они должны были быть теми «хазарскими печенегами» о которых упоминал анонимный персидский географ. Нужно также упомянуть, что Константин Багрянородный указывал на соседство алан с девятью провинциями хазар. То есть вполне вероятно, что печенеги граничили с донскими аланами. Сведения о границе Суру-Кулбей с хазарами вероятно обозначают границу печенегов с доменом хазарского правителя, то есть собственно Хазарией, поскольку «Черная Булгария» упомянута византийским ученым отдельно от хазар, хотя была составной частью Хазарского каганата. Эта граница должна была проходить по району донско-волжской переволоки. На север от Сирукалпей должны были находится буртасы. У ал-Масуди, Ибн Русте, Тахира ал-Марвази они упомянуты как противники печенегов. Буртасы восточных источников соответствуют Мордии у Константина Багрянородного. Буртасы это общность из племен иранского и волжско-финнского происхождения. Касательно Куэрчи-чур, то область печенегов граничавшая с Узией, это не та область, которая была подчинена огузами. Константин Багрянородный четко проводит различие между подвластными огузам печенегами и пока независимыми от них. Ибн Фадлан локализовал печенегов и башкир на северо-запад от огузов и на юго-восток от волжских булгар. То есть Куэчи-чур это «Заволжская Печенегия». При этом она находилась южнее заволжских и приуральских лесостепей. В IX – начале XI вв. там жили угорские полукочевые племена кушнарекновской и караякуповской культуры, а также угры оставившие мрясимовские курганы, которые жили на севере Башкирии. Во время Ибн Фадлана печенеги в Заволжье должны были жить в степной полосе. На севере от печенегов находились отроги Бугульминско-Белебейской возвышенности, где в лесостепях жили башкиры. Огузская степь локализовалась же в степях Заволжья. Северной ее границей были Быковские курганы на Волге, Увак и Тамар-Уткуль на Илеке. На юге границами «Заволжской Печенегии» были пределы огузских кочевий. На востоке границей был Урал, а на западе – Волга. Некоторая часть печенегов мигрировала в район Самарской луки и получила пристанище у волжских булгар. То есть она проходила вдоль узкой полосы между Мугоджарами, низовьями Илека, Волгой и прикаспийскими полупустынями [68; 44, Глава 37; 32; 50; 20; 22, с. 128–129; 33, с. 454–457; 34, с. 85–105].

Г. Афанасьев отметил сложность локализации владений буртасов указывая, что есть 64 вариантов локализации. Буртасы были оседлым животноводческим и земледельческим населением. Их нишей должна была быть лесостепь. К западу от Волги граница со степью проходила по линии

Балаклея – Валуйки – Россошь – Новохоперск и далее к Самарской луке. Буртасы жили западнее Волги в бассейне Дона в лесостепной зоне в 375–500 км. от хазар. Они были соседями славянских племен вятичей и северян. Буртасам соответствуют археологические памятники аланского лесостепного варианта салтовской культуры [6, с. 7–17; 5, с. 74–79; 3, с. 75–76].

Естественно со временем границы изменились. Крах Хазарского каганата связанный с походом Святослава и вторжением огузов привел к тому, что прикаспийские степи были заняты огузами. Хазария распалась на несколько частей. Дельту Волги после некоторого времени при помощи мусульман хазары отвоевали. Правда за это они были вынуждены обратиться в ислам. В XII в. там уже упоминался Саксин, население которого кроме хазар составляли, болгары, сувары и огузы. Можно предположить, что переселение кыпчаков спровоцировало миграцию огузов в Нижнее Поволжье и оседание там. Смешавшись с местным населением они образовали новую политическую общность – Саксин. Там образовался один из бейликов, на которые распался каганат. Второй центр образовался на Таманском полуострове. Там с 80-х гг. X в. установилась власть Руси. Это владение более известно как Тмутаракань, однако в византийских печатях оно продолжало называться Хазарией и Зихией. В Тмутаракани укрывались князья-изгои, пока Олег Святославич не передал это владение ромеям. Нужно сказать это произошло во второе его появления там, поскольку в конце своего первого пребывания в Тмутаракани он был арестован и выдан ромеям как пленник группой населения, которая называлась хазарами. Третье владение находилось в Дагестане и просуществовало до середины XI в. Г. и Я. Федоровы зафиксировали, что алано-булгарское население было вынуждено отступить в предгорья и горы. Хазарское население укрывалось в землях своих бывших вассалов – Хайдака и Шандана. В грузинских источниках даже зафиксировали этноним «дербентские хазары». «Хазары» зафиксированы в стихах поэта Хакани. О хазарах в Дагестане сказано и в «Истории Ширвана и Дербента». Бегство их из степей в окрестности Дербента датировано серединой XI в., когда огузов потеснили кыпчаки. Хазары и связанные с ними племена спасались бегством в горы. «Черная Булгария» была четвертой землей и находилась от Дона и Кубани. О. Бубенок датирует появление огузов в Подонье в 985 г. Следует думать, что часть печенегов была стеснена огузами. Со времени Владимира мы ничего не слышим о «Черных булгарах». Можно предположить, что они были покорены огузами. Старое население сохранилось в районе Дагестанских степей и районе Кавказских Минеральных вод. Миграция кыпчаков в середине XI в. сместила и печенегов с огузами. Значительное количество населения «Заволжской Печенегии» мигрировало на территорию Волжской Булгарии. Башкиры же остались на своих землях в Приуралье [56; 15, с. 61–82; 54; 21; 70; 33, с. 454–457].

Временем правления князя Владимира датируется серьезное обострение отношений Руси с печенегами. В 980 г. к ним обратился за помощью противник Владимира князь Ярополк, а в 1015–1016 гг. и 1018–1019 гг. их на Русь приводил Святополк воюя против Ярослава. В 1016 г. они были разбиты под Любечем, а в 1019 г. при Альте. Целиком естественно, что при вытеснении из прежних мест обитания они пришли на новые земли. Именно с этим и связаны их вторжения в земли уличей, тиверцев, белых хорватов, полян и возможно северян, а также проникновение в Мунтению. Нестор указывал, что в 988 г. Владимир приказал сооружать на Остре, Десне, Трубеже, Суле, Стугне города, чтобы отражать вторжения печенегов. Очевидно эта мера была ответом на агрессию кочевых соседей. Крайним восточным пределом Руси должна была быть Сула. В 992 г. печенеги совершили вторжение на Днепровском Левобережье и дошли до реки Трубежа, где русины смогли их остановить. В 996 г. печенеги уже пришли в район города Василев (современный город Васильков) и взяли его в осаду. В 997 г. приходили печенеги к Белгороду (современное село Белгородка Киевской области). В правление же Святослава и Ярослава они по одному разу осуществляли вторжения на Русь, правда при этом доходили до самого Киева. Нужно сказать, что Русь должна была вести с ними постоянную войну. Мелких набегов летописец не фиксировал и в целом почти не отмечал набег, которые были вне так называемой «Русской земли». Впрочем Руси удалось таки достичь некоторых успехов. По данным Бруно Кверфуртского печенеги встретившие его не так далеко от Киева соглашались принять христианство только если миссионер примирит их с русинами. В сражении 1036 г. печенежское войско было побеждено русинами и они с того времени перестали беспокоить Русь. Основная масса печенегов сместилась в район между Днепром и Дунаем. Именно там и застают Георгий Кедрин и Иоанн Скилица Тираха и Кегена, которые враждовали между собой. В то время Василий II Болгаробойца сокрушил Первое Болгарское царство, точнее Западноболгарское царство Самуила. Это открыло путь вторжениям печенегов на Балканы. Если в 934 г. печенеги приходили на земли ромеев как союзники венгров, а в 941 и 970 г. как союзники Руси, то в 1018 г. они вторглись во владения ромеев как самостоятельная сила. При императоре Василии II граница с кочевниками проходила по естественной преграде – нижнему течению реки Дунай. Весьма вероятно, что в первой четверти XI в. огузы уже заняли земли между Днепром и Доном. Мстислав смог например без проблем привести на Русь свою дружину из аланов и касогов, что было возможно при дружественных отношениях с кочевниками. Этими кочевниками могли быть только огузы, первая война Руси с которыми датирована только 50-ми гг. XI в. В целом они были союзны Руси. Печенеги же были настроены враждебно. Вполне возможно, что в правление Ярослава граница с кочевниками сместилась с Сулы в район Ворсклы, где позже проходила и с кыпчаками. Обычно границей с кочевниками был регион от

Хорола и Псла до Ворсклы. Как природную преграду для вторжений русины использовали реки. При этом граница с кочевниками колебалась в связи с балансом сил. Печенеги могли находиться постоянно на Стугне только если глубоко вклинились в пределы Руси. Усобица между сыновьями Святослава в 972–980 гг. могла только способствовать этому [56; 14; 30; 29, 117, 197–198, 299–300, 312–313; 17; 87].

События второй четверти XI в. должны были несколько трансформировать печенежское общество. В византийских источниках фиксируется уже не восемь, а тринадцать племен. При этом по названиям упомянуты только Белерман и Пагуман. Печенежские вожди Тирах и Кеген воевали между собой. Ал-Бакри сообщал, что часть печенегов приняла ислам и воевала с теми, что исповедовали веру маджуси (то есть язычество). Печенегов раздирали междуплеменные войны и на этом фоне понятно, почему их смогли разбить русины и огузы. В 1017 г. болгары вели переговоры с печенегами в последней надежде сохранить свое государство. П. Диакону считает, что печенеги также контактировали с печенегами и император Василий II сделал все возможное, дабы не допустить союз кочевников с болгарам. В. Тыпкова-Займова предположила, что василевс предложил больше денег чем болгары. В 1027 г. печенеги вторглись в владения Византии и опустошили фему Болгария в районах Белграда, Браничева, Ниша, Видина. По сведениям Иоанна Скилицы, печенеги напали на Болгарию и увели в плен много людей включая тагмархов и стратигов. Иоанн Зонара сообщал, что печенеги перешли Дунай, однако правитель Сирмия и дука Болгарии Константин Диоген их разгромил [27, с. 190–192; 17].

В 1032 г. печенеги прошли всю Мезию до Фессалоник. Иоанн Скилица писал, что вторжение печенегов через Дунай в Мезию, состоялось после того как на небе заметили комету, которая была плохим предзнаменованием. Они пересекли Дунай в районе Северо-Западной Болгарии, перейшли Балканы в районе Софии и вторглись в долину реки Струмы. Михаил Глика датировал вторжение печенегов июлем 1032 г. и указывал, что они перешли Истр и опустошили Мезию. Иоанн Зонара сообщал, что печенеги вторглись в Болгарию, а по возвращению из похода убили многих пленников. По сведениям Иоанна Скилицы перед 1035 г. печенеги вторглись и причинили много вреда как Мезии и Фракии, так и Македонии. В 1036 г. печенеги организовали три нападения и взяли в плен пять стратигов. В 1036 г. были взяты крепости Скала, Цар Асен, Доростол (Силистрия), Диногетия, Хиршова. Уцелели крепости Нуферу, Капидава, Балчик, Пэку-луй-соарэ. Правда Капидава и Дервент таки были взяты печенегами. То есть печенежские вторжения обходили приграничные крепости Добруджи стороной. Уцелели крепости куда можно было перебросить войска и продовольствие по воде суднами. Иоанн Киннам и Никита Хониат приписывали опустение Мезии печенежским набегам. В 1036 г., по мнению П. Диакону, печенеги договорились с

Византией, что дало им возможность сосредоточить свои силы на противостоянии огузам. Договор заключил Тирах. Этот вождь высказал возмущение, когда ромеи приняли у себя Кегена, который был врагом Тираха. Иоанн Скилица считал печенегов «царскими скифами» и указывал, что владения Тираха простирались от Днепра до Дуная. Тирах был назван сыном Килтера, а Кеген сыном Валцара. Византийский хронист сообщал, что Кеген происходил из незначительного рода. Сообщалось, что он был храбрым воином и отметился в битвах против огузов, а Тирах под давлением огузов вынужден был откочевать к Дунаю. Много раз Тирах нападал на Кегена и устраивал на него засады, но всякий раз тот умудрялся улизнуть. Преследуемый Тирахом он укрылся в болотах Борисфена (в Великом Луге за порогами). В очередной раз убегая от врагов, Кеген перешел границу Империи у Доростола (Силистрии). Иоанн Зонара сообщал, что печенегов возглавлял Тирах, однако любовью народа пользовался Кеген. Зная это, Константин Мономах пригласил к себе Кегена. Этот печенежский вождь принял крещение и убедил многих своих людей сделать это. Обосновавшись в Подунавье, Кеген начал нападать на Тираха. Тирах пересек Дунай зимой, и воевал против Кегена и ромеев. В войске Тираха началась эпидемия и Кеген напав на ослабленных врагов победил их. С 1036 г. началось оседание печенегов в Византийской империи [29, с. 117, 197–198, 299–300, 312–313; 17].

С 1036 г. возросло давление печенегов на соседей, это в первую очередь было связано с давлением оказываемым на печенегов сначала огузами, а потом кыпчаками. Матеос Урхаэци сообщал, что в 1050–1051 гг. много страшных и ужасных вещей произошло из-за алчного и мерзкого народа печенегов. Указывалось, что народ змей потеснил народ светлых, а тот потеснил узов, а те напали на печенегов. Многие провинции были опустошены мечом. К 1064 г. печенегами были утрачены земли на север от Дуная. Иоанн Зонара, Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Михаил Атталиота сообщали, что в 1064 г. узы (огузы) перешли Дунай и вторглись в Фракию и Македонию, дойдя до Фессалоник. Суровая зима и сопротивление осевших в Византии печенегов при помощи болгар и ромеев. В 1048 г. печенеги возобновили войну против ромеев и перешли Гемус (Балканские горы). Арианит был вынужден отступить к Адрианополю. Тирах разбил ромеев при Диамполе и Диакене. Кекавмен сообщал о поражении войска Константина Ректора от печенегов, которые в большом количестве пришли в ромейские земли. В битве погибло много храбрейших ромеев и вся страна была в трауре. На протяжении 1049–1050 гг. печенеги вторгались в Фракию. В битве погибли византийские командующие Арианит и Докиан, а препозит Константин попал в плен. По сведениям Иоанна Скилицы сменившие их Никифор Вриенний и Михаил Аколупф нанесли печенегам поражения у Хариуполя, Катасирти и Адрианополя. Михаил Атталиота писал, что Никифор Вотаниат изгнал печенегов из Фракии и Македонии. Михаил Глика и Иоанна Скилица писал, что печенеги

были вынуждены подписать в 1053 г. перемирие с ромеями на тридцать лет. По его условиям в Паристрионе-Парадунавоне выделялась автономная единица – Пационакия. На византийском берегу Дуная образовались печенежские анклавы. Взамен за это печенеги обязались служить в ромейском войске. Правитель Пационакии получил титул магистра, а также назывался архонтом. Один из таких печенегов был крещен и получил имя Иоанн. Возможно, что это тот же Кеген, поскольку в Силистрии была найдена печать с надписью «Помоги Боже Иоанну Кегену архонту нашему». Периодически Византийская империя восстанавливала свою власть над придунайскими землями. По сведениям Михаила Атталиоты и Иоанна Скилицы, в 1059 г. Исаак Комнин совершил поход против печенегов и восстановил имперскую власть над Параистрионом. Григорий Бакуриани, с которым пришлось столкнуться печенегам, описывал их как наиболее ужасных врагов не только ромеев, но и всего христианства. Через некоторое время после этого следовали восстания против имперской власти и в 1074 г. Паристрион снова отпал от ромеев, вступив в тесные отношения с кочевниками, которые опустошали Фракию и Македонию. В 1078 г. печенеги поддержали бунт Никифора Вриения и дошли до Адрианополя. Михаил Атталиота указывал, что с печенегами контактировал богумил Лека (ромей по происхождению). Около 1079 г. печенеги снова напали. По данным Иоанна Зонары, вестарх Нестор обособился от центра и стал заодно с печенегами Татуша в 1074 г. В 1078 г. печенеги занимались в войска Никифора Васибеки и Никифора Вотаниата. В 1086 г. они поддержали восстания Леки и Травла. Факт союза печенегов с бунтующими полководцами и богумилами отмечали Михаил Атталиота и Георгий Кедрин. По мнению А. Маджару, Пационакией стала называться Северо-Восточная Болгария, которая соответствовала Парадунавону. В 1087 г. во главе печенегов находился Челгу, который умер после битвы при Куле. Благодаря печатям императора Алексея и его брата Адриана найденным в Силистрии подтверждено участие императора в кампании 1088 г. на Нижнем Дунае. Анна Комнина указывала, что богумил Травл в 1083–1086 гг. договорился со скифами (печенегами) живущими в Паристрионе. В городе Дристра (Силистрия) укрепился Татуш, в Вичине – Хали. Саца и Сеслав вероятно правили еще какими-то городами. По мнению Н. Мельника, печенеги контролировали земли между Дунаем и Балканскими горами [27, с. 15, 114, 118–120, 175–177, 199–201, 331–332; 51, Часть 1; 26, с. 166–173, 174–180, 182–185, 188–190, 193–195, 200–202, 215–216, 321–324, 329–333, 338–340; 29, с. 117, 119–121; 43, Книга 3. Параграф 8, Книга 6, Параграфы 4, 14; 91, р. 142–143; 90, р. 148–149; 35, с. 42–45, 49–52; 83, р. 180–186; 17; 80, р. 207–218].

Мануил Ставроман сообщал, что печенеги напали и форсировали Истр, перешли Гемус (Балканы) и грабили земли болгар. Анна Комнина сообщала, что в битве с ромеями (в 1087 г.) около Голои погиб вождь печенегов Челгу, одно имя которого наводило ужас на ромеев. Этот успех ободрил ромеев и

они стали излишне самоуверены. В битве у Белятово ромеи Враны были разбиты превосходящими силами печенегов. Около Филиппополя огуз Татикий, собрав значительное войско, вынудил отступить печенегов с Марицы и от Филиппополя. Европейские хронисты времен Первого Крестового похода говорили о печенегах, как о воинах в латах и с луками. В 1088 г. сам император Алексей Комнин возглавил кампанию против печенегов, пересек Балканские горы, взял Средец и Преславу, а потом вышел к Силистрии. Он считал, что печенегов нужно добить и вернуть контроль над Паристрионом и не послушал советов Григория Маврокатаколону и Никифора Вриенния. Инициативу императора же поддерживали молодые полководцы во главе с Николаем Маврокатаколом. Никифор Вриений указывал же, что на равнине у конницы печенегов будет преимущество. Печенеги искали способа заключить мир, однако ромеи не йшли на это. В войске ромеев были огузы Татикий и Узос. В битве у Силистрии ромеи печенеги напали с тыла на лагерь ромеев и обратили часть из них в бегство. Однако император сохранил порядок в оставшихся частях и взял Силистрию в осаду. Татуш отправился искать помощи у кыпчаков, а городом правил его клан. Около Большой Преславы состоялся бой с ромеями, который печенеги начали, наступая лагерем из повозок. Сын Романа Диогена Лев погиб в попытке напасть на печенегов. На помощь печенегам в Преславе приблизилось 30 тыс. печенегов и император был вынужден отступить, пробиваясь с своими телохранителями сквозь окружение. Пленных ромеев печенеги продали в рабство. Довершить разгром ромеев печенегам помешал конфликт с кыпчаками и поражение от них при Узолимне. Алексей был вынужден пойти на перемирие с печенегами, после которого состоялась битва при Кипеселле, где ромеи были снова разбиты и печенеги взяли Тавроком и Хариуполь. Под Хариуполем печенеги разбили элитный отряд византийских архонтопулов (телохранителей императора). Ромеи разбили печенегов в двух битвах, одна из которых происходила у Цурула, однако это не помешало печенегам совершать набеги на Фракию и подойти к самим стенам Константинополя. Около Апрома ромеи напали на отдельный отряд печенегов и одержали победу. В 1090 г. печенеги осаждали Русий. Для войны против них ромеям понадобился союз с кыпчаками и в битве под Левунионом весной 1091 г. военная мощь печенегов была сокрушена. Кыпчаки и печенеги обстреливали друг друга из луков, а когда пришло время рукопашной, то ромеи и кыпчаки сразились с печенегами и одержали над ними победу [93, s. 518–519; 82, p. 134–148; 90, p. 136–145; 35, c. 52–55, 95–97; 43, Книга 6, Параграфы 4, 14, Книга 7, Параграфы 1–7, 10–11, Книга 8, Параграфы 1–2, 4–6; 91, p. 49, 121; 80, p. 193, 197–205; 29, c. 95; 36, c. 153–161; 83, p. 193, 197–205; 92, p. 101–105].

Несколько ранее в конце X в. печенеги начали выселяться в Венгрию. По сведениям Анонима из земель бисенов (печенегов) пришел Тонузоба, который был отцом Уркюна. От Уркюна произошел Тома. Аноним указывал,

что жил Тонузоба во время короля Иштвана. Тонузоба до конца своей жизни оставался язычником и жил в Кемейской земле. Только его сын Уркюн стал христианином. Тонузоба был погребен с своей женой в местности Обудсалок [87]. Во второй половине XI в. много печенегов мигрировало в Венгрию. Венгры расселили их вдоль своей границы. Печенеги в качестве вспомогательных войск широко использовались и венграми. Уже в 1052 г. печенеги помогали венгерскому королю отразить немецкое вторжение. В 1074 г. Шаломону, который вторгся в Венгрию во главе немецких войск, снова противостояли венгры и печенеги [60, с. 88–89; 90, р. 128; 77, old. 119–129; 85, old. 10; 84, р. 30]. На западной границе Венгрии печенегов поселили вблизи реки Рааб у Залашском, Шомодском и Вахшском комитатах. В мошонском и шопронском комитатах жили печенеги, которые мигрировали еще при вожде Золтане. Многие из этих печенегов были или германизированы или погибли в войнах с немцами. Печенеги, которые жили далее от границ – в комитатах Дьёр и Комарно, еще у XIII в. сохраняли свою идентичность и аристократические роды. Они также жили вблизи Эстергома, Пожони (Братиславы) и на реках Нитра и Житава. Печенежские топонимы были найдены и на Ваге [60, с. 60–63, 65–68]. Другая группа поселенцев расселилась у Матры и Буковых гор. Печенежские поселения находились около рек Бадова, Шайо и Эгер, в комитатах Эгер и Баршодь. Вблизи южных отрогов Новоградских гор находились владения печенегов, которые связывали матро-буковскую группу с западнословацким анклавом [Расовский 2012, с. 69–71, 80–81]. Вблизи Тисы в комитате Сабольч находились села с печенежским населением. Далее на восток печенегов расселяли по долинам горных рек. Так одна из групп была расселена по среднему течению реки Беретьйо и по течению Фекете-Кереша в Бихарском комитате, а также по рекам Марош в Арадском и Хуньядском комитатах. На территории Трансильвании печенеги были расселены в комитатах Харомсек, Бестерце-Насод, Киш-Кюкюллё, Фегераш, Чик, Удвархей. В Южных Карпатах (Трансильванских Альпах) существовало поселение Csernabesenyо. Также печенежским буфером была прикрыта южная граница Венгрии. Их поселения находились в комитатах Срем, Вереч, Барань, Шомодь, Бач-Бодрос, вдоль Дуная, Савы и Дравы. Печенеги также владели землями вблизи Печа и Мохача. На расстоянии от границы, вблизи от Балатонского озера в границах Шомодского комитата жила небольшая группа печенегов. Вообще в Венгрии ученые насчитали 190 печенежских топонимов [60, с. 71–75; 77, old. 124–167; 79, р. 111–120].

Экспансия огузов привела к переселению значительного количества печенегов в пределы Византии и Венгрии. Автор Пожоньской хроники и Шимон Кезаи считали, что местности до Бихара и провинцию Нир опустошили бессы (бешенье, печенеги). Авторы Будской и Дубницкой хроник, а также Януш Туроци, сообщали, что на Венгрию напали куны. Поход датирован 1070 г. Возглавлял кунов Озул. Шимон Кезаи называл его сервиентом

князя кунов Дьюлы. Хронист сообщал, что Озул не ожидал нападения венгров. Венгры неожиданно напали и победили врага [91, p. 118; 88, s. 142–144; 71, с. 327; 76, s. 115–117, 171–173]. Венгерские исследователи считали кочевников, которые осуществили нападение, или огузами или печенегами. Это логично, поскольку кыпчаки только в 1071 г. начали беспокоить набегами Поросье. К тому же, Анна Комнина сообщала, что кыпчаки кочевали далеко от владений печенегов на Балканах [71, с. 326; 43, Книга 7, Параграф 5].

В 1087 г. Челгу вместе с изгнанником Шаломоном воевал против ромеев. Антонио Бонфини называет его союзниками кунов (кыпчаков). В «Иллюстрированной хронике» под 1085 г. сказано, что Шаломон после неудачного вторжения в Венгрию вместе с Кутеском напал на Болгарию. Составитель «Будской хроники» повторил сведения «Иллюстрированной хроники». То же характерно и для Яноша Туроци. Венгерские источники, говорят об поражении Шаломона и его союзников. Анна Комнина более подробно описала их действия. По ее сведениям, полководец скифов (печенегов) вышел весной из долины Дуная и взял Хариуполь. Против него было отправлено войско Николая Маврокатаколона, которое подошло к Куле. Челгу двигался по его следам. На равнине около Кулы Маврокатаколон разделил свое войско на несколько частей и дал бой превосходящему войску кочевников. В битве погибло много печенегов, а также получил смертельную рану Челгу, который ранее своими действиями приводил в замешательство целые отряды. Рядом со «скифами» противниками ромеев названы даки (венгры Шаломона) [48, с. 80–81, 87, 107–108, 134; 43, Книга 7, Параграф 1; 90, p. 142; 81, p. 136–137; 77, old. 116–117; 35, с. 53].

Нужно сказать, что Анна Комнина фиксировали печенежские владения на север от Дуная до 1088 г., когда Татуш призвал к себе на помощь кыпчаков. Те явились к печенегам, когда те уже разбили ромеев. Кыпчаки потребовали добычи, а печенеги им отказали мотивируя тем, что те ничего не сделали. Это привело к битве между кыпчаками и печенегами и Узолимне, в которой кыпчаки взяли верх. Можно с уверенностью утверждать, что земли между Дунаем и Днестром. В последующие годы печенеги были заняты войной против ромеев. В 1091 г. Алексей Комнин стесненный печенегами был вынужден призвать себе на помощь кыпчакских вождей Боняка и Тугоркана. Те помогли разбить печенегов в битве под Левунионом и после нее Пацинакия как политическое образование было ликвидировано [43, Книга 7, Параграф 5, Книга 10, Параграф 2–4].

Таким образом мы пришли к следующим выводам. Пребывание печенегов в Восточной Европе можно разделить на несколько этапов. Первый может быть датирован 90-ми гг. IX в. – 50-ми гг. X в., когда печенеги переселились в Восточную Европу из Волго-Уральского региона. Племя Языкапан владело землями в Буджаке и Береганской степи и непосредственно граничило с Первым Болгарским царством. Кубашин-юла граничило с венграми в

районе Восточных Карпат и должно было вытеснить тиверцев в район Верхнего и Среднего Поднестровья. Оно же должно было нападать на белых хорватов. Племя Кара-бой вклинится во владения полян и оттеснить уличей от Днепра. Племя Йабды-эртим граничила с так называемой «Русской землей», то есть с полянами и северянами. Касательно лендзян, то их можно отождествить с лучанами и их земли не граничили с печенегами, но те могли проникать туда при набегах. Также Йабды-эртим не граничила с древлянами. Реально это племя граничило с уличами в лесостепном Побужье и осуществляло набеги на белых хорватов и тиверцев. Племя Суру-кулбей на севере граничило с бургасами по линии Балаклея – Валуйки – Россошь – Новохоперск и южной границы Самарской луки. Племя Бору-талмач должно было кочевать в районе среднего течения Северского Донца гранича с донскими аланами и хазарами. Часть этого племени должна была находиться в зависимости от хазар и граничить с «Черной Булгарией». На юге граница должна была проходить по району Волго-Донской переволоки. Була-чопон находилась в степном Крыму и прилегающих землях Нижнего Поднепровья. Печенеги этого племени могли нападать на Русь в районе днепровских порогов и осуществлять нападения на черкесов-касогов и хазарские владения на Таманском полуострове. Куэрчи-чур жили в «Заволжской Печенегии» на севере степной зоны между Волгой и Уралом. Рядом с ними в Лесостепном Приуралье обитали союзные им башкиры.

Второй период наступает в 60-х гг. X в, когда Святослав своими походами ослабляет Первое Болгарское царство и сокрушает Хазарский каганат. Печенеги устремляются в Мунтению и оттесняют в горы население Балкано-Дунайской культуры. Распад Хазарского каганата на отдельные бейлики способствует экспансии огузов, которые должны были в 80-х гг. X в. выйти к Дону. Это обуславливает усилившиеся демографическое давление печенегов на Русь. Граница Руси с печенегами проходит в районе Стугны и Сулы. Владимир, чтобы противостоять их натиску, вынужден строить линию крепостей на Днепровском Правобережье и Левобережье. Первые группы печенегов начинают поселяться в Венгрии с разрешения венгерских вождей. Крушение Первого Болгарского царства открывает для печенегов перспективы вторжений во владения Византийскую империю. Однако в 20-х гг. XI в. их вторжения еще удастся сдерживать и граница проходит по Дунаю.

Третий период наступает, когда на печенегов с 30-х гг. XI в. начинают усиленно давить огузы. Первые печенеги поселяются в Паристрионе-Парадунавоне в 30-х гг. XI в. с разрешения на это со стороны имперских властей. Война 1048–1053 гг. печенегов с ромеев обусловлен занятием огузами Днепровского Правобережья. Печенежские владения на север от Дуная завоеваны огузами до 1064 г. После неудачного вторжения огузов на Балканы в 1064 г. печенеги на некоторое время отвоевывают степные пространства Буджака и Бергани. В 1089–1091 гг. эти территории заняты кыпчаками. При

вытеснении огузами и кыпчаками печенеги оставили степи и их анклавы находились в районе северо-западной Болгарии в рамках фемы Парадунавон-Паристрион, в Венгрии вдоль Западных Карпат от Матры до Тисы, вдоль Восточных и Южных Карпат.

Таким образом, границы печенегов были достаточно пластичными и их контуры зависели от соотношения сил в конкретной местности в конкретное время с конкретным противником. Первое Болгарское царство и Хазарский каганат были серьезными сдерживающими факторами для печенегов. С их ослаблением и крушением Руси и Византийской империи пришлось столкнуться с большими трудностями. Касательно же отдельных славянских племен (уличей и тиверцев) и валахов, то они не были способны эффективно сдерживать кочевников и оставили ряд своих территорий уходя в лесостепную и лесную зону.

Список литературы

1. Алексеев С.В. Славянская Европа VII–VIII вв. М.: Вече, 2007. 403 с.
2. Анікєєв Д.О. Міграція і розселення печенігів за повідомленнями вчених Арабського халіфату IX–X ст. // Сходознавство. № 48. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю.Кримського, 2009. С. 3–13.
3. Афанасьев Г.Е. Буртасы // Исчезнувшие народы. М., 1988. <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/burtas/burtas.htm>
4. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асско-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
5. Афанасьев Г.Е. Поиск страны фурт-ас. Достояние поколений. № 1 (2). М.: Археологическое наследие, 2007. С. 74–79.
6. Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации Хазарии и Фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум Идель-Алтай. Тезисы докладов. Казань, 2009. С. 7–17.
7. Баженов О.Л. Історія та культура Середнього Подністров'я IX–XIII ст. Кам'янець-Подільський: Медобори-2006, 2009. 304 с.
8. Баварский Географ. Электронный вариант 2005 года. Перевод И.В. Дьяконов. http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text.phtml?id=61
9. Баварский Географ // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и культуре, 2010. http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text2.phtml?id=9648
10. Баран В.Д. Давні слов'яни. К.: Альтернативи, 1998. 336 с.
11. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в Слове о Полке Игорева. М.: Наука, 1985. 210 с.
12. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. // Записки Императорской Академии Наук. Т. 32. № 2. СПб.: Императорская

академия наук, 1878. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Bekri/ frametext.htm>

13. Бертинские анналы // Латинские источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. 1. Середина IX–первая половина XII в. М.: Институт истории АН СССР, 1989. http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/ text4.phtml?id=10252 <http://wyradhe.livejournal.com/314568.html>

14. Бруно Кверфуртский. Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II // Киевские Университетские Известия. № 8. К.: Университетская типография, 1873. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/ Germany/XI/1000-1020/Bruno_Querfurt/brief_Henrich_II.phtml?id=6938

15. Бубенок О.Б. Алано-огузькі контакти у степах Східної Європи у після хозарський період // Східний Світ. №1. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського, 2008. С. 61–82.

16. Бубенок О.Б. Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата // Хазарский альманах. Вып. 12. К.: Институт востоковедения им. А.Ю. Крымского, Международный Соломонов университет, 2014. С. 34–68.

17. Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Труды Василевского. Т.1. СПб., 1908. http://Annales.info/byzant/vasiljevsk/1_01.htm

18. Войтович Л. Лендзяни: нові варіації на старі мотиви // Вісник інституту археології Львівського університету. Вип. 10. К., 2015.

19. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973. http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm

20. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века). СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870. IX, 308 с.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/13.htm

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_dop_mus_pis/text.htm

21. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. М.: Восточная литература, 1971. 135 с.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext1.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext2.htm>

22. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 212 с.

23. Головка О.Б. Хазарія і печеніги в процесі становлення державності у слов'ян Східної Європи // Хазарський альманах. Т.2. Киев, Харьков, М., 2004. С. 19–33.

24. Головка О.Б. Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державо-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. К.: Видавничий дім СтилоС, 2006. 575 с.

25. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. К. : Университетская типография, 1884. 254 с.
26. Гръцки извори за българската история. Т. VI. Съставили и редактирали Тъпкова В., Войнов М., Йончев Л., Тъпкова-Заимова В., Дуйчев И., Иванов Й., Йончев Л., Батаклиев Г., Коледаров П. София: Българската академия на науките, 1965. 371 с.
27. Гръцки извори за българската история. Т. VII. Съставили и редактирали Цанкова-Петкова Г., Тъпкова-Заимова В., Тивчев П., Йончев Л., Батаклиев Г., Коледаров П. София: Българската академия на науките, 1968. 300 с.
28. Гръцки извори за българската история. Т. VIII. Съставили и редактирали Войнов М., Тъпкова-Заимова В., Йончев Л. София: Българската академия на науките, 1972. 322 с.
29. Гръцки извори за българската история. Т.Х. Съставили и редактирали Йончев Л., Тъпкова-Заимова В., Батаклиев Г., Войнов М. София: Българската академия на науките, 1980. 421 с.
30. Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988. 239 с. http://oldru.narod.ru/biblio/ldt6_10.htm
31. Добролюбський А.О., Смирнов І.О. Кочовики південно-західної України в X–XVII століттях. К-Миколаїв: Іліон, 2011. 172 С.
32. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии А.П. Ковалевского. Под редакцией И.Ю.Крачковского. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 193 с. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>
33. Иванов В.А. Печенеги, гузы, торки. История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 452–458.
34. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
35. Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб.: Алетейя, 2003. 179 с.
36. Козлов С.А. Больше чем враг: особенности изображения печенегов в византийской литературе эпохе первых Комнинов // *Byzantinoslavica. Revue Internationale des etudes Byzantines*. Vol. LXXI/2. Prague: Slovanský ústav Akademie věd ČR, 2003. С. 145–161
37. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 134 С.
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Kokovcov/frametext3.htm>
<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Kokovcov/frametext4.htm>
38. Колода В.В. Картографирование средневековых городищ Днепр-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // *Древности*. Вып. 9. Харьков: ООО НТМТ, 2010. С. 178–197.

39. Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным. Хазары. М.; Иерусалим: Гешарим, Мосты культуры, 2005. С. 207–218

40. Комар А.В. Салтовская и салтоидная культура в Поднепровье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II международной научной конференции (12–16 сентября 2004 г.). Часть III–IV. Киев-Судак: Академперіодика, 2004. С. 87–91.

41. Комар А. Древние маляры Этелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Вип. 7. К.: Інститут археології НАН України, 2011. С. 21–78.

42. Комар А.В. Поляне и северяне. Древнейшие государства на территории Восточной Европы, 2010. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128–191.

43. Анна Комнина. Алексиада. Пер., вступит. статья, комм. Я.Н. Любарского М.: Наука, 1965. 688 с. <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka/1176--qq-1965>

44. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Пер. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text1.phtml?id=6365

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text2.phtml?id=6366

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text3.phtml?id=6367

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text4.phtml?id=6368

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text5.phtml?id=6369

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text6.phtml?id=6370

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text37.phtml?id=6396

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text38.phtml?id=6397

45. Коновалова И.Г., Перхавко О.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 294 с.

46. Конча С. Lenzaninói Константина Багрянородного у контексті проблеми ляхів-лендзян // Вісник Київського національного університету ім. Т.Г. Шевченка. Вип 11. К.: Київський національний університет ім. Т.Г. Шевченка, 2007. С. 4–7.

47. Конча С. Лензяни і поляни // Українознавство. № 12. К.: НДІ Українознавства, 2008. С. 47–49.

48. Латински звори за българската история (Унгарски латиноезычни Извори. Ч.1). Т. 5. София: Българската академия на науките, 2001. 195 с.

49. Майоров А.А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. № 6. Т. 21. Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 8–12.

50. Шараф Заман Тахир ал-Марвази. Естественные свойства животных. Глава о тюрках // Труды сектора института востоковедения. Т. 1. Алматы, 1959. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Marvazi_Tahir/frameset1.htm
51. Матвей Эдесский. Хронография. Перевод Гуринов Е.А. Электронная версия 2012 года. http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Matfei_II/frameset12.htm
52. Мельник М. Візантія і кочівники Північного Причорномор'я в XI ст. (проблеми історіографії) // Наукові зошити історичного факультету Львівського університету. № 5-6. Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2003. С. 20–32.
53. Мельник М. Кочівники та осіле населення Дністровського-Дунайського регіону в румунській і молдавській історіографії 70-80-х рр. XX ст. // Наукові зошити історичного факультету Львівського національного університету ім. І. Франка. Вип. 7. Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2005. С. 13–24/
54. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. Пер. С.Г. Микаэлян. М.: Восточная литература, 1963. 265 с.
http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/text.phtml?id=1893
http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/posl12.phtml?id=1895
http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/pril2.phtml?id=1899
55. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
56. Повесть временных лет. Прозаический перевод на современный русский язык Д. С. Лихачёва. <http://www.old-russian.chat.ru/01povest.htm>
57. Прицак О., Голб Н. Хазарско-еврейские документы X века. Ред., посл. и комм. В.Я. Петрухина. Изд. 2-е испр. и доп. М.; Иерусалим, 2003. 240 с.
58. Рабинович Р.А. Уличи и тиверцы в оценках истриографии. Stratum Plus. 2003–2004. № 5: Мастера Средневековья. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2005. С. 440–484.
59. Рабинович Р.А. Поганые тлковины. О происхождении уличей // Stratum Plus. № 5: Антские древности. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 89–106.
60. Расовский Д.А. Печенеги, торки, берендеи на Руси и в Угри. Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. М.: ЦИВОИ, 2012. С. 39–111.
61. Регинон Прюемский. Хроника. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и культуре, 2010. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Regino_Pruem/text2.phtml?id=9684
62. Сапельняк Т.І. Писемні відомості про уличів та тиверців (огляд джерел) // Наукові записки історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя: Історичний факультет Запорізького державного університету, 2004. С. 9–16.

63. Сапельняк Т.І. Уличі і тиверці в Карпато-Причорноморських землях (друга половина IX – перша половина X ст.). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Спеціальність 07.00.01 – Історія України. Одеса: Одеський національний університет ім. І.І. Мечнікова, 2006. <http://referatu.net.ua/referats/7569/168134>

64. Сапельняк Т.І. Проблема локалізації літописних улличів. Сторінки історії: збірник наукових праць. Вип. 27. К.: Політехніка, 2008. http://ela.kpi.ua/bitstream/123456789/12323/1/27_24_Sapelnyak.pdf

65. Сухобоков О.В. Ранні етапи культури літописних сіверян (ще раз про пам'ятники волинцівського типу) // Восточноєвропейський археологічний журнал. № 3–4 (май-июнь). К., 2001. <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/sukhobokov.htm>

66. Титова Е. А улличи и тиверцы сядяху по Днестру. Этнический состав населения Карпато-Днестровских земель // Русин. № 1–2. Кишинев: Общественная организация «Русь», 2008. С. 206–212.

67. Тортика А.А. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков: Харьковская государственная академия культуры, 2006. 553 с.

68. Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, болгарях, буртасах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Лондонского музея. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. 214 с.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text4.htm

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text5.htm

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text2.htm

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text1.htm

69. Федоров Г.В. Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) // Stratum plus. № 5. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 1999. С. 14–74

70. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1978. 296 с.

71. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

72. Щавелев С.П. Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // Вопросы истории. № 10. М.: Редакция журнала Вопросы истории, 2003. С. 141–145 http://Annales.info/hazar/small/vi2003_10.htm

73. Цуккерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. № 1. К.: Институт археологии НАН Украины, 2003. С. 76–99 <http://iananu.kiev.ua/archaeology/2003-1/zukerman.htm>

74. Юрченко А.В. До питання про характер стосунків слов'ян з носіями салтово-маяцької культури в лісостепу // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник молодих вчених. №16. Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2013. С. 67–75.

75. *Annales Fuldenses // Scriptorum Rerum Germanicarum*. Hannoverae, 1891. <https://archive.org/details/annalesfuldenses00einhuoft>
http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000760_00002.html?html=truer&sortIndex=010:070:0007:010:00:00&leftTab=toc
76. *Chronicon pictum Vindobonense / ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptorum ; 2. Lipsiae, 1883. S. 110–245.*
77. Gyórfy Gy. *A magyarság keleti elemei*. Budapest: Gondolat Kiado, 1990. 324 old.
78. *Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A H. – 982 A. D. /Tr. and expl. by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold. London: Luzac & co., 1937. [VII]–XX p., 1 L., 524 p.* <http://odnapl1yazyk.narod.ru/hududalal.htm>
79. Madgearu A. *Români și pecenegi în Sudul Transilvaniei Relatii Interetnice în Transilvania. Secolele IV–XIII // Bibliotheca Septemcasternsis. Vol. XII. București i: Departamentul pentru Relații Interetnice – Editura Economică București, 2005. P. 111–120.* <http://arheologie.ulbsibiu.ro/publicatii/bibliotheca/relatii%20interetnice%20in%20transilvania/6%20madgearu/articol1.htm>
80. Madgearu A. *The Pechenegs in Byzantine army. The Steppe lands and the world beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday*. Iași: Editura Universitatii Alexandru Cuza, 2013. P. 207–218.
81. Malamut E. *L’image Byzantine des Petchenegues // Byzantinischen Zeitschrift. Band 88/1. München: De Gruyter, 1995. P. 105–147.*
82. Meško M. *Notes sur le chronologie de la guerre des Byzantines contre les Pecheneges // Byzantino-Slavica. T. LXIX. Prague: Slovansky ústav AV ČR, 2011. P. 134–148*
83. Meško M. *Pechenegs groups in the Balkans (ca. 1053-1091) according to the Byzantine Sources. The Steppe lands and the world beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday*. Iași: Editura Universitatii Alexandru Cuza, 2013. P. 179–205
84. Paloczi-Horvath A. *Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary*. Budapest: Corvina Kiadó, 1989. 141 p.
85. Pálóczi Horváth A. *Asszimiláció és továbbél hagyományok a középkori Magyarországon. A keleti népek példája. Studia Caroliensia № 3/4. Budapest, 2003. Old. 9–12.*
86. Pritsak O. *The Pechenegs. A case of Social and Economic Transformation // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 1. Le Hague – Lisse: Mouton, 1976. P. 4–29.*
87. Rady M. *The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Béla: A Translation // Slavonic and East European Review. Vol. 87 (4). London: University college London, 2009. P. 681–727* <http://discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

88. *Scriptores Rerum Hungaricarum Veteres ac Genuni. Cura et Studio Joannis Georgii Schwandtneri. Pars Prima. Vindobonae: Typis Joannis Thomae nob. de Trattnern, Caes. Reg. Aulae Typographi et Bibliopolae, MDCCLXVI, 1766.* <http://mek.oszk.hu/08800/08829/08829.pdf>

89. Simonis de Keza. *Gesta Hungarorum // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores ; 2. Lipsiae: [s. n.], 1883. S. 52 – 99.*

90. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute – Istros Publishing House, 2003. 546 p.*

91. Spinei V. *The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden-Boston: E.J.Brill, 2009. 565 p.*

92. Stephenson P. *Byzantium Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 352 p.*

93. Tryjarski E. *Pieczyngowie. Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrocław: Ossolineum, 1975. S. 479–625.*

94. Wasilewski T. *Dulebowie – Łędzianie – Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych and Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // Przegląd Historyczny. R. 67. № 2. Warszawa: Wydawnictwo DiG Sp.j., 1976. S. 181–194.*

Сведения об авторе: Пилипчук Ярослав Валентинович, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук (Украина, г. Киев, ул. Грушевского 4, каб. 210), e-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

THE FRONTIERS OF THE PECHENEGS IN EASTERN EUROPE

Ya. Pilipchuk

*A. Krymsky Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of Ukraine*

Kyiv, Ukraine

pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Abstract. To study the question of the borders of the Pechenegs in Eastern Europe. Research materials: Latin, Slavonic and Byzantine historical chronicles, Arabic geographic tracts, articles, dissertations, books of modern researchers. The novelty of the study is to study the historical geography of the possessions of the Pechenegs in Eastern Europe. As a result, it was found that the boundaries

of the Pechenegs were sufficiently pliable and contours depend on the balance of power in a particular location at a particular time to a particular opponent. First Bulgarian Empire and the Khazar Khaganate were serious constraints to the Pechenegs. With their weakening and collapse of Rus' and the Byzantine Empire had to face great difficulties. Regarding the separate Slavic tribes (Ulich and Tivertsy) and Wallachs, they were not able to make effective to restrain the nomads and left a number of the territories going into the steppe and forest zone. Lendzaninoi of Constanin Porhyrogentius was Luchane. They not bordered with the Pechenegs. Pechenegs attacked the White Croats, Drevlyans, Luchane in their long-haul raids. The direct neighbors of Pechenegs in 892–968 years have been Polyans, Tivertsy, Ulychi and Siveryane. On the border between the steppe and the Volga located border of Pechenegs with Burtases. Border Pechenegs with Volga Bulgaria was in the Samara Bend. The western frontiers took place on the eastern border of Wallachia and the Eastern Carpathians (in 892–969 years). The southern border ran along the Danube, the foothills of the Crimean Mountains, the Volga-Don Perevoloka, Samara Bend and the Middle Urals. Pechenegs occupied Wallachia and drove the population of the Balkan-Danube culture in the mountains during the period of 969–1015 years. Hungary bordered on Pechenegs in this time not only in the East Carpathians, but also in the Southern Carpathians. Russia bordered on pechenegy except the area of the Middle Dniester in region of Stugna and Sula river. Oguzes occupied the left bank of the Dnieper in the 30-ies years of XI century. Attacks of the Oguzes forced will move Pechenegs en masse to the Balkans and Hungary, where they were settled as federates. Due to conflicts with the Byzantine Empire in 1053–1091 years on the Lower Danube region was a political union Pechenegs – Patzinakia.

Keywords: Pechenegs, Patzinakia, Rus, First Bulgarian Empire, Khazar khaganate, Byzantium Empire, Hungary, Slavs.

For citation: Pylypchuk Ya.V. The frontiers of the Pechenegs in Eastern Europe. *Tyurkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 3: 5–41. (In Russ.)

References

1. Alekseev S.V. Slavyanskaya Evropa VII–VIII vv. M.: Veche, 2007. 403 s. [in Russian]
2. Anikeev D.O. Migratsiya i rozselennya pechenigiv za povidomlennymi vchennikh Arabs'kogo khalifatu IX–X st. Skhodoznavstvo. № 48. K.: Institut skhodoznavstva im. A.Yu.Krims'kogo, 2009. S. 3–13. [in Ukrainian]
3. Afanas'ev G.E. Burtasy. Ischeznuvshie narody. M., 1988. <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/burtas/burtas.htm> [in Russian]
4. Afanas'ev G.E. Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-assko-burtasskogo naseleniya bassejna Srednego Dona. M.: Nauka, 1993. 184 s. [in Russian]

5. Afanas'ev G.E. Poisk strany furt-as. Dostoyanie pokolenij. № 1 (2). M.: Arkheologicheskoe nasledie, 2007. S. 74–79. [in Russian]
6. Afanas'ev G.E. K probleme lokalizatsii Khazarii i Furt-asii (o protivorechii dannykh arkheologii i pis'mennykh istochnikov). Forum Idel'-Altaj. Tezisy dokladov. Kazan', 2009. S. 7–17. [in Russian]
7. Bazhenov O.L. Istoriya ta kul'tura Seredn'ogo Podnistrov'ya IX–X st. Kam'yanets'-Podil's'kij: Medobori-2006, 2009. 304 s. [in Ukrainian]
8. Bavarskij Geograf. Elektronnyj variant 2005 goda. Perevod I.V. D'yakonov. http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text.phtml?id=61 [in Russian]
9. Bavarskij Geograf. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. T. 4. Zapadnoevropejskie istochniki. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i kul'ture, 2010. http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Bav_geogr/text2.phtml?id=9648 [in Russian]
10. Baran V.D. Davni slov'yani. K.: Al'ternativi, 1998. 336 s. [in Ukrainian]
11. Baskakov N.A. Tyurkskaya leksika v Slove o Polke Igoreve. M.: Nauka, 1985. 210 s. [in Russian]
12. Izvestiya al-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i slavyanakh. CH. 1. Zapiski Imperatorskoj Akademii Nauk. T. 32. № 2. SPb.: Imperatorskaya akademiya nauk, 1878. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Bekri/frametext.htm> [in Russian]
13. Bertinskie annaly. Latinskie istochniki po istorii Drevnej Rusi. Germaniya. Vyp. 1. Seredina IX–pervaya polovina XII v. M.: Institut istorii AN SSSR, 1989. http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/text4.phtml?id=10252 <http://wyradhe.livejournal.com/314568.html> [in Russian]
14. Bruno Kverfurtskij. Pis'mo arkhiepiskopa Brunona k germanskomu imperatoru Genrikhu II. Kievskie Universitetskie Izvestiya. № 8. K.: Universitetskaya tipografiya, 1873. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XI/1000-1020/Bruno_Querfurt/brief_Henrich_II.phtml?id=6938 [in Russian]
15. Bubenok O.B. Alano-oguz'ki kontakti u stepakh Skhidnoi Evropi u pislya khozars'kij period. *Skhidnij Svit*. №1. K.: Institut skhodoznavstva im. A.Yu. Krims'kogo, 2008. C. 61–82. [in Ukrainian]
16. Bubenok O.B. Kasogi na yugo-zapadnoj granitse Khazarskogo kaganata. KHazarskij al'manakh. Vyp. 12. K.: Institut vostokovedeniya im. A.YU. Krymskogo, Mezhdunarodnyj Solomonov universitet, 2014. C. 34–68. [in Russian]
17. Vasil'evskij V.G. Vizantiya i pechenegi. Trudy Vasilevskogo. T.1. SPb., 1908. http://annales.info/byzant/vasiljevsk/1_01.htm [in Russian]
18. Vojtovich L. Lendzyani: novi variatsii na stari motivi. Visnik institutu arkheologii L'vivs'kogo universitetu. Vip. 10. K., 2015. [in Ukrainian]
19. Izvlechenie iz sochineniya Gardizi «Zajn al-akhbar». Prilozhenie k «Otchetu o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoj tsel'yu. 1893–1894 gg. Akademik V.V. Bartol'd. Sochineniya. Tom VIII. Raboty po istochnikovedeniyu. M.: Nauka, 1973. http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm [in Russian]

20. Garkavi A.YA. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanakh i russkikh (s poloviny VII veka do kontsa X veka). SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1870. IX, 308 c.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/13.htm
[in Russian]

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_dop_mus_pis/text.htm

21. Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i TSentral'nyu Evropu (1131–1153 gg.). Publikatsiya O.G. Bol'shakova i A.L. Mongajta. M.: Vostochnaya literatura, 1971. 135 s.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/ frametext1.htm> [in Russian]

<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext2.htm> [in Russian]

22. Garustovich G.N., Ivanov V.A. Oguzy i pechenegi v evrazijskikh stepyakh. Ufa: Gilem, 2001. 212 s. [in Russian]

23. Golovko O.B. KHazariya i pechenegi v protsesi stanovlennya derzhavnosti u slov'yan Skhidnoï Evropi. KHazars'kij al'manakh. T.2. Kiev, KHarkov, M., 2004. S. 19–33. [in Ukrainian]

24. Golovko O.B. Korona Danila Galits'kogo. Volin' i Galichina v derzhavopolitichnomu rozvitku TSentral'no-Skhidnoï Evropi rann'ogo ta klasichnogo seredn'ovichchya. K.: Vidavnichij dim Stilos, 2006. 575 s. [in Ukrainian]

25. Golubovskij P.V. Pechenegi, torki i polovtsy do nashestviya tatar. K. .: Universitetskaya tipografiya, 1884. 254 s. [in Russian]

26. Gretski izvori za b"lgarskata istoriya. T. VI. S"stavili i redaktirali T"pkova V., Vojnov M., Jonchev L., T"pkova-Zaimova V., Dujchev I., Ivanov J., Jonchev L., Batakliiev G., Koledarov P. Sofiya: B"lgarskata akademiya na naukite, 1965. 371 s. [in Bulgarian]

27. Gretski izvori za b"lgarskata istoriya. T. VII. S"stavili i redaktirali TSankova-Petkova G., T"pkova-Zaimova V., Tivchev P., Jonchev L., Batakliiev G., Koledarov P. Sofiya: B"lgarskata akademiya na naukite, 1968. 300 s. [in Bulgarian]

28. Gretski izvori za b"lgarskata istoriya. T. VIII. C"stavili i redaktirali Vojnov M., Tepkova-Zaimova V., Jonchev L. Sofiya: B"lgarskata akademiya na naukite, 1972. 322 s. [in Bulgarian]

29. Gretski izvori za b"lgarskata istoriya. T.X. S"stavili i redaktirali Jonchev L., Tepkova-Zaimova V., Batakliiev G., Vojnov M. Sofiya: B"lgarskata akademiya na naukite, 1980. 421 s. [in Bulgarian]

30. Lev Diakon. Istoriya. M.: Nauka, 1988. 239 s. http://oldru.narod.ru/biblio/ldt6_10.htm

31. Dobrolyubs'kij A.O., Smirnov I.O. Kochoviki pivdenno-zakhidnoï Ukraïni v X–XVII stolittyakh. K-Mikolaïv: Ilion, 2011. 172 S. [in Ukrainian]

32. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu. Perevod i kommentarii A.P. Kovalevskogo. Pod redaktsiej I.YU.Krachkovskogo. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. 193 c. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm> [in Russian]

33. Ivanov V.A. Pechenegi, guzy, toriki. Istoriya tatar. T. 2. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'. Kazan': RukhIL Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2006. S. 452–458. [in Russian]

34. Ivanov V.A. Drevnie ugry-mad'yary v Vostochnoj Evrope. Ufa: Gilem, 1999. 123 s.

35. Knyaz'kij I.O. Vizantiya i kochevniki yuzhnorusskikh stepej. SPb.: Aletejya, 2003. 179 s.

36. Kozlov S.A. Bol'she chem vrag: osobennosti izobrazheniya pechenegov v vizantijskoj literature epokhe pervykh Komninov. Byzantinoslavica. Revue Internationale des etudes Byzantines. Vol. LXXI/2. Prague: Slovanský ústav Akademie věd ČR, 2003.C. 145–161. [in Russian]

37. Kokovtsev P.K. Evrejsko-khazarskaya perepiska v X veke. L. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932. 134 S.

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Kokovcov/frametext3.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Kokovcov/frametext4.htm>

[in Russian]

38. Koloda V.V. Kartografirovanie srednevekovykh gorodishch Dneprodonskogo mezhdurech'ya kak metod opredeleniya etapov slavyano-kochevnicheskikh otnoshenij. Drevnosti. Vyp. 9. KHar'kov: OOO NTMT, 2010. S. 178–197. [in Russian]

39. Komar A.V. Istoricheskie predposylki vznikoveniya legendy o polyanskoj dani khazaram po arkheologicheskim dannym. KHazary. Moskva-Ierusalim: Gesharim, Mosty kul'tury, 2005. S. 207–218

40. Komar A.V. Saltovskaya i saltoidnaya kul'tura v Podneprov'e. Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy II mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (12–16 sentyabrya 2004 g.). CHast' III–IV. Kiev-Sudak: Akadempriodika, 2004. S. 87–91. [in Russian]

41. Komar A. Drevnie madyary Etel'keza: perspektivy issledovanij. Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni. Vip. 7. K.: Institut arkheologii NAN Ukraïni, 2011. S. 21–78. [in Russian]

42. Komar A.V. Polyane i severjane. Drevnejshie gosudarstva na territorii Vostochnoj Evropy, 2010. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. S. 128–191. [in Russian]

43. Anna Komnina. Aleksjada. Per., vstupit. stat'ya, komm. Lyubarskogo YA.N. M.: Nauka, 1965. 688 s. <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka/1176--qq-1965> [in Russian]

44. Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej. Per. pod. red. G.G. Litavrina, A.P. Novosel'tseva. M.: Nauka, 1991. 496 c. [in Russian]

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text1.phtml?id=6365

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text2.phtml?id=6366

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text3.phtml?id=6367

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text4.phtml?id=6368

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text5.phtml?id=6369

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text6.phtml?id=6370

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text37.phtml?id=6396

http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text38.phtml?id=6397

45. Konovalova I.G., Perkhavko O.B. Drevnyaya Rus' i Nizhnee Podunav'e. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2000. 294 s. [in Russian]

46. Koncha S. Lenzaninovi Konstyantina Bagryanorodnogo u konteksti problemi lyakhiv-lendzyan. Visnik Kiivs'kogo natsional'nogo universitetu im. T.G. Shevchenka. Vip 11. K.: Kiivs'kij natsional'nij universitet im. T.G. Shevchenka, 2007. S. 4–7. [in Ukrainian]

47. Koncha S. Lenzyani i polyani. Ukraïnoznavstvo. № 12. K.: NDI Ukraïnoznavstva, 2008. S. 47–49. [in Ukrainian]

48. Latynski zvorì za b"lgarskata istoriya (Ungarski latinoezychni Izvori. CH.1). T. 5. Sofiya: B"lgarskata akademiya na naukite, 2001. 195 s. [in Russian]

49. Majorov A.A. Drevnie vyatichi i ikh osoboe mesto sredi vostochnoslavyanskikh plemen IX–XI vv. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo univ'eriteta im. N.A. Nekrasova. № 6. T. 21. Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj univ'eritet im. N.A. Nekrasova, 2015. S. 8–12. [in Russian]

50. Sharaf Zaman Takhir al-Marvazi. Estestvennye svoystva zhivotnykh. Glava o tyurkakh. Trudy sektora instuta vostokovedeniya. T.1. Almaty, 1959. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Marvazi_Tahir/frameset1.htm [in Russian]

51. Matvej Edesskij. KHronografiya. Perevod Gurinov E.A. Elektronnyaya versiya 2012 goda. http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Matvei_II/frameset12.htm [in Russian]

52. Mel'nik M. Vizantiya i kochivniki Pivnichnogo Prichornomor'ya v KHI st. (problemi istoriografii). Naukovi zoshiti istorichnogo fakul'tetu L'viv'skogo universitetu. № 5–6. L'viv: L'viv'skij natsional'nij universitet im. I. Franka, 2003. S. 2032/ [in Ukrainian]

53. Mel'nik M. Kochivniki ta osile naseleण्या Dnistrovs'kogo-Dunajs'kogo regionu v rumuns'kij i moldavs'kij istoriografii 70-80-kh rr. XX st. Naukovi zoshiti istorichnogo fakul'tetu L'viv'skogo natsional'nogo universitetu im. I. Franka. Vip. 7. L'viv: L'viv'skij natsional'nij universitet im. I. Franka, 2005. S. 13–24. [in Ukrainian]

54. Minorskij V. F. Istoriya SHirvana i Derbenta. Per. S. G. Mikaelyan. M.: Vostochnaya literatura, 1963. 265 c.

http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/text.phtml?id=1893 [in Russian]

http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/posl12.phtml?id=1895

http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/pril2.phtml?id=1899

55. Pletneva S.A. Polovtsy. M.: Nauka, 1990. 208 c.

56. Povest' vremennykh let. Prozaicheskij perevod na sovremennyj russkij yazyk D.S. Likhachyova. <http://www.old-russian.chat.ru/01povest.htm> [in Russian]

57. Pritsak O., Golb N. KHazarско-еврејские документы X века. Red., posl. i komm. V.YA. Petrukhina. Izd. 2-e ispr. i dop. M.,Jerusalim, 2003. 240 c. [in Russian]
58. Rabinovich R.A. Ulichy i tivertsy v otsenkakh istriografii. Stratum Plus. 2003–2004. № 5: Mastera Srednevekov'ya. SPb., Kishinev, Odessa, Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 2005. S. 440–484. [in Russian]
59. Rabinovich R.A. Pogannye tlkoviny. O proiskhozhdenii ulichej // Stratum Plus. № 5: Antskie drevnosti. SPb., Kishinev, Odessa, Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 2011. S. 89–106. [in Russian]
60. Rasovskij D.A. Pechenegi, torki, berendei na Rusi i v Ugri. Rasovskij D.A. Polovtsy. CHernye klobuki: pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Vengrii. M.: TSIVOI, 2012. S. 39–111. [in Russian]
61. Reginon Pryumskij. KHronika. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya. T. 4. Zapadnoevropejskie istochniki. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i kul'ture, 2010. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Regino_Pruem/text2.phtml?id=9684 [in Russian]
62. Sapel'nyak T.I. Pisemni vidomosti pro ulichiv ta tivertsiv (oglyad dzhherel). Naukovi zapiski istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu. Zaporizhzhya: Istorichnij fakul'tet Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu, 2004. S. 9–16. [in Ukrainian]
63. Sapel'nyak T.I. Ulichy i tivertsy v Karpato-Prichornomors'kikh zemlyakh (druga polovina IX – persha polovina X st.). Avtoreferat disertatsii na zdobuttya naukovoogo stupenya kandidata istorichnikh nauk. Spetsial'nist' 07.00.01 – Istoriya Ukraïni. Odessa: Odes'kij natsional'nij universitet im. I.I. Mechnikova, 2006. <http://referatu.net.ua/referats/7569/168134>. [in Ukrainian]
64. Sapel'nyak T.I. Problema lokalizatsii litopisnikh ulichiv. Storinki istorii: zbirnik naukovikh prats'. Vip. 27. K.: Politekhnik, 2008. http://ela.kpi.ua/bitstream/123456789/12323/1/27_24_Sapelnyak.pdf [in Ukrainian]
65. Sukhobokov O.V. Ranni etapi kul'turi litopisnikh siveryan (shche raz pro pam'yatniki volintsivs'kogo tipu). Vostochnoevropejskij arkhologicheskij zhurnal. № 3–4 (maj-iyun'). K., 2001. <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/sukhobokov.htm> [in Ukrainian]
66. Titova E. A ulichy i tivertsy sedyakhu po Dnestru. Etnicheskij sostav naseleniya Karpato-Dnestrovskikh zemel'. Rusin. № 1–2. Kishinev: Obshchestvennaya organizatsiya «Rus'», 2008. S. 206–212. [in Russian]
67. Tortika A.A. Severo-zapadnaya Khazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraya polovina VII – tret'ya chetvert' X vv.). Khar'kov: KHAr'kovskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury, 2006. 553 s. [in Russian]
68. KHvol'son D.A. Izvestiya o khozarakh, bolgarakh, burtasakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh Abu-Ali Akhmeda Ben Omar Ibn Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya X veka, po rukopisi Londonskogo muzeya. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademiinauk, 1869. 214 s.

- http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text4.htm
[in Russian]
- http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text5.htm
- http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text2.htm
- http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text1.htm
69. Fedorov G.V. Etnogenez volokhov, predkov moldavan, po dannym arkheologii (istoriograficheskiy aspekt). *Stratum plus*. № 5. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 1999. S. 14–74. [in Russian]
70. Fedorov YA.A., Fedorov G.S. *Rannie tyurki na Severnom Kavkaze*. M. : Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1978. 296 c. [in Russian]
71. Shusharin V.P. *Rannij etap etnicheskoj istorii vengrov*. M.: ROSSPEN, 1997. 512 c. [in Russian]
72. Shchhavelev S.P. Slavyanskaya dan' KHazarii: novye materialy k interpretatsii. *Voprosy istorii*. № 10. M.: Redaktsiya zhurnala Voprosy istorii, 2003. S. 141–145 http://Annales.info/hazar/small/vi2003_10.htm [in Russian]
73. Tsukkerman K. Dva etapa formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva. *Arkheologiya*. № 1. K.: Institut arkheologii NAN Ukraini, 2003. S. 76–99 <http://iananu.kiev.ua/archaeology/2003-1/zukerman.htm> [in Russian]
74. Yurchenko A.V. Do pitannya pro kharakter stosunkiv slov'yan z nosiyami saltovo-mayats'koï kul'turi v lisostepu. *Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitnoï istorii: Zbirnik molodikh vchenikh*. № 16. KHarkiv: KHarkivskij natsional'nij universitet imeni V. N. Karazina, 2013. C. 67–75. [in Russian]
75. *Annales Fuldenses. Scriptores Rerum Germanicarum*. Hannoverae, 1891. <https://archive.org/details/AnnalesFuldenses00einhuoft>
http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000760_00002.html?html=true&sortIndex=010:070:0007:010:00:00&leftTab=toc
76. *Chronicon pictum Vindobonense / ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus. Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores ; 2*. Lipsiae, 1883. S. 110–245.
77. Györfly Gy. *A magyarság keleti elemei*. Budapest: Gondolat Kiado, 1990. 324 old.
78. Hudud al-Alam. *The Regions of the World. A Persian Geography 372 A H. – 982 A. D. /Tr. and expl. by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold*. London: Luzac & co., 1937. [VII]–XX p., 1 L., 524 p. <http://odnapl1yazyk.narod.ru/hududalal.htm>
79. Madgearu A. Români și pecenegi în Sudul Transilvaniei Relații Interetnice în Transilvania. Secolele IV–XIII. *Bibliotheca Septemcastrensis*. Vol. XII. București i: Departamentul pentru Relații Interetnice – Editura Economică București, 2005. P. 111–120. <http://arheologie.ulbsibiu.ro/publicatii/bibliotheca/relatii%20interetnice%20in%20transilvania/6%20madgearu/articol1.htm>

80. Madgearu A. The Pechenegs in Byzantine army. The Steppe lands and the world beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday. Iași: Editura Universitatii Alexandru Cuza, 2013. P. 207–218.

81. Malamut E. L'image Byzantine des Petchenegues. Byzantinischen Zeitschrift. Band 88/1. München: De Gruyter, 1995. P. 105–147.

82. Meško M. Notes sur le chronologie de la guerre des Byzantines contre les Pecheneges // Byzantino-Slavica. T. LXIX. Prague: Slovansky ústav AV ČR, 2011. P. 134–148

83. Meško M. Pechenegs groups in the Balkans (ca. 1053-1091) according to the Byzantine Sources. The Steppe lands and the world beyond them. Studies in honor of Victor Spinei on his 70th birthday. Iași: Editura Universitatii Alexandru Cuza, 2013. P. 179–205

84. Paloczi-Horvath A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. Budapest: Corvina Kiadó, 1989. 141 p.

85. Pálóczi Horváth A. Asszimiláció és továbbélő hagyományok a középkori Magyarországon. A keleti népek példája. Studia Caroliensia № 3/4. Budapest, 2003. Old. 9–12.

86. Pritsak O. The Pechenegs. A case of Social and Economic Transformation. Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 1. Le Hague - Lisse: Mouton, 1976. P. 4–29.

87. Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Béla: A Translation. Slavonic and East European Review. Vol. 87 (4). London: University college London, 2009. P. 681–727. <http://discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

88. Scriptores Rerum Hungaricarum Veteres ac Genuni. Cura et Studio Joannis Georgii Schwandtneri. Pars Prima. Vindobonae: Typis Joannis Thomae nob. de Trattnern, Caes. Reg. Aulae Typographi et Bibliopolae, MDCCLXVI, 1766. <http://mek.oszk.hu/08800/08829/08829.pdf>

89. Simonis de Keza. Gesta Hungarorum. Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores ; 2. Lipsiae: [s. n.], 1883. S. 52 – 99.

90. Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute – Istros Publishing House, 2003. 546 p.

91. Spinei V. The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden-Boston: E.J.Brill, 2009. 565 p.

92. Stephenson P. Byzantium Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 352 p.

93. Tryjarski E. Pieczyngowie. Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrocław: Ossolineum, 1975. S. 479–625.

94. Wasilewski T. Dulebowie – Łędzianie – Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych and Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku. Przegląd Historyczny. R. 67. № 2. Warszawa: Wydawnictwo DiG Sp.j., 1976. S. 181–194.

About the author: Yaroslav Valentinovich Pilipchuk – Junior Researcher, Department of Eurasian Steppe, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Kandidat nauk (scientific degree) in historical studies (Kiev, Ukraine); bachman@meta.ua

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.

**WESTERN MISSIONARIES AND MERCHANTS:
AN EXAMPLE OF COOPERATION WITHIN
THE FRAMEWORK OF THE MONGOL EMPIRE***

Roman Hautala

*Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation*

University of Oulu

Oulu, Finland

romanhautala@gmail.com

Abstract. Research objectives: to consider the interaction between Italian merchants and representatives of the Dominican Order, and more importantly the Franciscans, in the territory of the Mongol Empire (mainly the Juchid and Chaghadaid uluses) in the first half of the 14th century. The author focuses on the circumstances of the wide distribution of Latin missionary work in Asia and especially on the invaluable financial support of Italian merchants, without which the missionary work of the Mendicants could hardly have achieved such an unprecedented scale. In addition, the author of this article attempts to clarify the reasons that Italian merchants donated large amounts of money to support the activities of Western missionaries. At the end of this study, the author tries to explain the reason for a special favor of the Mongol rulers toward the missionaries from Europe.

Research materials: a number of synchronous Latin sources (including Papal bulls and missionary reports from the East) which provide information on the activities of European missionaries within the boundaries of the Mongol Empire.

Research results and novelty: the sources examined in this study suggest that the Mongol rulers' favor toward the Italian merchants was related to the patronage of the Papal curia to certain extent – something which the Avignon Popes insistently pointed out in their letters to the khans of the Golden Horde and Chaghadaid ulus. The same sources equally clearly indicate that the favorable attitude of the khans extended to the Western missionaries who carried out their

* First published in *Crusaders, Missionaries and Eurasian Nomads in the 13th–14th Centuries: A Century of Interactions*, Victor Spinei (ed.), Florilegium Magistrorum Historiae Archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, XXI, București, Editura Academiei Române; Brăilei, Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2017, no. 10, p. 221–243. I express my special gratitude to Stephen Pow who did not spare his valuable time to carefully proofread the draft of this article. Of course, only the author of this article remains fully responsible for those potential errors that can be identified after its publication.

activity in their territories. Probably this favor originated from a desire to please Italian merchants who brought significant revenues to the treasury of the Mongol rulers. At the same time, the khans' favor emerged from the fact that Western missionaries were official representatives of the pontiffs in the territories. The Mongol rulers, in turn, sought to use the missionaries' influence to maintain diplomatic relations with the Avignon curia. Thus, the Western missionaries' presence in the East proved beneficial both for Italian merchants and the Mongol rulers. By this consideration one can explain the widespread presence of Dominican and especially Franciscan convents in the vast Mongol Empire.

Keywords: history of the Mongol Empire, history of the Golden Horde and Chaghadaid ulus, European commercial expansion in the Middle Ages, European missionary activity in medieval Asia, Medieval Latin sources.

For citation: Roman Hautala. Western Missionaries and Merchants: an Example of Cooperation Within the Framework of the Mongol Empire *Turkologicheskie issledovaniya = Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 4: 42–66.

One can hardly see it as a mere coincidence that European missionary “expansion” in the Mongol Empire coincided with the most favorable period for the development of Italian trade in the East in the first half of the 14th century¹. As will be illustrated on the basis of synchronous sources, the Oriental apostolate of the Dominicans, and especially of the Franciscans, experienced its heyday roughly during the reign of Golden Horde's Uzbek Khan (1313–1341), although the activities of Western missionaries also affected the territory of the Chaghadaid ulus and the Yuan Empire. Here, however, I will not discuss the details of the Latin missionary work, but will focus on the circumstances of its proliferation in Asia and the invaluable financial support of Italian merchants, without which missionary activity of the Mendicants could hardly have achieved such an unprecedented scale. In addition, I will try to clarify the motivations of Italian merchants to donate large amounts of money to support the activities of Western missionaries. At the end of this study, I will try to explain the reasons for the special favor of the Mongol rulers which they showed in relation to the missionaries from Europe.

The financial support provided by the Genoese or, more likely, Venetian merchant named Peter of Lucalongo² to the future Latin Archbishop of Khanbaliq, John of Montecorvino, is the most prominent example of the interaction between Western missionaries and merchants in the Mongol Empire. According to the Italian prelate, Peter bought at his own expense a plot of land in the capital of the Yuan Empire and contributed to the construction of the Catholic Cathedral there:

¹ For the sake of brevity, I will not consider the activity of Western missionaries in Ilkhanate, which experienced its heyday in the second half of the 13th century due to the close diplomatic relations between the Hulaguids and the Papal curia, but then failed to reach the scale observed in other Mongol uluses in the first half of the next century.

² It is possible that in reality his name was Pietro, the son of Luca Longo [23, p. 168–169].

“Master Peter of Lucalongo, a faithful Christian and a great merchant who was my companion from Tauris, himself bought the site for the place of which I have spoken and gave it to me by the love of God and the working of the divine grace. For a more useful and suitable place for building a Catholic Church could not be had in the whole empire of the lord Kaan”¹.

Yet, Peter was not the only Italian merchants who supported the Western prelate in distant northern China. This is indicated by the fate of his letter addressed 8 January, 1305 to the Franciscans of Gazaria, that is, of the Northern Black Sea region. In this letter, John of Montecorvino urged his fellows to come to his aid for the deployment of a more effective apostolate in the Yuan Empire and he specified that the most convenient way route would be an overland route from the dominion of the Golden Horde’s Toqta Khan:

“With regard to the way I make known that through the land of Toctai, emperor of the northern Tartars, is the shorter way and safer, so that they will be able to come with the envoys within five or six months. But the other road² is very long and very dangerous, with two voyages of which the first is like the distance between Acre and the province of Provence, but the other is like the distance between Acre and England, and it might happen that they would scarcely accomplish that route in two years”³.

In his next letter addressed 13 February, 1306 to vicars of the Franciscans and Dominicans in Persia, Friar John wrote that his previous letter had reached its destination, and even was forwarded later in Tabriz by a “friend” who arrived in northern China and then returned to the Golden Horde, in both cases as part of Toqta Khan’s embassy. Furthermore, Friar John wrote that he learned this fact from other “good persons” who arrived in northern China with a new embassy sent by Toqta Khan:

“But now I tell you that last year at the beginning of January I sent a letter in few words about my state and position to the Father Vicar and to Brothers of the province of Gazaria by a certain friend of ours who was among the retinue of lord Toctai Khan who came to the lord Kaan of Cathay. In which letter I asked the same Vicar that they would send on copies of it to you. And now I [am assured] by good

¹ “Dominus Petrus de Lucalongo fidelis christianus et magnus mercator, qui fuit socius meus de Thaurisio, ipse emit terram pro loco quem dixi, et dedit mihi, amore Dei et divina gratia operante, quia utilior et congruentior locus haberi non posset in toto imperio domini Chanis pro ecclesia catholica construenda” [21, p. 179 (English text); 29, p. 352–353 (Latin text)].

² Across the Indian Ocean.

³ “De via notifico quod per terram Cothay Imperatoris aquilonarium Tartarorum est via brevior et securior, ita quod cum nunciis infra V vel VI menses poterunt pervenire; via autem alia est longissima et periculosissima, habens duas navigationes quarum prima est secundum distantiam inter Achon et provinciam Provincie, alia vero est secundum distantiam inter Achon et Angliam, et posset contingere quod in biennio vix perficerent viam illam” [21, p. 175 (English text); 29, p. 349 (Latin text)].

persons who are now come with the envoys of the aforesaid lord Toctai to the lord Kaan of Cathay that my letter reached you, and that that same messenger who carried my letter came to Tauris afterwards from the city of Sarai”¹.

The Umbrian Franciscan Giovanni Elemosina confirmed in his “Chronicon” of 1336 that in fact the first letter of Friar John of 1305 was brought to Saray by Venetian merchants (one of whom, apparently, was that “friend” mentioned in the friar’s subsequent letter)².

Apparently, the Venetian merchants arrived with a second embassy of Toqta Khan as well and probably these were the ones who informed Friar John that his letter had reached his fellows in the Golden Horde and Ilkhanate. It is evident that Italian merchants took advantage of the establishment of peaceful relations between the Mongol rulers in the early 14th century and they immediately tried to reach northern China. In any case, John of Montecorvino clearly pointed out that previously the Trans-Eurasian route “had not been safe for a long time on account of wars”³, and he urged the Franciscans to immediately take advantage of short-term period of peace to reach distant northern China. However, according to the same Giovanni Elemosina, although the Franciscans had responded to his call, they were forced to stay in Caffa in Crimea⁴ because of the resumption of hostilities between the Mongol rulers⁵.

¹ “Nunc autem notifico vobis quod anno preterito in principio Ianuarii per quemdam amicum nostrum, qui fuit ex sociis domini Cothay Canis qui venerunt ad dominum Chanem de Cathay, ego misi licteras patri Vicario et fratribus provincie Gazzarie de statu et conditione mea in paucis verbis. In quibus licteris rogavi eundem Vicarium quod exempla illarum vobis transmiceret, et iam michi constat per bonas personas que nunc pervenerunt cum nunciis predicti domini Cothay ad dominum Chanem de Cathay, quod mee lictere ad vos pervenerint, et quod ille idem nuncius qui portavit licteras meas, postmodum de Sara civitate venit Thaurisium” [21, p. 178 (English text); 29, p. 351–352 (Latin text)].

² “Has litteras transmisit fr. Johannes predictus, legatus apostolice sedis, cuidam fratri Predicatori viro spirituali, qui circa partes Orientis peregrinabatur gentibus predicando fidem Christi, per mercatores Venetianos qui a Tartaria redierant. Et dederunt predicto fratri Predicatori in signum veritatis tabulam Magni Chaam imperatoris. Et ipse frater transmisit eam in pluribus locis citra mare fratribus Minoribus et Predicatoribus” [13, p. 132].

³ “Quia prima via secunda non fuit a multo tempore propter guerras” [21, p. 175 (English text); 29, p. 349 (Latin text)].

⁴ In fact, the Franciscans Gherardo Albuini, Peregrino de Castello, Andrea da Perugia and Pietro and Giacomo di Firenze managed to reach northern China [25, p. 86].

⁵ “Et fratres predicti ceperunt viam et pervenerunt usque Gazariam Tartarorum Aquilonarium, sed non potuerunt transire propter guerras, unde in eadem civitate remanserunt predicantes et baptizantes gentes ibidem, quousque guerra cessaret” [13, p. 132].

Perhaps, their movement eastward was hindered by the conflict between the son of Qaidu, an Ögedeid Chapar, and the Yuan emperor Temür Öljejtü, mentioned by Hayton: “Chapar dominium suum tenet in regno Turquesten. Et iste potest congregare ad pugnam, ut dicitur, quatuor c. m. equitum armatorum. Et illi de patria illa sunt homines ad arma strenui et audaces; et armorum tamen et bonorum equorum copiam non habent, sicut necessarium esset eis. Multociens gentes magni imperatoris movent istis guerram, volentes terram ipsorum aliquam occupare, sed ipsi viriliter se defendunt” [15, liber III, caput xlvi, p. 335].

Thus, John of Montecorvino did not get that abundant support of his fellows which he requested in his letters. The Franciscans, in turn, were to limit themselves to the western regions of the Golden Horde in their missionary work, postponing its deeper expansion into Asia to better times. However, it is more important to note here the desire of missionaries to travel along the newly opened trade route through the Asian expanses with merchant caravans. Thus, three decades later – in a period of relative calm in the Mongol Empire and the corresponding activation of international trade – the Spanish Franciscan Paschal of Vittoria wrote in his letter in 1338 that he was able to reach Almalyk, going from Saray in the company of Armenian merchants and reaching Saraychuk along the Volga, Caspian Sea and Yaik, and continuing from there with a caravan of Muslim merchants through Urgench and probably Otrar:

“I had now been staying more than a year in the aforesaid Sarray, a city of the Saracens of the Tartar empire, in the Vicariat of the North, where three years before¹ a certain friar of ours, Stephen by name², suffered honourable martyrdom at the hands of the Saracens. Embarking on a certain vessel with some Armenians, I departed thence by the river called Tygris, and then along the shore of the sea which is called Vatuk, till I came in twelve days’ travel to Sarachik. From that place I got on a cart drawn by camels (for to ride those animals is something terrible), and on the fiftieth day reached Urganth, which is a city at the extremity of the empire of the Tartars and the Persians. The city is otherwise called Hus, and the body of the blessed Job is there. Thence I again mounted a camel-cart, and travelled with a party of accursed Hagarens and followers of Mahomet, I being the only Christian among them, with a certain servant called Zinguo³, until by God’s grace we reached the empire of the Medes^{4,5}.”

Those Western merchants who sought to reach wealthy regions of northern China had to use the same overland route. In any case, the “Practice of Commerce” of the Florentine Francesco Balducci Pegolotti, written around the same time as

¹ Correctly: *one year before* (ante per annum).

² István of Nagyvárád who was executed in Saray by Muslim community in April 1334 [2, p. 515].

³ Correctly: *from the nation of Ziches* (Ziquo natione), that is, a Circassian.

⁴ That is, the eastern half of the Chaghadaid ulus, former possessions of Qaidu Khan.

⁵ “et cum iam ultra annum demoratus fuisset in praedicta Saray civitate Saracenorum imperii Tartarorum in Vicaria aquilonari, ubi ante per annum quidam frater noster, Stephanus nomine, fuit passus venerabile martyrium per Saracenos; inde ascendens in quoddam navigium cum Armenis per fluvium, qui vocatur Tigris, et per ripam maris, Vatuk nomine, usque Saraschuk deveni per XII dietas. Inde ascendens currum camelorum, cuius equitatus terribilis est, 50. die in Urganth deveni, quae est civitas in fine imperii Tartarorum et imperii Persarum; quae civitas alio nomine vocatur Us, ubi est corpus beati Iob. Inde ascendens currus camelorum cum Agarenis, maledicti Machometi sequacibus, solus ego Christianus inter ipsos cum quodam servitore, Ziquo natione, usque ad imperium Medorum veni Deo dirigente” [30, p. 83–85 (English text); 2, p. 533 (Latin text)].

the letter of Paschal of Vittoria, recommended Italian merchants follow the same exact route:

“Information regarding the journey to Cathay¹, for such as will go by Tana and come back with goods. In the first place, from Tana to Gintarchan² may be twenty-five days with an ox-waggon, and from ten to twelve days with a horse-waggon. On the road you will find plenty of Moccols³, that is to say, of *gens d’armes*. And from Gittarchan to Sara⁴ may be a day by river, and from Sara to Saracanco⁵, also by river, eight days. You can do this either by land or by water; but by water you will be at less charge for your merchandize. From Saracanco to Organci⁶ may be twenty days’ journey in camel-waggon. It will be well for anyone travelling with merchandize to go to Organci, for in that city there is a ready sale for goods. From Organci to Oltrarre⁷ is thirty-five to forty days in camel-waggons. But if when you leave Saracanco you go direct to Oltrarre, it is a journey of fifty days only, and if you have no merchandize it will be better to go this way than to go by Organci. From Oltrarre to Armalec⁸ is forty-five days’ journey with pack-asses, and every day you find Moccols. And from Armalec to Camexu⁹ is seventy days with asses, and from Camexu until you come to a river called [...] is forty-five days on horseback; and then you can go down the river to Cassai¹⁰, and there you can dispose of the sommi¹¹ of silver that you have with you, for that is a most active place of business. After getting to Cassai you carry on with the money which you get for the sommi of silver which you sell there; and this money is made of paper, and is called balishi. And four pieces of this money are worth one sommo of silver in the province of Cathay. And from Cassai to Gamalec¹², which is the capital city of the country of Cathay, is thirty days’ journey”¹³.

¹ Northern China.

² Hajji-Tarkhan, modern Astrakhan.

³ The Mogols.

⁴ Saray.

⁵ Saraychuk.

⁶ Urgench.

⁷ Otrar.

⁸ Almalyk.

⁹ Kamchu or Kan chau, the Yuan frontier town [30, p. 148, nota 2].

¹⁰ Modern Hangzhou [30, p. 148, nota 3]. In fact, it was situated to the south of Khanbaliq.

¹¹ Ingots.

¹² Khanbaliq.

¹³ “Avisamento del viaggio del Gattaio per lo cammino della Tana ad andare e tornare con mercatantia. Primieramente, dalla Tana in Gintarchan si à 25 giornate di carro di buoi, e con carro di cavallo pure da 10 in 12 giornate. Per cammino si truovano moccoli assai, cioè gente d’arme. E da Gintarchan in Sara si à una giornata per fiumana d’acqua. E di Sara in Saracanco si à 8 giornate per una fiumana d’acqua, e puotesi andare per terra e per acqua, ma vassi per acqua per meno spesa della mercatantia. E da Saracanco infino in Organci si à 20 giornate di carro di cammello, e chi va con mercantia gli conviene che vada in Organci

It is also important to note that in contrast to movement throughout the territory of the formerly united Mongol Empire, which, according to Balducci Pegolotti, could be hindered by the sudden change of the local ruler – “And there is another danger: this is when the lord of the country dies, and before the new lord who is to have the lordship is proclaimed; during such intervals there have sometimes been irregularities practiced on the Franks, and other foreigners. (They call Franks all the Christians of these parts from Romania¹ westward.) And neither will the roads be safe to travel until the other lord be proclaimed who is to reign in room of him who is deceased”² – Western missionaries reached Golden Horde territory relatively easily thanks to the fact that Italian merchants established almost uninterrupted maritime traffic between Europe and Crimea.

The same Paschal of Vittoria offers on this occasion the most characteristic description of his journey from Spain to Saray (which preceded his departure to Almalyk) first through Avignon to Venice, with an intermediate visit to St. Francis Basilica in Assisi, and then on the Venetian cargo ship to Pera. From there, he took a Genoese galley to Tana, from whence the Spanish Minorite reached Saray in the company of Greek merchants, while his unnamed companion went to Urgench:

“Dearly beloved fathers, your sanctities³ are aware that when I quitted you I proceeded to Avignon in company with the dear father Friar Gonsalvo Transtorna.

perchè là è spacciativa terra di mercatantia. E d’Organci in Oltrarre si à da 35 in 40 giornate di cammello con carro. E chi si partisse di Saracanco e andasse dritto in Oltrarre si va 50 giornate, e s’egli non avesse mercatantia gli sarebbe migliore via che d’andare in Organci. E di Oltrarre in Armalecco si à 45 giornate di some d’asino, e ogni die truovi moccoli. E d’Armalecco insino in Camesu si à 70 giornate d’asino, e di Camesu insino che vieni a una fiumana che si chiama [...] si à 45 giornate di cavallo. E dalla fiumana te ne puoi andare in Cassai e là vendere i sommi dell’argento che avessi, però che là è spacciativa terra di mercantia. E di Cassai si va colla muneta che si trae de’ sommi dell’argento venduti in Cassai, ch’è moneta di carta che s’appella la detta moneta balisci, che gli quattro di quella moneta vagliono uno sommo d’ariento per le contrade del Gattaio. E di Cassai a Gamalecco, che è la mastra città del paese del Gattaio, si va 30 giornate” [30, p. 146–149 (English text); 11, p. 21 (Italian text)].

¹ Byzantium.

² “E ancora v’è un altro pericolo, cioè che quando lo signore morisse, infino che non fusse chiamato l’altro signore che dovesse signoreggiare, in quello mezzo alcuna volta v’è stata fatta novitade a’ franchi e ad altre stranee genti (i franchi appellan’eglino tutti i cristiani delle parte di Romania innanzi inverso il ponente), e non corre sicuro il cammino infino che non è chiamato l’altro signore che dee regnare appresso di quello che è morto” [30, p. 152–153 (English text); 11, p. 22 (Italian text)].

Paschal of Vittoria faced similar obstacles in the Chaghadaid ulus due to the death of Jankeshi Khan: “However, the Emperor of the [Middle Asian] Tartars had been slain by his natural brother, and the caravan of Saracens with which I travelled was detained by the way in the cities of the Saracens, for fear of war and plunder” (“Quia enim imperator Medorum per fratrem suum carnalem est interfectus, caravana Saracenorum, cum qua ibam, detenta est per viam in civitatibus Saracenorum timentibus guerram et suorum exspoliationem”) [30, p. 86 (English text); 2, p. 533 (Latin text)].

³ Heads of the Franciscan convent and Custody of Vittoria in Castile.

Thence we went, with the blessing of the reverend the general¹, to get the benefit of the Indulgence at Assisi; and after that we embarked at Venice on board a certain carrack, and sailed down the Adriatic sea. We next sailed through the sea of Pontus², leaving Sclavonia³ to the left and Turkey to the right, and landed in Greece at Galata near Constantinople, where we found the father Vicar of Cathay⁴ in the Vicariat of the East. Then, embarking on another vessel, we sailed across the Black Sea, whose depth is unfathomable, to Gazaria in the Vicariat of the North, and in the empire of the Tartars. Then traversing another sea which has no bottom⁵, we landed at Tana. And having got thither sooner than my comrade, I found my way with some Greeks by wagons as far as Sarray; whilst my comrade, with some other friars, was carried on further to Urganth⁶.

In their letter of 1323, the Franciscans of Caffa, too, encouraged their fellows in the West to get to Crimea in the company of Venetian merchants, taking the sea route instead of the “difficult and dangerous” way by land:

“So thus you may know that you must come to places which it would be made difficult and dangerous to reach by land, but safer and easier to reach by sea and in the company of Venetian merchants”⁷.

Thus, Catholic missionaries journeyed to the East alongside Western merchants and ostensibly they appeared in Golden Horde territory in parallel with the establishment of Genoese trading station in Caffa. In any case, the Latin translation of the yarlik granted by Uzbek Khan to the Franciscans in 1314⁸ pointed

¹ Head of the Franciscan Order Gerardus Odonis.

² Sea of Marmora.

³ Balkan Peninsula.

⁴ Head of Central Asian Franciscans.

⁵ Azov Sea. Correctly: *which is not deep* (non est profundus).

⁶ “Noverit vestra sanctitas, patres dilectissimi, quod cum a vobis recessimus cum caro patre fratre Gonsalvo Transtorna, profecti sumus usque Avinionem. Inde Generalis reverendi benedictione accepta, ivimus ad indulgentiam Assisii et post Venetiis ascendentes quandam carracam transivimus per mare Adriaticum, et post per mare Pontum ad sinistram dimittentes Sclavoniam et ad dexteram Turquiam applicuimus Graeciam, scilicet Galatas iuxta Constantinopolim, et ibi invenimus patrem Vicarium de Cathay in Vicaria orientali. Inde ascendentes unum lignum per mare Nigrum, cuius profunditas est abyssus, profecti sumus usque ad Gazariam in Vicaria aquilonari in imperio Tartarorum. Inde per aliud mare, cuius non est fundus, applicuimus Thanam. Et quia ego citius accessi quam socius meus, cum Graecis in curribus equorum usque in Saray sum directus; socius autem meus cum quibusdam aliis fratribus usque ad Urganthum delatus est” [30, p. 81–82 (English text); 2, p. 532 (Latin text)].

⁷ “vt sciatis ad partes quas per terram, quod difficilimum esset et periculosissimum, vel quod securius et leuius per mare et in societate mercatorum Venecorum extra veniendum” [19, p. 364 (English text); 20, p. 110–111 (Latin text)].

⁸ “In virtute eterni dei et magne maiestatis suffragio, Nos Vsbek mandamus hec verba nostra: Istud priuilegium tenentes sacerdotes latini qui suo more se fratres minores appellant, vt videlicet animo tranquillo consistentes, deum rogando, benedictionem faciendo incedant, priuilegium quod dederat Culuk progenitor noster et successor eius, frater noster senior, inperator, nos eciam nunc dedimus secundum eundem tenorem” [5, p. 65].

to the fact that the first time such a *yarlik* was granted to the Minorites by Mengu-Timur Khan (1266/67–1280)¹, apparently at the beginning of his reign [14, p. 33–34].

After they had settled in Caffa, the Franciscans continued to follow the Western merchants both in the territory of the Golden Horde and beyond. They established their footholds in those large commercial centers which were visited by Italian merchants. According to the report “About the Residences of the Friars Minor and the Friars Preachers in Tartaria” (*De locis Fratrum Minorum et Predicatorum in Tartaria*), compiled by the anonymous Dominican between 1314 and 1318, in addition to Cherson, Cembalo, Karasu Bazaar, Soldaia and Caffa in Crimea the Franciscans established their residences in Vicina, Maurocastro, Tana, Majar, Saray and Ukek². At the end of the 14th century, Bartholomew of Pisa mentioned among the Franciscans’ achievements the foundation of additional residences in Hajji-Tarkhan and Urgench³. The anonymous Aquitaine author of the “Chronicle of the 24 Generals of the Order of the Friars Minor” (*Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum*) testified to the existence of the Franciscan convent in Almalyk⁴.

Undoubtedly, the wide spread of Franciscan convents within the vast Mongol Empire was the result of financial support of their well-wishers. Therefore, it is necessary to dedicate some space here for identification of the source of this material welfare and primarily focus on European support of the Catholic missionaries in the East.

The famous Catalan theoretician of Catholic missionary activity, Ramon Llull, addressed in 1294 the Papal curia with “Raymund’s Petition regarding the Conversion of the Infidels Directed to Pope Celestine V” (*Petitio Raimundi pro conversione infidelium ad Coelestinum V papam*), where he urged the Pope to establish a special fund at the Curia in order to finance the Eastern apostolate and paid particular attention to the need to organize specialized language training for the European missionaries⁵. However, Ramon’s appeal was not heard, and five

¹ See the identification of Uzbek’s predecessors’ names mentioned in this *yarlik* in: [22, p. 58–60].

² “In Tartaria Aquilonari fratres Minores habent monasteria immobilia 18, in civitatibus et villis infra scriptis, videlicet: in vicina iuxta danubin. In Mauro castro. In Cersona, ubi beatus Clemens fuit exulatus, et ibi fundavit lxx ecclesias. Et prope est ille fons de sub cuius pede etc. In Cimballo. In Barason. In Soldaia. In Capha duo loca. In Thana. In Cummageria duo loca. In Saray. In Sancto Johanne, ubi est sepulcrum Coktogani filii Imperatoris. In Ugek” [13, p. 72].

³ “Custodia Sarayae habet locum de Thana; locum Agitarcan et locum de Saray ... locum de Organe” [3, p. 557].

⁴ “Anno Domini MCCCXLI ... Tunc fuerunt capti omnes fratres, qui erant in conventu Amalech” [2, p. 531].

⁵ “Thesaurus spiritualis est, quod sancti homines religiosi et seculares, qui ad honorandum nostrum Dominum Deum desiderarent sustinere mortem, et qui sacra doctrina sunt illuminati, addiscerent diversa linguagia, qui irent praedicare Evangelia per totum

years later, abandoning all hope of centralizing the Eastern apostolate's funding, he insisted only on linguistic training of the missionaries in his address to the University of Paris, while stressing all the dangers to which Europe could be subjected owing to insufficient support of the Christian missionaries and the corresponding conversion of the Mongols to Islam¹.

No doubt, the Avignon Popes of the 14th century devoted certain funds for sending the Catholic prelates to the East or, for example, in order to purchase religious books for the Franciscan Vicariates in Asia [28, p. 538–540; 26, p. 135–136, nota 54]. The leadership of the Order of the Friars Minor was likely to do the same while sending the missionaries to the “lands of the infidels”². However, these

mundum; et quod vos sancte Pater, et vos Domini Cardinales assignaretis unum Dominum Cardinalem, qui tractaret hoc negotium, et quod tales faceret quaeri per omnes terras Christianorum, qui huic sanctae praedicationi essent convenientes et vellent esse, et quod illis monstrarentur omnia linguaia mundi, et quod de illis fierent studia in terris Christianorum et Tartarorum, et quod ille Dominus Cardinalis, qui hoc officium haberet, faceret missionem studiorum et studentium, et hoc continuo, usque dum totus mundus esset Christianorum” [12, p. 373–374].

¹ “et preterea Judaei et Saraceni, prout possunt, conantur Tartaros in suas sectas inducere: et si contingat, quod absit, ut Tartaros esse Judaeos, vel Saracenos, vel eos condere per se sectam, timendum est ne cedat in totius christianitatis incomparabile detrimentum, sicut accidit de secta Macometi, qua inventa, Saraceni irruerunt super nos, et quasi tertia pars christianitatis cecidit. Innumerabilis est illa Tartarorum generatio, in brevi quidem tempore multa sibi regna et principatus manu bellica subjugavit. Videte, reverendi patres et domini magistri, imminere periculum toti ecclesiae Dei, et nisi sapientia et devotio vestra, qua tota christianitas sustinetur, Sarracenorum perfidiae opponat clypeum salutarem, et si negligat impetuosum torrentem Tartaricum refranare. Nolo ulterius dicere, sed pensate quid poterit evenire” [17, col. 1318–1319].

² Apparently, this support of the Order was rather limited as well. This forced the Franciscans of Caffa to address to the cardinals of the Papal curia in 1323 with a special request to organize the ubiquitous fundraising in Europe to finance the moving of the Minorites from Europe to the Golden Horde: “we ask you in the Lord, our holy lords the Bishops of the Latin Church, and all religious men and all clerks, that in all your public and private prayers, which pour forth with sweet tears for us and for all the people, you will think fit to draw attention to the shortness of our life (which we know because we are continuously exposed to numberless dangers, and because of which we are so eager for the arrival of others, that the work begun may not perish), and also to the neophytes here and to their constancy; ordering, if you please, for so great a benefit to the faith that religious men in their chapters, and the elders before he people, particularly on festivals, specially recommend our mission to other peoples; and that they will be favourable to all those who are now about to come and to expose themselves to the same perils for Christ's sake, and will lend them a helping hand towards the material support without which they will not be able to come. And all these we also continually receive in our prayers and commend in the Lord Jesus” (“Vos in domino rogamus ... ordinantes si placet pro tanto fidei bono, ut in suis religiosi capitulis et coram populo presbiteri diebus precipue festiuis specialiter recomendent nostram in alios expeditionem, et omnes qui iam venturi ac eisdem pro Xpisto periculis se exposituri fauorabiles erunt, et manus porigant adiutrices in subsidia terrena, sine quibus venire non poterunt, quos eciam omnes continue in nostris recipimus precibus et in domino Ihesu recomendamus”) [19, p. 366 (English text); 20, p. 112 (Latin text)].

funds were, on a large extent, only sufficient to cover travel expenses¹. From this perspective, the Franciscans in the Mongol Empire had no choice but to rely on the material support given to them in the eastern regions, where they developed their missionary work. In essence, the nature of their activities in the East was not very different from the initial period of the Order's expansion in Europe during the life of St. Francis of Assisi. Thus, the Franciscans of Caffa reported in the above-mentioned letter of 1323 that local nomads gratuitously supplied the missionaries with everything that was most necessary:

“But – and we had almost been silent about this at the dictation of conscience, lest perhaps any alleviation and lightness of suffering should attract in a small degree some weak men – you may know that we often find an appearance of greater devotion among the pagans themselves than we do in many Christians; and they gladly give us food and suitable clothing such as they possess, of hemp and linen and mixed with certain waste silk and woven with goats' hair”².

36 years before that the Custodian (that is, the head) of the Franciscans of the Northern Black Sea region named Ladislaus pointed out in his letter that the Mongol governor of Vicina (at the mouth of the Danube) intended to not only provide the Minorites with everything necessary but also to build a church for them and he probably fulfilled his promise³. Between 1314 and 1320, Friar Iohanca who preached the Gospel in “Bascardia” in the territory of modern Bashkortostan with another three brothers, received an invitation to baptize the local population from the Mongol judge of the land of “Sybur” (that is, the modern Tyumen region) along

¹ The unusually large sum of 1,500 gold florins was allocated by Pope Benedict XII at the end of 1338 for sending a large delegation led by the Franciscan Giovanni de' Marignolli to the Yuan emperor Toghon Temür [28, p. 540].

² “Set quod fere urgente consciencia siluerimus, ne forte infirmos aliquos attraheret aliquantulum alleviamen aliquod et leuis sufferencia, sciatis quod maioris sepe deuocionis reperimus apparenciam in ipsis paganis quam nos in multis xristianis cum et victualia nobis libenter conferunt et indumenta nobis apta qualia ipsi possident de canabe et lino et quibusdam a serico relictis mixta ac pilis caparum texta” [19, p. 362 (English text); 20, p. 108 (Latin text)].

³ “Interim autem dum frater Moyses Vicum pervenisset, millenarius populi illius, qui dicitur Argum misit filium singulariter, cum esset paganus, postulando, ut ad illum populum duos fratres mittere dignaretur propter Deum, qui, fideles ibidem existentes, ad fidem catholicam reformarent, et converti volentes baptizarent, dictisque fratribus ipse dominus tam in animalibus quam domibus et omnibus aliis necessariis provideret. Causa autem mota fuit ista, quae ipsum incitavit: quia in eodem populo, quidam Tartarus nobilis et potens, cuius uxor pluribus annis a daemone vexabatur, cui nec magorum, nec phitonum malitia posset subvenire, tandem post multa mala, quibus dictus populus a dicta muliere gravabatur, fecit eam ad ecclesiam fratrum nutu Dei deportari; votoque emisso tam a marito quam a memorata [uxore], quod fidem reciperent christianam, si eam Deus per fratrum orationes liberaret a periculo supradicto, fuit miraculose coram omnibus liberata meritis beatissimi patris nostri Francisci et orationibus fratrum mediantibus: multa tandem postulatione instantium, tam maritus quam ipsa fuerunt cum suis omnibus baptizati” [13, p. 445].

with the promise from the same judge to build churches and houses for missionaries “anywhere in Sybur”¹.

While Iohanca was compelled to reject the request of the Tatar judge because of the small number of friars, the Franciscans who preached Christianity in Middle Asia achieved much greater success due to the fact that one of them, according to Bartholomew of Pisa, was able to cure the Chaghadaid Eljigidei Khan from cancer². Giovanni Elemosina for his part pointed out that thanks to the benevolence and material support of Eljigidei Khan, the Minorites were able to build their Cathedral in Samarkand³. In his letter of June 13, 1338 Pope Benedict XII thanked the Christian relatives of the Chaghadaid Jankeshi Khan for the fact that they had provided the Franciscans a plot of land in Almalyk, where the Latin Bishop Richard of Burgundy built the Cathedral⁴.

Thus, Western missionaries enjoyed some support of individual Mongol rulers in the East. However, they probably received the most substantial help from Italian merchants. Thus, John of Hildesheim emphasized in his description of the “Deeds and Doings of the Three Holy Kings” that Western merchants tended to

¹ “Nam predictus nuncius qui venerat de Sybur, legacionem attulit a quodam tartarico iudice populi supradicti ad nostrum xristianum iudicem Bascardorum in hec verba certa: Audiui quod tu, germane mi, habes tecum 4or sacerdotes latinus xristianos, rogo ut duos ex ipsis ad nos mittere velis, qui possint et debeant nostrum populum baptizare; et si voluerint in ciuitatibus morari, nos eis ecclesias et domos edificabimus in quocunque loco voluerint de Sybur; si vero voluerint castra nostra sequi, omnia necessaria eis ministrabimus; si vero nobiscum stare noluerint, eos vsque ad vos super capita nostra conducemus, tantum nos baptizent et doceant fidem suam; si autem ad nos venire noluerint, deus eorum animas omnium quos saluare possent, de manibus eorum requirat” [5, p. 69].

² “Hi omnes, dum essent in dicto imperio et ab imperatore, qui tunc erat, quem frater Franciscus de Alexandria a cancro liberaverat, oratione potius quam medicamine – et ista de causa [imperator] fratrem istum suum vocabat patrem et medicum, – optime tractarentur, utpote datis terris et privilegiis et auctoritate praedicandi, ac suo filio fratribus dato, ut baptizaretur a fratribus, qui septennis tunc erat, vocato Ioanne” [3, p. 334–335].

³ “In quodam autem regno maximo Tartarorum erat rex nomine Cygatay, et hic erat germanus frater magni Chaam; et in isto regno est maxima Summachra nomine civitas nobilissima, ubi habitabant multi christiani. Deo autem operante, qui facit mirabilia magna solus, et inspirante animam regis huius, Rex iste Cygatay credidit Christo, et sacrum batisma suscepit. Et ipse cum christianis edificavit mirandam ecclesiam in honorem beati Johannis Baptiste” [13, p. 108].

⁴ “Laetanter de vobis audivimus, filii, quod vos, qui iuxta magnificum principem Chansi imperatorum Tartarorum de medio imperio familiaritatis et potestatis auctoritate fulgetis, ut intelleximus, aliis christianis in imperio illo degentibus favores, auxillia et consilia opportuna libenter impenditis et apud imperatorem eundem pro gratiis et privilegiis eis necessariis et opportunis interponitis sollicitudinis vestrae partes, quodque pleni zelo Dei et favore fidei christianae ferventes, volentesque temporalia pro spiritualibus et terrena pro caelestibus felici commercio commutare, unum fundum vestrum optimum cuidam episcopo de ordine fratrum Minorum in civitate Armalech deputato pro consolatione vestra et christianorum ibidem degentium donatione libera concessistis, in quo ad laudem divini nominis talis pulchra ecclesia est constructa” [7, p. 60, nota 1].

bring with them to the Mongol Empire friars of different Mendicant orders, contribute to the construction of their convents, and even supply them the slave boys for the education of future preachers of local origin¹.

Of course, the relations between European merchants and missionaries in the East were not always cloudless and from time to time conflicts erupted around the property granted to the Franciscans. In particular, a special bull of Pope John XXII addressed to the Vicar of the Minorites in the Golden Horde and the Guardians of two their convents in Caffa mentions the “grave and enormous injuries” inflicted by the local Genoese to the Franciscans and provided the letter’s recipients the powers to excommunicate the offenders of the Minorites in the case of refusal of compensation for damages². This Papal bull emphasized the extraordinary privileges and powers given to the leaders of the Franciscans in the East, which could be used within Europe only by the highest-ranking prelates. The Franciscans in the Golden Horde were clearly aware of their privileged position and pointed to it as an additional incentive in their appeals addressed to their fellows in the West to devote themselves to the Oriental apostolate:

¹ “Nam mercatores de Lombardia et aliis terris ditissimi, qui in illis partibus degunt, et frequenter perveniunt, trahunt hos ordines ad illas partes, et eis cum auxilio aliorum mercatorum et fidelium claustra fundant et omnia necessaria largiter eis ministrant, secundum quod quivis aliquem Ordinem diligit. Et ipsi mercatores adducunt secum de diversis terris et locis iuvenes pueros, linguis diversis eruditos, quos tradunt Ordinibus, qui tunc ab eis non possunt alienare vel apostatare. Et illos pueros tunc Fratres docent latinam, et exponunt eis libros in quibus habentur omnes confusiones iudeorum et hereticorum et eorum opiniones et errores; et hos libros et expositiones discunt ipsi pueri cordetinus sicut nostri scolares discunt in scholis regulas vel Donatum, ac alia privilegia. Et hunc modum Fratres Minores et alii mendicantes in partibus illis quamplurimos egregios doctores habent” [13, p. 153].

² “Nuper ad nostri apostolatus auditum non absque turbatione pervenit, quod nonnulli de civibus Ianuen. per civitatem et doecesim Caphen. constituti, qui per fructum bonorum operum aliis partium ipsarum, qui sunt divinae legis ignari, esse deberent in speculum et exemplar, ad illicita lassatis habenis contra ven. fratrem nostrum [Hieronymum] episcopum et ecclesiam Caphen. insurgentes, improvide eis graves et enormes iniurias intulerunt, propter quas forte non sunt a sententia excommunicationis immunes. Nos vero, dictarum iniuriantium volentes providere saluti, eos per litteras nostras rogandos duximus attentius et hortandos, expresse mandantes eisdem, ut episcopi et ecclesiae praedictorum gratiam repetentes eis super contumeliis et iniuriis antedictis congruam satisfactionem impendant. Quocirca discretioni vestrae per apostolica scripta mandamus, quatenus iniuriatores praedictos, si forte huiusmodi monitis et mandatis nostris parere contempserint, vos vel duo aut unus vestrum per vos vel per alium seu per alios, inquisita super praemissis diligentius veritate, si vobis per inquisitionem huiusmodi de iniuriis et contumeliis praedictis constiterit, ad impendendum praefatis episcopo et ecclesiae satisfactionem praedictam, prout iustum fuerit, per censuram ecclesiasticam appellatione proposita compellatis” [6, no. 446, p. 212–213].

“And think again, Brothers, of the very great indulgence granted to those who come by the Bull¹, and how free a hand you will have from the commission of delegation lately made to you by the Lord Pope, as very clearly appears in the Bull. But from this progress you are now in your native lands, through the council and the Bishops, sufficiently restrained and perilously disturbed². And let this also (with regards to merit alone) be an enticement, that it will be our duty by the terms of the privilege granted to you to perform almost all episcopal functions; not that it will be any honour here, but a very great burden and immense labour”³.

Franciscans headed by their prelates acted as representatives of the Pope in the East. Their primary task was to keep an eye on moral character, adherence to the Christian faith and the Catholic canons’ observance of those Europeans who happened to be beyond the jurisdiction of the European secular rulers. In particular this applied to western merchants and European residents of Golden Horde towns whom local missionaries had to protect from the “pernicious” influence of alternative world religions. Thus, the Papal letter addressed March 28, 1318 to the Latin Bishop of Caffa, Jerome of Catalonia, reflects the extreme concern of John XXII in relation to the practice of mixed marriages in Caffa between Catholics and “schismatics and other enemies of the faith”. After having mentioned this widespread and reprehensible, from the point of view of the Pontiff, phenomenon caused by the small number of local Catholics, John XXII conceded to the request of the Bishop of Caffa and provided him extraordinary powers to allow the local Catholic residents to intermarry within a degree of kinship which was forbidden in Europe by canon law⁴.

¹ The bull of John XXII of October 23, 1321 reproducing the content of the previous bull of Pope Clement V of July 23, 1307 [6, no. 84, 443, p. 35–37, 211].

² This refers to a secession within the Order of the Friars Minor connected with the regulations of the Council of Vienne on the nature of the immovable property of the Franciscans and with the subsequent bulls of Pope John XXII condemning all who opposed the change of the Order’s original statute [18, p. 308–317].

³ “Et recogitatis, fratres, maximam que venientibus per bullam confertur indulgenciam, et quam liberam manum habebitis de profundo ipsis animabus ex delegataria nuper per dominum papam vobis facta commissione, que maxima in bulla patet, a quo profectu iam in vestris patriis per concilium et prelatos satis estis artati et periculose perturbati, et hoc eciam alliciat pro merito, solum quod fere omnia vos oportebit exercere officia episcopalia per vestrum priuilegium, sine omni ibi honore, set cum onere maximo et inmenso labore” [19, p. 365–366 (English text); 20, p. 111–112 (Latin text)].

⁴ “Sane lecta coram nobis fraternitatis tue petitio continebat, quod in dominio Tartarorum partium Aquilonis, in quibus Caphensis episcopatus de novo pro fidei propagatione creatus fore dinoscitur, sic peccatis exigentibus paganorum et schismaticorum multitudo crassatur, quod pauci reperiuntur adhuc in ipsis partibus christianae fidei professores: propter quod quandoque immo persaepe contingit, quod ipsi christiani, qui propter paucitatem ipsorum omnes fere se consanguinitate vel affinitate contingunt, cum ad invicem contrahere nequeant, coguntur cum schismaticis at aliis inimicis fidei contra ipsius fidei sanctiones contrahere in suarum perniciem animarum. Quare de ipsorum salute

It is obvious that in this case the Bishop of Caffa acted as an intercessor of the local Italian residents, and as the person who enjoyed the confidence in the Papal curia he was able to convince the Pontiff to take into account the particular conditions of their stay in the East and to make concessions. At the same time, this bull displayed the desire of Europeans to follow the moral leadership of the representatives of the Pope in the Golden Horde. Italian merchants and settlers from Europe, as well as the local inhabitants of the Golden Horde who converted to Catholicism certainly needed the Catholic priests for the consecration of the essential rituals (particularly of weddings¹) as well as for regular church services. Pope John XXII, for his part, fully approved of these aspirations, abundantly providing with quotations from the “Second Letter of St. Paul to the Corinthians” his bull addressed January 22, 1330 to the Catholics in the Golden Horde and the Chaghadaid ulus².

Europeans who found themselves within the boundaries of the Mongol Empire wished to participate in religious services, which were held in Catholic churches by Catholic priests. The consequence of these desire was their propensity to contribute to the construction of Catholic churches in the East and to the spread

sollicitus nobis humiliter supplicasti, ut providere ipsorum saluti iuris moderando rigorem de benignitate apostolica dignaremur. Tuis itaque in hac parte supplicationibus inclinati, volentes eorum statui et saluti de solita sedis apostolicae gratia consulere, fraternitati tuae dispensandi cum illis ex eisdem partibus catholicis, ubi huius dispensationis id necessitas exigit et tibi videbitur expedire, super quo tuam conscientiam oneramus, qui inter se quarto consanguinitatis vel affinitatis gradu contingunt, ut impedimentis hiis nequaquam obstantibus, singuli videlicet cum singulis mulieribus, matrimonium inter se libere contrahere valeant et in sic contracto licite remanere, plenam et liberam concedimus tenore praesentium facultatem” [6, no. 317, p. 148].

¹ Giovanni Elemosina reported on the Franciscans’ missionary successes among the local nomads (who probably professed Christianity before the arrival of Western missionaries) because they consecrated their marriages: “Et quia ipsi fratres a principio sponsum et sponsam et nuptias benedicere ceperunt, et exemplo Salvatoris nostri cum eis manducare, ideo tantum inolevit ista devotio inter Tartaros, ut fratres oporteat sepius nuptias benedicere et cum eis manducare” [13, p. 125].

² “Gratias agimus Deo nostro, quia, sicut grata, et exultabili relatione percepimus, gratia Dei illuminati estis, divites facti in revelatione Domini nostri Jesu Christi, qui et confirmabit vos usque in finem ambulare in semitis mandatorum ipsius; fecit enim Dominus in cordibus vestris lucem splendere ad illuminationem scientiae claritatis suae, ut habeatis thesaurum spiritualem in vasis fictilibus, ut sciatis quod licet is, qui foris est, noster homo corrumpatur, tamen is, qui intus est, renovatur de die in diem; quoniam id, quod in praesenti est momentaneum, et leve tribulationis humanae, supra modum in sublimitate aeternum gloriae pondus operatur in nobis, non contemptantibus temporalis, quae videntur, sed quae non videntur, aeterna. Amplexantes igitur tempus acceptabile vocationis vestrae ad catholicam veritatem, nemini dantes ullam offensionem, in omnibus exhibetis vosmetipsos sicut Dei ministros, in multa patientia, in castitate, in caritate non ficta, in verbo veritatis, in virtute Dei, per arma iustitiae a dextris, et a sinistris, non ducentes jugum cum infidelibus, eorum imitantes errores; sed impietates de ipsorum cordibus evellere studeatis” [8, no. lxxvii, p. 189].

of the missionary activity of the Franciscans. At the same time they could afford to lay claim to a special status in the territory of the Mongol Empire¹ and to assert their primary dependence on the Supreme Pontiff unlike other subjects of the local Mongol rulers. In any case, the Avignon Popes consistently stressed the protection provided to the Catholics in the East in their letters addressed to these Mongol rulers. In his first letter to Uzbek Khan of March 28, 1318 Pope John XXII warmly thanked the Golden Horde ruler for the favorable treatment of Christians in his empire and insistently urged him to adhere to this attitude in the future with a special appeal to favorably treat the preachers of “the word of God”². Five years later, Pope John XXII reproduced almost unchanged the content of this letter [9, a. 1323, § 2, p. 202], and 20 years later his successor, Pope Benedict XII, thanked the khan for the same favorable attitude both in his letter addressed to Uzbek June 13, 1338 [7, no. 91, p. 60] as well as in the bull of October 31, 1338³. In his next

¹ Or even to behave arrogantly, which, according to the anonymous continuator of the “Chronicle” of Jacopo da Varagine, led to Toqta Khan ordering the arrest of all the Genoese in the Golden Horde in 1307 and temporarily expelling them from Caffa the next year: “Anno domini MCCCVII in festo beati francisci toctai imperator tartarorum in dominio gazarie propter multas superbias quas Januenses fecerant in suo imperio precepit quod omnes Januenses erunt capti per totum suum imperium in here et persona. quod et factum fuit ita quod mercatores qui erant in saray capti fuerunt et depordati sed postea ex precepto dicti imperatoris persone eorum usque in sulcati ducti fuerunt et aliqui in caffā venerunt. reliqui remanserunt ibi incarcerati qui postea quasi toti frigori gladio et desasio perierunt. Dicto autem Mo dictus thoctai missit ad destructionem caffè elbasar filium suum qui aplicuit in gazaria dicto Mo de mense novembris et ibi congregavit exercitum suum inter equites et pedites centum millia et venit in caffā. erant Januenses CCC et greci CCC ac sperantes in adiutorio dei ad se deffendendum et familias eorum et contra dictos inimicos dei se viriliter posuerunt. et cum multis preliis et incendiis dictam terram caffā dicti tartari fere per menses VIII duriter afflixissent. ultimo videntes Januenses ibi existentes quod propter deficientiam quam non habebant terram tenere non potuebant. fecerunt consilium generale, in quo deliberatum fuit derelinquere terram et ascendere in lignis. Itaque die XX maij MCCCVIII derelicta fuit caffā et tota igne combusta manibus dictorum Januensium” [24, p. 500–501].

² “Laetanter audivimus, quod tu non absque speciali motione divina ob reverentiam Christi Ihesu divini Salvatoris religionis christianae cultores infra imperii tui terminos constitutos benigno favore prosequeris et pertractas ... Celsitudinem tuam in Domino deprecamur, quatenus ad christianae fidei professores, qui dominationis tuae terram inhabitant et maxime qui praedicant inibi verbum Dei, sic tuae benignitatis affectum continues ipsos operosis favoribus prosequendo, quod tua protecti defensionis clypeo cuiuscunque offensionis molimina non formident, quin potius assidue securitatis dulcedine valeant gloriari” [6, no. 318, p. 148].

³ “Dudum ad notitiam nostram placida relatione perducto, quod tu inspiratus a Domino, qui numquam cessat a benedictionibus gratiarum, christianos in tuo degentes imperio et ad illud etiam accedentes favore benignitatis et mansuetudinis pertractabas, multos eis impendendo favores nihilominus et opportuna privilegia concedendo: Nos haec et alia bona per te eisdem christianis gratiose impensa regratiando tuae celsitudini et ad ea continuanda exhortando attentius per litteras nostras magnificentiae tuae scripsisse meminimus” [7, no. 97c, p. 64].

letter to Uzbek of August 17, 1340, Pope Benedict XII yet again thanked khan for the favorable attitude to the “Catholic Christians obeying the Roman Church” as well as for the permission to “build churches and preach the word of God” granted to missionaries – something which was granted, according to the Pope, in response to his own “exhortations and requests”¹.

Nor did the Pontiffs miss an opportunity to express their gratitude to those close relatives of Uzbek who stood out for their supportive attitude towards Catholics. Thus, in his letter of November 22, 1321 addressed to a Christian Abušqa, a cousin of Uzbek (the son of Kutukan who was Uzbek’s uncle), Pope John XXII urged him to both favorably receive the Latin Bishop of Caffa, Jerome of Catalonia, and his unnamed companion and provide adequate protection to the local Catholics². In his letter of October 31, 1338, Pope Benedict XII, in turn, thanked Uzbek’s son Tinibek for patronage extended to Catholics and urged him to patronize them in the future as well³. In a parallel letter addressed on the same date to the Franciscan Elia the Hungarian, Benedict XII pointed out that Tinibek’s benevolence toward Catholics was not in the least a consequence of Elia’s exhortations⁴. Two years later, Benedict XII again appealed to Tinibek with the

¹ “exhortationibus et precibus nostris, quibus christianos catholicos et Romanae obediētes ecclesiae in tuo degentes imperio benevolentiae tuae commendavimus, favorabiliter annuens, erga christianos eosdem tuae magnitudinis liberalitatem et gratias ampliasti, eis reparandi nihilominus et aedificandi ecclesias et loca ecclesiastica necnon antistitibus et religiosis catholicis praedicandi verbum Dei et sacramenta ecclesiastica iuxta ritum et morem sanctae Romanae ecclesiae, matris omnium fidelium et magistrae, ministrandi licentia liberali concessa” [7, no. 124, p. 78].

² “Ceterum cum dicti episcopus et socius pro tua dictorumque populorum procuranda salute ad partes ipsas cum benedictionis nostrae gratia revertantur ad praesens, quaesumus, fili, ut tam eos quam alios christianos in eisdem partibus commorantes pro divina ac dictae sedis ac nostra reverentia benigne pertractans eos favoribus munias opportunis tuaeque protectionis auxiliis a molestiis tuearis et in libertate plenae securitatis manuteneas et conserves” [7, no. 124, p. 78].

³ “Laetamur in Domino et eidem laudes exolvimus puro corde, quia, sicut intelleximus, inter multas virtutes, quibus te ipse largitor bonorum omnium adornavit, tibi benignitatis et clementiae spiritum contulit, ut omnibus tam christianis quam aliis in imperio genitoris tui degentibus adeo te propitium exhibeas et benignum, quod non solum te ratione principatus terreni, quem super eos habere dignosceris, venerantur, quin imo magis caritatis et amoris fervore beneficiorum tuorum sentientes dulcedinem student iugiter attollere nomen tuum. Nos igitur, qui favores, quos impendisti et impendere non cessas, ut praemittitur, continue christianis eisdem gratos habemus admodum et acceptos, tuam exinde benevolentiam multipliciter in Domino cum gratiarum actionibus commendamus, excellentiam tuam rogantes attentius et hortantes, quatenus (consideranter attendens et spe firma certaue fiducia gerens in mente, quod nullum bonum irremuneratum remanet apud Deum) favores huiusmodi erga christianos praedictos continuare et exuberare non cesses iugiter” [7, no. 97d, p. 64–65].

⁴ “Fide dignorum placido relatu percepimus, quod tu familiaribus spectabilis viri Tynybech, primogeniti magnifici principis Usbech imperatoris Tartarorum et magni filii Chyscam, insistens obsequiis eidem primogenito, quantum potes commode, viam salutis ostendis et ipsum ad favores christianis in partibus illis commorantibus impendendos et alia pia opera exercenda diligentibus studiis et sollicitis curis inducis” [7, no. 97e, p. 65].

same gratitude and exhortations, expressing, among other things, the certainty that Tinibek's benevolence toward Catholics was the result of his "respect and honor" of the Pontiff¹. Simultaneously, the Pope addressed a separate letter to Uzbek's senior wife, Taydula, urging her to continue to patronize the Catholics "obeying the Roman Church" as she had done it before "out of devotion" to the Apostolic See².

Furthermore, the same Pontiffs sent similar letters to the khans of the Chaghadaid ulus, as we see with Benedict XII directing on 31st October, 1338 to Jankeshi Khan the same message that was found in the parallel letter to Uzbek Khan [7, no. 97b, p. 64] and addressing the letter of June 13, 1338 to the Christian relatives of Jankeshi Khan (calling them by the names of "Carasmon and Iohan") with a request to continue to intercede for local Catholics before the Chaghadaid

¹ "Venientem nuper ad praesentiam nostram dilectum filium Eliam de Hungaria ordinis fratrum Minorum, tuae nobilitatis nuncium, benigne tam tuae considerationis obtentu quam ipsius probitatis intuitu recepimus et ea, quae pro parte tua coram nobis exponere voluit, favorabiliter audivimus et intelleximus diligenter. Sane, licet devotionem tuam inspiratam tibi a Domino, quam habes et habuisti hactenus ad sanctam sedem apostolicam et Romanam ecclesiam, matrem omnium christianorum fidelium et magistram, necnon benevolentiam et favores, quos erga christianos ob pietatem divinam ac nostram et dictae sedis reverentiam et honorem geris et gerere continue non desistis, iamdudum relatibus placidis audissemus, dictus tamen nuncius, te super his et aliis piis et devotis operibus multae commendationis et laudis praeconiis apud nos magnificans et attollens, de te nobis super multis donis virtutum, quibus te largitor bonorum omnium edotavit, extitit placabiliter collocutus. Cum autem de his tuis virtuosis actibus in Domino exultantes tuam salutem teque illa operari et perficere, quibus in hac vita praesenti gratiam et in futura beatitudinis aeternae merearis gloriam, cupiamus, nobilitatem tuam rogamus attentius et in Domino exhortamus, quatenus circa haec et alia tuae salutis animae utilia vigilanter intendes praefati Eliae nuncii tui, qui te sincere ut intelleximus diligit, salutaribus monitis et persuasionibus salubribus acquiescas, devotionis huiusmodi spiritum, quem dedit tibi virtutum Dominus, non extinguens, christianos vero praedictos opportunis favoribus et benevolentis habeas commendatos, ut ipse Deus, a quo bona cuncta procedunt quique nullum bonum irremuneratum relinquit, te oculo pietatis irradiando verae fidei lumine mentem tuam respiciat et ad ea, quae sibi sunt placita tuaeque salutis utilia, dirigat actus tuos" [7, no. 126, p. 79].

² "Pridem ad nostram venientes praesentiam dilecti filii Elias de Hungaria ordinis fratrum Minorum et nobiles viri Petranus de Lorto, olim dominus de Capha, et Albertus eius socius, nuncii magnifici principis Usbech imperatoris Tartarorum viri tui exponere nobis inter cetera curaverunt, qualiter tu spiritu devotionis et benignitatis imbuta sinceram devotionem ad nos et sanctam sedem apostolicam corde gerens, christianos catholicos sacrosanctae Romanae ecclesiae obedientes, in illis degentes partibus, piis tractas affectibus ac favoribus et gratiis prosequeris opportunis, te libenter in his et aliis misericordiosis operibus exercendo ... Ideoque tuam rogamus magnificentiam et in Domino attentius exhortamur, quatenus in huiusmodi et aliis bonis operibus continuatione laudabili perseverans et ad obtinendum benedictionem divinae gratiae per susceptionem verae fidei catholicae, sine qua nemo potest salvus fieri, te coaptans, christianos praedictos catholicos ecclesiae Romanae obedientes praedictae habeas favorabiliter commendatos" [7, no. 125, p. 78–79].

khan¹. Nine years earlier, Pope John XXII addressed a letter to Eljigidei Khan with thanks for the favor toward Catholics in Middle Asia as well as with an appeal to treat the new Latin Bishop of Samarkand and friars from the orders of the Dominicans and Franciscans with the same favor².

Undoubtedly, the favor of the Mongol rulers was primarily caused by the material advantage which was brought by Italian merchants who paid taxes on commercial transactions carried out in their territories. However, the intercession of the Pontiffs should serve as an additional stimulus for the manifestation of this favor. Although it should be recognized that the patronage of the Pontiffs was limited, as, for example, in attempts to stand up for Christian residents of Soldaia who were mainly Greeks [10, p. 194, nota 205]. In his message addressed to Uzbek Khan on September 27, 1323, Pope John XXII regretted the fact that shortly before this, local Christian residents were expelled from Soldaia and their churches were turned into mosques. He called on the Golden Horde ruler to allow them to return to their hometown and get back their churches³.

¹ “Nos autem vos super tot et tantis operibus meritoriis multipliciter in Domino commendantes et ei, qui sic suae gratiae lumine illustrare dignatus est mentes vestras, in humilitate spiritus gratias referentes, nobilitatem vestram rogamus attentius et hortamur, quatenus haec vestra sincera devotio et opera laudabilia et meritoria non minuantur in vobis, sed crescant, ut per ea, quae in praesenti vita feceritis, aeternae valeatis felicitatis beatitudinem adipisci” [7, p. 60, nota 1].

² “Ad haec multae benignitatis affectum, quem, sicut praediximus, Latinis Christianis in partibus illis morantibus, et illuc accedentibus, favorabiliter exhibes, uberibus gratiis prosequentes petimus, ut effectum hujusmodi tua nobilitas continuet circa illos, et ceteros alios, qui fide imbuti fuerint orthodoxa. Ceterum instanter rogamus, ut eundem Thomam Episcopum, et omnes Catholicos Antistites in dictis Partibus commorantes, et qui illuc accedent in posterum, necnon praefatos Praedicatorum, et Minorum Ordinum Professores, ad dictas partes, non alicujus commodi temporalis obtentu, sed solum pro lucrificandis Domino animabus, non absque gravibus laboribus, et periculis, accedentes, benigne pertractes, jucunde recepias, praedicationes ipsorum aure cordis efficaciter audias, ipsosque per tuos subditos similiter facias benigne suscipi, et tractari, ut bonorum omnium retributor mentem tuam aperiat, te beneplacitis suis coaptet, tuosque labores in ejus obsequium praestitos, non solum temporalibus, sed etiam spiritualibus praemiis recompenset” [8, no. lxxiv, p. 187].

³ “Demum quia in Christianorum angustiis, tribulationibus et pressuris non possumus anxie non torqueri, dolenter audivimus, Christianos in civitate Soldaye noviter degentes, esse noviter de civitate ipsa per Saracenos ejectos, et campanis de Ecclesiis ipsorum depositis, Ecclesias ipsas factas esse mesquitas. Nos autem ad Christianos ipsos, tanquam pater ad filios praecordialis habentes compassionis affectum, adhuc preces adjicimus precibus; et a celsitudine tua, quam per hujusmodi pietatis opera penes Deum et homines crescere cupimus, petimus et ob reverentiam ejus, qui bona uniuscujusque opera cum mercede compensat opima, praelibatos Christianos, ut praefertur, ejectos facias in dictam civitatem ad inhabitandum inibi regredi, et restitutis eis dictis Ecclesiis et campanis, ipsos Domino nostro Jesu Christo, quem colimus, intrepide obsequi et servire permittas; sciturus indubie, quod quanto per plura pietatis et charitatis opera ad Christianos ipsos oculos tuae propitiationis extends, tanto suaviores intentiones thurificabis Domino, et gratiora sibi offeres holocausta” [9, a. 1323, § 3, p. 203].

Two synchronous entries in the “Sudak Synaxarion” show that Soldaia was attacked by the military forces of Uzbek’s governor in Crimea, Tuluk-Timur, in August 1322 and January 1323 [4, no. 30, 181, p. 600, 621]. Ibn Battuta’s testimony of the fact that in 1334 Soldaia was largely populated by “Turks” [27, p. 499] indicates that the Papal request was not heeded. However, in another case mentioned in the message of Pope Benedict XII which he addressed on August 17, 1340 to Uzbek Khan, the Pontiff expressed clear confidence that Uzbek rejected recent accusations toward local Catholics for plotting against the Golden Horde ruler, mindful of the previous “requests and exhortations” of the Pope¹.

This same letter of the Pontiff reflected the obvious desire of Uzbek Khan to maintain diplomatic relations with the Avignon curia for the peaceful resolution of international conflicts. In particular, the Pope mentioned in his bull the khan’s concern about the increased number of clashes between the khan’s subordinates and subjects of the kings of Hungary and Poland. He assured Uzbek, on whom the prosperity of Catholic Christians depended in the Golden Horde, that he would use his influence to halt border conflicts². In this case, however, the answer of the Pontiff to Uzbek was not sincere, since a fortnight before that, Benedict XII proclaimed the preaching of a crusade in Poland, Hungary and Bohemia to repel the expected attack by Uzbek’s troops as a response to the intention of the Polish king, Casimir III the Great, to attach Galicia to his possessions [1, no. 48, p. 103–104; 16, p. 213–214]. However, it should be noted that Uzbek’s embassy, which had arrived in Avignon with a demand that the Pope intervene in the emerging conflict, consisted of two Genoese merchants and one Franciscan. It is obvious that the Golden Horde’s khan was inclined to use the mediation of Catholic residents in his dominion to establish relations with one of the most powerful rulers in the Latin

¹ “praeterea quod, cum aliqui nequissimi homines sceleris nefandissimi patratores, proditoriis et temerariis ausibus intentata tibi morte, te in tuo palatio igne supposito nocturno tempore obsedissent et christianis praedictis falso imponere patrationem huiusmodi sceleris niterentur, tu, divino auxilio feliciter ab huiusmodi periculo liberatus et recordatus precum et exhortationum nostrarum praedictarum ac impositionem praedictam esse falsam et calumniosam Dei sapientia inspiratus attendens, praefatos christianos tamquam de huiusmodi scelere innocentes (tribus tantum exceptis, qui maligno seducti spiritu se cum nequissimis patratorebus sceleris eiusdem immiscuisse dicebantur) tandem, facta de aliis eiusdem facinoris patratorebus iustitia, sub tuae serenitatis gratia in pacis et libertatis dimisisti quiete” [7, no. 124, p. 78].

² “Et insuper, cum, sicut intelleximus, inter tuos et carissimorum in Christo filiorum nostrorum Hungariae et Poloniae regum officiales et subditos in confiniis imperii tui et regnorum regum praedictorum quandoque suscitari contingat dissensiones et guerras, ex quibus strages hominum, lapsus rerum et animarum amarius deploranda pericula subsequuntur, velit tua sublimitas ab invasione regnorum praedictorum desistere, quia, si reges praedicti inferrent tibi vel tuis iniurias indebitas vel offensas et id nobis duxeris intimidandum, haec per reges ipsos praecabimur facere, quantum cum Deo poterimus, tibi et tuis rationabiliter emendari” [7, no. 124, p. 78].

world. And this tendency was to serve as an additional reason for his favorable treatment of Western merchants and missionaries.

Summarizing the results of this study, it should be clarified that its author has not in any way sought to refute the generally accepted opinion that European commercial expansion in the Mongol Empire was primarily promoted by the shared material interests of Italian merchants and the Mongol rulers. Nevertheless, a number of sources presented in this study suggests that the same Mongol rulers' favor toward Italian merchants was to a certain extent a consequence of the patronage of the Papal curia which the Avignon Popes insistently pointed out in their messages to the khans of the Golden Horde or Chaghadaid ulus. The same sources indicate with equal clarity that the favorable attitude of the khans extended as well to Western missionaries who carried out their activities in their territories. Probably, this favor was primarily caused by the desire to please the Italian merchants who brought significant revenues to the treasury of the Mongol rulers. At the same time, the khans' favor was determined by the fact that Western missionaries acted as official representatives of the Pontiffs in the territories of Mongol rulers who sought to maintain – with missionary assistance – diplomatic relations with the Avignon curia. Thus, the presence of Western missionaries in the East turned out to be beneficial both to the Italian merchants and to the Mongol rulers. And with this consideration, one can explain the proliferation of Dominican and, more prominently, Franciscan convents in the Mongol Empire's expanses.

References

1. *Acta Benedicti P.P. XII (1334–1342) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt.* Tăutu A.L. (ed.). *Fontes: Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis, Series III, Vol. VIII.* Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1958. xv + 258 p. (In Latin)
2. *Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia.* Tomus III: *Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae.* Firenze, Quaracchi, Collegii S. Bonaventurae, 1897. xxvii + 748 p. (In Latin)
3. *Analecta Franciscana sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia.* Tomus IV: *De conformitate vitae Beati Francisci ad vitam Domini Iesu auctore Fr Bartholomaeo de Pisa. Liber I, Fructus I–XII.* Firenze, Quaracchi, Collegii S. Bonaventurae, 1906. cxxviii + 558 p. (In Latin)
4. Antonin, arkhimandrit (Kapustin). *Zametki XII–XV veka, otnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare [Notes of the 12th–15th centuries related to the Crimean city of Sugdeya (Sudak), added to the Greek Synaxarion]. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities].* Odessa, v gorodskoy tipografii, 1863, vol. 5, pp. 595–624. (In Russian)

5. Bihl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1924, vol. 17, pp. 55–71. (In Latin)

6. *Bullarium Franciscanum sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*. Tomus V: *Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta*. Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p. (In Latin)

7. *Bullarium Franciscanum sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*. Tomus VI: *Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta*. Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902. liv + 687 p. (In Latin)

8. *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum*. Vol. II: *Ab anno 1281 ad 1430*. Ripoll T., Brémond A. (eds). Romae, typis & sumtibus H. Mainardus, 1730. xii + 746 p. (In Latin)

9. *Caesaris S.R.E. Card. Baronii Annales ecclesiastici*. Tomus XXIV: *1313–1333*. Rinaldi O., Laderchi G. (eds). Barri-Ducis, Parisiis, Friburgi Helv.: Ex typis Consociationis Sancti Pauli, 1880. vi + 540 p. (In Latin)

10. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Willcocks S. (tr.). Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2012. vi + 321 p.

11. Francesco Balducci Pegolotti. *La Pratica della Mercatura*. Evans A. (ed.). Cambridge, Mediaeval Academy of America, 1936. liv + 443 p. (In Italian)

12. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. I: *Il secolo decimoterzo (1215–1300)*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906. vii + 479 p. (In Italian, Latin)

13. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. II: *Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1913. iv + 641 p. (In Italian, Latin)

14. Hautala R. Yarlyk Uzbeka frantsiskantsam Zolotoy Ordy 1314 goda: latinskiy tekst, russkiy perevod i kommentarii [Yarlyk of Uzbek Khan Granted to the Franciscans of the Golden Horde in 1314: The Latin Text, Russian Translation, and Commentary]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, vol. 3, pp. 31–48. (In Russian)

15. Haytonus. *Flos Historiarum Terre Orientis*. Kohler Ch. (ed.). *Recueil des Historiens des Croisades. Documents arméniens*. Vol. II. Paris, Imprimerie royale, 1906, pp. 261–363. (In Latin)

16. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Pearson Longman Publishing, 2005. xxxiv + 414 p.

17. Martène E. *Thesaurus novus anecdotorum quinque in tomos distributus. Tomus primus complectens regum ac principum aliorumque virorum illustrium epistolas et diplomata bene multa*. Lutetiae Parisiorum, Florentini Delaulne et al., 1717. 1856 cols. (In Latin)

18. Moorman J. *A History of the Franciscan Order: From Its Origins to the Year 1517*. Oxford, Oxford University Press, 1968. xiii + 641 p.

19. Moule A.C. Fourteenth Century Missionary Letters. *The East & the West: A Quarterly Review for the Study of Missionary Problems*. Westminster, Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts, 1921, vol. 19, pp. 357–366.

20. Moule A.C. *Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1923, vol. 16/1–2, pp. 104–112. (In Latin)

21. Moule A.C. *Christians in China before the Year 1550*. London, Society for Promoting Christian Knowledge, 1930. xiv + 293 p.

22. Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar"*. Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Vol. II. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p. (In French)

23. Petech L. Italian Merchants in the Mongol Empire. Edgington S. (tr.). *The Spiritual Expansion of Medieval Christendom: The Asian Missions*. Ryan J.D. (ed.). Chapter IX. Farnham, Ashgate Variorum Reprint, 2013, pp. 165–188.

24. Promis V. Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Genova, Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1874, vol. 10, pp. 493–512. (In Latin)

25. Reichert F.E. *Incontri con la Cina. La scoperta dell'Asia orientale nel Medioevo*. Sberveglieri A. (tr.). Milano, Biblioteca francescana, 1997. 404 p. (In Italian)

26. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIII^e–XV^e siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p. (In French)

27. *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354*. Vol. II. Gibb H.A.R. (tr.). Cambridge, Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1962. xii + 271–537 p.

28. Van der Vat O. *Expensae Camerae Apostolicae pro missionibus Fratrum Minorum inter Tartaros, an. 1318–1353. Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1938, vol. 31, pp. 538–540. (In Latin)

29. Van den Wyngaert A. *Sinica Franciscana*. Vol. I: *Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1929. 637 p. (In Latin)

30. Yule H. *Cathay and the Way Thither Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. III: *Missionary Friars–Rashīduddīn–Pegolotti–Marignolli*. London, Hakluyt Society, 1914. xv + 269 p.

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016 (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland), e-mail: romanhautala@gmail.com

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.

ЗАПАДНЫЕ МИССИОНЕРЫ И ТОРГОВЦЫ: ПРИМЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ*

Р. Хаутала

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация*

Университет Оулу

Оулу, Финляндия

romanhautala@gmail.com

Резюме. Цель исследования: рассмотреть взаимодействие итальянских купцов и представителей Орденов доминиканцев и в первую очередь францисканцев на территории Монгольской империи (в основном, в улусах Джучидов и Чагатаидов) в первой половине XIV века. Автор статьи уделяет основное внимание обстоятельствам широкого распространения латинского миссионерства в Азии и в первую очередь неопределимой материальной поддержке итальянских купцов, без которой миссионерская деятельность братьев-мендикантов вряд ли смогла бы достигнуть столь беспрецедентного размаха. Помимо этого, автор данной статьи попытался прояснить соображения итальянских купцов, жертвовавших значительные суммы денег на поддержание деятельности западных миссионеров. И в конце данного исследования

* Впервые опубликовано в Crusaders, Missionaries and Eurasian Nomads in the 13th–14th Centuries: A Century of Interactions / Victor Spinei (ed.) // Florilegium Magistrorum Historiae Archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, XXI. București: Editura Academiei Române; Brăilei: Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2017. No. 10. P. 221–243. Я выражаю мою особую благодарность Стивену Поу, кто не пожалел своего ценного времени для тщательной проверки макета данной статьи. Разумеется, только автор настоящей статьи несет полную ответственность за любые потенциальные ошибки, которые могут быть выявлены после ее публикации.

автор постарался объяснить причину особой благосклонности монгольских правителей, которую они выказывали по отношению к миссионерам из Европы.

Материалы исследования: ряд синхронных латинских источников (включающих папские буллы и отчеты миссионеров из Азии), предоставляющие сведения о деятельности европейских миссионеров в границах Монгольской империи.

Результаты и новизна исследования: представленные в исследовании источники позволяют предположить, что благосклонность монгольских правителей к итальянским купцам была в определенной степени следствием того покровительства папской курии, на которое Авиньонские папы настойчиво указывали в своих посланиях ханам Золотой Орды или Чагатайского улуса. Те же источники столь же ясно указывают на благосклонное отношение ханов, которое они также оказывали и западным миссионерам, развернувшим свою деятельность на подчиненных им территориях. Вероятно, эта благосклонность была в первую очередь вызвана стремлением угодить итальянским купцам, приносившим значительные доходы казне монгольских правителей. Одновременно расположение ханов определялось тем фактом, что западные миссионеры выступали официальными представителями понтификов на территориях монгольских правителей, стремившихся поддерживать при их помощи дипломатические отношения с Авиньонской курией. Таким образом, присутствие западных миссионеров на Востоке оказывалось выгодным как итальянским купцам, так и монгольским правителям. И этим соображением можно объяснить широкое распространение доминиканских и в первую очередь францисканских конвентов на просторах Монгольской империи.

Ключевые слова: история Монгольской империи, история Золотой Орды и Чагатайского улуса, европейская торговая экспансия в Средневековье, европейская миссионерская деятельность в средневековой Азии, средневековые латинские источники.

Для цитирования: Roman Hautala. Western Missionaries and Merchants: an Example of Cooperation Within the Framework of the Mongol Empire. *Туркологические исследования*. 2018; Vol. 1, no. 4: 42–66.

Сведения об авторе: Роман Хаугала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016 (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

СВЕДЕНИЯ О ТОКТАМЫШ-ХАНЕ ИЗ МАДЖМУ АТ-ТАВАРИХ

Ж.М. Сабитов

Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева

г. Астана, Казахстан

babasan@yandex.ru

Г.А. Камбарбекова

Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби

г. Алматы, Казахстан

kazalem@mail.ru

Резюме. Цель: изучить сведения о Токтамыше в историческом источнике под названием Маджму ат-Таварих. Проанализировать сведения из Маджму ат-Таварих о жизни эмиров, упомянутым, в связи с политической биографией Тохтамыша из данного источника. Также целью данной статьи является ввод в научный оборот извлечений из средневекового исторического источника Маджму ат-Таварих.

Материалы исследования: В данной статье нами приведены извлечения из данного источника о политической деятельности Тохтамыш-хана. Перевод осуществлен с Бишкекского списка Маджму ат-Таварих. Бишкекский список «Маджму ат-Таварих» в 1968 году. Он хранится в Фонде рукописей при Институте языка и литературы Академии наук (Инвентарный номер 167/277).

Результаты и научная новизна: «Маджму ат-Таварих» является ценным источником по истории Могулистана и Улуса Джучи. Четыре переведенных дастана о жизни Тохтамыша охватывает период с 1379 по 1390-ые годы. В этих дастанах описывается разные события. В одном дастане описывается как история взаимоотношений золотоордынского хана Хаджи-Черкеса, который около 1379 года пытался заключить мир с могулистанским эмиром Камар ад-Дином для борьбы с Тохтамышем. Другой отрывок рассказывает о борьбе Тохтамыша с мятежным ханом Бек-Булатом в первой половине 1390-ых годов в Крыму. Третий отрывок коротко описывает предысторию похода Тохтамыша на владения Тамерлана в 1388 года. В четвертом отрывке уже рассказывается о жизни различных эмиров Тохтамыша и их борьбе против могулистанского эмира Жолая.

Ранее считалось, что главным информатором «Маджму ат-Таварих» в плане сведений об Улусе Джучи был Баба Али из племени Хитай, который служил шейхам суфийского ордена Ишкийа. Но на основе новых данных, вполне можно предположить, что вторым источником по истории Улуса

Джучи для Маджму ат-Таварих является неизвестное сочинение под названием «Тарихи Мугулия» («История Моголии»).

Ключевые слова: Маджму ат-таварих, Манас, Утемиш-Хаджи, Золотая Орда, Токтамыш-хан, Баба Али Хитай, Камар ад-Дин, Кара-ходжа.

Для цитирования: Сабитов Ж.М., Камбарбекова Г.А. Сведения о Тохтамыш-хане из Маджму ат-Таварих. *Тюркологические исследования*. 2018; Т.1, №4: 67–82.

Введение

Биография золотоордынского хана Тохтамыша интересовала многих историков. Помимо многочисленных отдельных научных статей [7], глав монографий [16; 20] можно выделить научные монографии [10; 13] и научно-популярные издания [9], касающиеся исключительно жизни Тохтамыш-хана. При этом стоит отметить, что в политической биографии Тохтамыш-хана есть еще несколько белых пятен, связанных с отсутствием письменных источников, зафиксировавших те или иные факты из жизни Тохтамыш-хана. Также есть еще источники, не введенные в научный оборот и содержащие в себе уникальные сведения о Тохтамыш-хане. Одним из таких источников является Маджму ат-Таварих. Сочинение Маджму ат-Таварих, написанное в Фергане Сейф ад-Дин Ахсикенди и его сыном, является ценным источником по истории Могулистана и кыргызов [18] и отчасти Улуса Джучи [5; 19].

Четырьмя главными письменными источниками для Маджму ат-Таварих являлись следующие сочинения: «Тарихи джахангушай» («История мирозавоевателя»), «Кассасул Амбия» («Сказания о пророках»), «Тарихи Мугулия» («История Моголии»), «Тарихи зубдатул башар» («История о лучших людях») [4, с. 12]. Первое сочинение написано Ала ад-Дином Ата Маликом Джувейни и переведено на современные языки. Второе и четвертое сочинения, скорее всего, представляют собой религиозную литературу, связанную с пророком Мухаммедом и проповедниками ислама в Центральной Азии (в том числе и с шейхами суфийского тариката Ишкийя (ветвь суфийского тариката Накшбандийя)). Третье сочинение («Тарихи Мугулия») не известно и еще не обнаружено. Скорее всего, оно представляет собой историю могулов (подробнее о могулах [21]) и Могулистана. По нашему мнению, именно это сочинение стало основой для сведений Маджму ат-Таварих по истории могулов. Помимо этого стоит отметить устных информаторов Сейф ад-Дина Ахсикенди: известный Баба Али Китай, бывший также информатором Утемыш-хаджи («Чингиз-наме») и анонимные кыргызские информаторы, сообщившие Сейф ад-Дину Ахсикенди уникальные сведения по истории и генеалогии (шежире) кыргызов XIV-XV веков. Баба Али Китай как и Сейф ад-Дин Ахсикенди был мюридом в суфийском тарикате Ишкийя, который базировался в Фергане (Ширкент, Касан). Сеид Джалал ад-Дин, шейх данного тариката, имел хорошие связи как с эмирами Могулистана, так и с Тохтамыш-ханом.

Извлечения из Маджму ат-Таварих уже не раз публиковались [11; 15] и использовались историками [2; 3; 14].

В 1996 году был издан перевод данного сочинения с персидского языка на кыргызский [6]. Но некоторые исследователи критиковали данный перевод из-за отдельных ошибок и полного отсутствия каких-либо научных комментариев к тексту перевода. К примеру, авторы перевода (литературовед Омор Сооронов и религиозный деятель Мамасабыр Досболов), никак не комментируют мнение владельца Бишкекской рукописи Маджму ат-Таварих о том, что Сейф ад-Дин Ахсикенди кыргыз [4, с. 7]. Попытка обозначить Сейф ад-Дина Ахсикенди кыргызом (он родился в городе Акси (Аксы, Аксу) и писал на персидском языке) не научна и не имеет сильных аргументов в свою пользу. В 2017 году Т.А. Акеров перевел с кыргызского на русский язык перевод О. Сооронова и М. Досболова [4]. Данный перевод можно использовать как ориентир, но нужно учитывать, что при двойном переводе (с персидского на кыргызский язык, а потом с кыргызского на русский) может быть допущено некоторое количество ошибок.

Т.А. Акеров в своей монографии в главе «Токтамыш хан и его союзники аз-ширины, кыргызы и др.» также затрагивает вопрос о биографии Токтамыш-хана на основе данных Маджму ат-Таварих [4, с. 164–167].

Методы и материалы

Ниже мы приведем извлечения из данного сочинения касательно золотоордынского хана Токтамыша и комментарии к ним (перевод с персидского языка осуществлен Г.А. Камбарбековой, комментарии написаны Ж.М. Сабитовым).

Перевод осуществлен с Бишкекского списка Маджму ат-Таварих. Бишкекский список «Маджму ат-Таварих» в 1968 году был сдан в Фонд рукописей при Институте языка и литературы Академии наук (Инв. № 167/277) Назарматом Жайлообаевым¹ [4, с. 9].

Результаты

Всего было переведено 4 отрывка из данного сочинения

1. «В этом разделе рассказывается о прибытии Токтамыш хана с реки Адиль и его выступление в сторону Ташкента. Перейдя реку отправился в сторону Дешт-и Кипчака. Сделав несколько дней остановки, дошел до Дешт-и Кипчака и проник туда [на территорию Дешт-и Кипчака]. Весть о Токтамыш хане дошла до Йакуб бека. Вышли Карнас и Манас и отправились в путь. Наконец-то дошли до Токтамыш хана и рассказали все что произошло на самом деле. Токтамыш хан отправил Карнаса к Саид Джалал ад-Дину. Карнас отправился в путь и наконец дошел до Ширкента. Прибыл и встретился с Саид Джалал ад-Дином и отдал ему письмо Токтамыш хана. Хазрети

¹ Маджму ат-Таварих. Список Назармата Жайлообаева // Фонд рукописей при Институте языка и литературы Академии наук (Инвентарный номер 167/277).

Саид отправился в путь из Ширкента и дошел до Токтамыш хана. Токтамыш хан вышел навстречу к Саид Джалал ад-Дину, увидев его спросил о событиях с Жолоем. Сильно обрадовался и отправился в сторону Кырк куля (сорока озер). Через несколько дней пути дошел до Кырк куля. Весть дошла до Жолоя. Жолой оставлял людей по пути. Заставил переселиться калмаков и отправился в сторону Денгиза. Отправились (за ними) калмаки и дошли до Денгиза и спрятались в горах Денгиза¹.

Вслед за ними приследовал Токтамыш хан, дошел до пролива (ущелья) Денгиз. Калмаки стреляли из лука и не пропустили и сильно боролись. Токтамыш хан не смог найти выхода и в конце концов вернулся. Через несколько дней прибыл в сторону Жасте (Могулистан). Тимур ходжа услышав, взял Улмес-Куланов и отправился к Токтамыш хану. Тимур ходжа увидел Хазрат Саид Джалал ад-Дина и спрашивал подробно о его делах и самочувствии. Выразил соболезнование в связи с кончиной Мир Саид Джафара и оплакивал его. Хазрат Саид Джалал ад-Дина вывел из траура и проявил много любезности. Тимур ходжа был младше Мир Саид Джафара. Саид Джалал ад-Дин поручил Тимур ходжу Токтамыш хану, Улмес-Куланов Тимур ходже, а Манаса назначил главнокомандующим. Токтамыш хан построил город в честь Манас и назвал этот город Манасия. Токтамыш хан отправился в сторону Шаша (Ташкент). Через несколько дней дошел до Шаша и вошел. Саид Джалал ад-Дин приехал вместе с ним до Ташкента, получив разрешение отбыл в Ширкент².

2. «В этой главе рассказывается поездка Токтамыш хана к реке Кулзум³. Токтамыш хан отправился из Ташкента к реке Кулзум. Преодолев расстояние, дошел до реки Кулзум и остановился. Народ Ташкента приехали к Токтамыш хану и присоединился (признали его власть). Токтамыш хан отправился к реке Йаик (Жайык). Тридцать две группы людей, которые подчинялись Фулату присоединились к Токтамыш хану и признали его власть полностью (руками и ногами отдались). Затем отправились в Крым. Через несколько дней дошел до Крыма. Эта весть дошла до Жолоя. Жолой собрал калмаков и отправил лазутчика к Манасу⁴.

Лазутчик преодолев несколько дней прибыл в Каракышлак и спрятался в горах. Наблюдал за улусом Манаса и вернулся обратно. Преодолев несколько дней дошел до Жолоя и рассказал о происходящем. Жолой взяв несколько тысяч войска из калмаков, отправился. Кара ходжа ибн Ай ходжа, находившийся в Манасии увидел сон. Во сне ему приснился Ай ходжа и сказал:

¹ Маджму ат-Таварих. Список Назармата Жайлообаева // Фонд рукописей при Институте языка и литературы Академии наук (Инвентарный номер 167/277). Л.63

² Там же. Л.64.

³ Кулзум – 1) Красное море, 2) большая река

⁴ Маджму ат-Таварих. Список Назармата Жайлообаева // Фонд рукописей при Институте языка и литературы Академии наук (Инвентарный номер 167/277). Л.74.

«О, сын, немедленно отправляйся к Манасу пока его не убили». Кара ходжа проснулся и прочитал утренний намаз бамдат. Взяв двенадцатитысячную армию, отправился к Манасу»¹.

3. «В этом разделе рассказывается о прибытии Токтамыш хана к реке Йаик (Жайык)

Токтамыш хан прибыл к реке Кулзум и выступив с реки Кулзум прибыл к реке Йаик (Жайык), прожил там три года. Жолой привез войско калмаков и отправился в Кочкор. Через несколько дней дошел до Кочкора. Бахрам тигзан² не был осведомлен. Прибыли тысяча калмаков и окружили его. Бахрам тигзан вступил в битву, имея 200 человек. Три дня и три ночи продолжалась битва. Бахрам тигзан отправил Шир-Бахрама к своим людям. Шир-Бахрам собрал войско из Чагатайского улуса, отправился в Кочкор. Через несколько дней прибыли прямо к Жолою. До того как Шир-Бахрам прибыл, Бахрам тигзана сделали шахидом (убили). Шир-Бахрам отправился в сторону Токтамыш хана. Через несколько дней дошел до реки Йаик (Жайык). Токтамыш хану рассказал о произошедших событиях. Токтамыш хан отправился в Манасию. Кара ходжа вышел навстречу Токтамыш хану и сопроводил в Манасию³.

Токтамыш хан отдал Кара ходже двадцатидвухтысячное войско. До прихода Кара ходжи Жолой добрался до Манаса. Манас узнав об этом отправил гонца к Куланам. Взяв войско Кулан (Кипчакский подрод) и Бахрин (племя Барын, также относившееся к наследственным элям Тохтамышша) приказал преградить путь Жолою. Наступила ночь. Манас с войском из трехсот человек вступил в бой и бился до утра. Погибло много людей. После того как наступил рассвет, увидели, что калмаки убивали друг друга. Манас отправился к озеру Каракышлак и дошел до него. Жолой на коне сильно сражался с народом Манаса. Из мусульман несколько человек стало шахидами. Несколько ранений получил Манас и обессилевший стоял на ногах. Пришел Жолой и вышел с Манасом на поединок. Бросили друг в друга копья. Манас оказался в затруднительном положении и он молился Всевышнему прося о помощи, вспоминая Ай ходжу. Стоял и Кара ходжа ибн Ай ходжа. Зарычав словно конь, придал он сил Манасу. Прибавились силы у Манаса и он бросил копье в Жолоя. Жолой упал с коня и вслед за этим [Манас] набросился с саблей. Однако, калмаки столпились вокруг Жолоя, подняли его и ушли. После рассвета бой продолжился. Манас перед Кара ходжой ибн Ай ходжа извинился и просил прощения, [после чего] отправился за Жолоем⁴.

¹ Там же. Л.75

² Тигзан переводиться с персидского языка как фехтовальщик, второе значение – наглый человек

³ Маджму ат-Таварих. Список Назармата Жайлообаева // Фонд рукописей при Институте языка и литературы Академии наук (Инвентарный номер 167/277). Л.77.

⁴ Там же. Л.78

Несколько людей на конях со стороны Жолая бросились на Манаса. Манас также выступил на коне против них и поразил мечом нескольких воинов, отправив их в ад. Несколько калмаков сбежали и присоединились к Жолою. Обе стороны отступили. На рассвете опять пришли на поле боя и встали в один ряд. С обеих сторон вышли батыры к полю боя и как раньше продолжалась битва. Затем, Кара ходжа посоветовал Манасу подключить к атаке всадников против войска Жолая. Жестоко сражались и одержали победу. Из мусульман пять тысяч стало шахидами. Жолой бросился в бегство. Кара ходжа отправился вслед за Жолоем и преследовал его (целый) день. Многих калмаков убили и нескольких взяли в плен. Кара ходжа вернулся в Кара кышлак. Отдал несколько человек Манасу, чтобы те сопровождали его. Все трофеи, что были у Манаса, он отдал Кара ходже и получил от Кара ходжа ибн Ай ходжа благословение и проводил Кара ходжу. Кара ходжа с Кара кыстака отправился в Манасию. Через несколько дней дошел до Манасии. Токтамыш хан вышел навстречу к нему. Распросив о случаях связанной с Жолоем сопроводил [его] в Манасию¹.

4. «В этом разделе рассказывается о том, как Токтамыш хан поехал в сторону Жасте и Черкес.

В один день, когда Камар ад-Дин жил в Кырыккуле (возле сорока озер) со стороны Черкеса прибыл посол и передал письмо Черкеса Камар ад-Дину. Камар ад-Дин прочитал письмо и понял что Черкес писал, что²: «Токтамыш хан убил Марала, который был вместо Жолая. Ты, сын Жолая не постыдился принял веру Токтамыш хана. Столицу Жолая захватили Кипчаки Каркары, Карнас и Манас. Кара ходжу назначили главой, а Жолая убили. Семь тысяч калмаков, которые были у Жолая все разбежались. Двадцать тысяч воинов были у Жете (моголов), тридцать тысяч у тебя, сто тысяч у меня. Помоги, сначала взять Кара ходжу, после возьмем Кипчаков Каркары, Карнаса и Манаса. После этого, поедем на моголов и возьмем Анга-торе и Токтамыш хана. Убьем сорок тысяч моголов и отомстим за Жолая». Прочитав это Камар ад-Дин отправил письмо к Черкесу. Кроме этого, эту весть изложил в письме и отправил ее к Токтамыш хану. Посол Камар ад-Дина пройдя несколько дней дошел до Денгиза. Проехав через Денгиз прибыл к Черкесу и вручил письмо Камар ад-Дина. Прочитав письмо, понял, что Камар ад-Дин пишет следующее: «Эй Черкес, я из страха стал мусульманином. Сначала ты возьми на себя Кара ходжу и Манаса, взяв Кипчаков Каркары и северный Жасте (северный Могулистан) также захватишь в плен народ Манаса. Я поеду в сторону моголов выступлю против Анга-торе. Если, я поеду в твою сторону³. не дай бог Токтамыш хан узнает об этом и уничтожит мой народ». Черкес

¹ Там же. Л.79.

² Там же. Л.100.

³ Там же. Л.101.

согласился с ним и отправил посла Камар ад-Дину. Человек приехал к Камар ад-Дину и передал письмо Черкеса. Камар ад-Дин прочитав письмо отправил человека к Токтамыш хану. Как только письмо Камар ад-Дина дошел до Токтамыш хана, прочитав отправил своего человека к Мавлоне А'зам Саид Мир Джалилу. Это письмо дошло до Мавлоне А'зама и он прочитал, где Токтамыш хан сообщил о том, как Черкес прошел через Денгиз и отправился прямо к Кара ходже. Чтобы там ни было отправили письмо к Анга-торе, чтобы он отправил войско из моголов к ним. Как бы Камар ад-Дин обманув не присоединился к Черкесу и дело не вышло из рук. Мавлона А'зам отправил человека к Анга-торе и конце концов его человек дошел до Анга-торе и передал его письмо. Анга-торе прочитав письмо и из моголов отдал тридцатитысячное войско. Выступив из Атбашы отправился в сторону Кара ходжи. Эта весть дошла до Токтамыш хана. Токтамыш хан выступив из Ташкента прибыл в Манасию. Через некоторое время дошел до Манасии. Войско моголов увидев Токтамыш хана, договорились (пришло к соглашению). Токтамыш хан выступив из Манасии отправился в сторону Черкеса. Через несколько дней дошел до места Камар ад-Дина. Камар ад-Дин встретил с почтением и два дня угощал¹.

Через два дня отправились в путь. По дороге встретились с Черкесом. На месте началось сражение. Целый день противостояли друг другу. Черкес сбежал, сын Черкеса попал в плен. Черкес ушел к горе Тенгиз. Черкес отправил к Токтамыш хану человека. Черкес отдал Джете (Могулистан) Токтамыш хану и вернул [себе] сына. Договорился, перешел Тенгиз и ушел. Токтамыш хан отдал Джасте (Джете?) Кара ходже. Взял свое войско, отправился в сторону Адиль (Итиль). Кара ходжа отправил Кукимурзу к Мавлоне А'заму. Через несколько дней пути, дошел до Ширкента и передал письмо Кара ходжи. Кара ходжа в письме говорил: «Изначально судьба была предначертано таким образом. Токтамыш хан оставил меня в горе Тенгиз, сам уехал в Адиль. Чтобы ни было, будьте в известности о моем положении». Кукимурза отдал [себя в] руки Мавлоне А'заму и стал жить в Ширкенте².

Обсуждение и заключения

К каждому из четырех переведенных отрывков нами написаны научные комментарии:

Первый отрывок:

1.1. Выступление Тохтамыша в сторону Ташкента, видимо можно связать с походом Тохтамыша на владения Тамерлана в 1388 г.

1.2. Жолой в Маджму ат-Таварих назван отцом Камар ад-Дина из рода Дуглат (один из главных могулистанских эмиров), хотя судя по современным, он мог быть скорее сыном Камар ад-Дина, чем его отцом. Не исключен вариант, что Жолой это «языческое имя» Камар ад-Дина дуглата.

¹ Там же. Л.102.

² Там же. Л.103.

1.3. Упомянутый Денгиз – это Балхаш, который могулы также называли Кукча-Тенгиз (Синее море)

1.4. Под термином калмак не стоит подразумевать ойратов. Изначально данный термин касался кочевников, не принявших ислам («оставшихся в вере предков»).

1.5. Мир Саид Джафар был Ширкентским шейхом, главой суфийского тариката Ишкийя и отцом Сеида Джалал ад-Дина. Данный рассказ говорит о том, что Джалал ад-Дин недавно после смерти отца стал руководить своим тарикатом. Также приезд Сеида Джалал ад-Дина преследовал также другую цель: Тохтамыш фактически встречался с знатным человеком, проживавшим на территории государства Тамерлана. Джалал ад-Дин смог проинформировать Тохтамыша о делах в улусе Тамерлана.

1.6. Тимур-ходжа в Маджму ат-Таварих назван братом Сеид Джалал ад-Дина, но скорее всего, тут имеется ввиду не биологическое родство. Он был учеником его отца Мир Саида Джафара и выражал скорбь по поводу смерти учителя. Как мы писали ранее, по нашему мнению Тимур-ходжа (он же Ай-ходжа), отец Кара-ходжи из Маджму ат-Таварих идентичен Даир-ходже (он же Акжол), отцу Кара-ходжи из рода Аргун, из казахских шежире [5].

1.7. Йакуб-бек и Карнас являются братьями и происходят из рода Кипчак. Манас является сыном Йакуб-бека. Они относятся к каркаринским Кипчакам. По некоторым предположениям, каркаринские Кипчаки – это Кипчаки, проживающие в районе Каркаралы (современная Карагандинская область Казахстана, севернее Балхаша). В Маджму ат-Таварих, представлена первые сведения о Манасе, часть сведений совпадает с позже записанными версиями кыргызского эпоса Манас. Карнас, дядя Манаса, выступает посланником Тохтамыша к суфийскому шейху Сеиду Джалал ад-Дину, лидеру суфийского тариката Ишкийя (ветвь суфийского тариката Накшбандийя). Интересным является факт того, что Тохтамыш построил город Манассию для Манаса. Скорее всего, Манас фактически являлся вассалом Тохтамыша и его владения находились на границе владений Улуса Джучи и Могулистана.

1.7. Улмес и Кулан, согласно более поздним источникам, – это два Кипчакских подрода, чьи потомки в XIX–XX веках относились к узбекским Кипчакам Ферганы [1, с. 44].

1.8. Жасте это один из вариантов написания термина Джете (Жете), внешнего названия (экзоэтноним) могулов со стороны Чагатаев.

Второй отрывок:

2.1. В Маджму ат-Таварих упоминается другой Фулат, ставленник Едиге, правивший в начале XV века. По нашему мнению, в этом отрывке идет речь о другом Фулате: Фулат здесь известный хан Бекбулат, который в конце 1380-ых годах служил Тохтамышу [8; 12; 22]. В 1391 году Бекбулат восстал против Тохтамыша, укрепившись на западе Улуса Джучи. Бекбулат чеканил свои монеты в Крыму в 794 году хиджры. Поход Тохтамыша на

Крым из Маджму ат-Таварих нами отождествляется с походом Тохтамыша против Бекбулата, который обосновался в Крыму.

2.2. Кара-ходжа из рода Аргун, эмир Тохтамыш-хана отмечается как «находящийся в Манасии», то есть фактически можно говорить о том, что главной функцией Кара-ходжи были охрана границ с Могулистаном и поддержка Манаса. Как мы знаем, 4 рода были родами, который получил Тохтамыш по наследству: Ширин, Барын, Аргун, Кипчак. Как видно, из Маджму ат-Таварих, Аргуны и Кипчаки отмечаются на востоке Улуса Джучи. Фактически Тохтамыш поручил данным родам следить за границей с Могулистаном. Лидерами этих племен являются Кара-ходжа и Манас. Также стоит отметить, что из Бахр ал Асрар известно, что племя Барын также граничило с кыргызами, которые относились к могулистанским племенам.

Третий отрывок:

3.1. Как известно из Маджму ат-Таварих, Шир-Бахрам, сын Тигзана, а тот в свою очередь сын Эмил-хана, сына Дада-хана [4, с. 64] (Дува-хан, согласно прочтению В.А. Ромодина [4, с. 14]). Таким образом, Бахрам Тызган был родным братом Туглук-Тимура, основателя Могулистана и дядей Хизр-ходжа-хана. Шир-Бахрам после убийства отца, бежит к Тохтамышу, что говорит о союзнических отношениях Тохтамыша и правителей Могулистана.

3.2. Как известно из Маджму ат-Таварих, Шир-Бахрам был мюридом в суфийском тарикате Ишкийя, он один раз выступал в качестве посланника шейха данного тариката к Тохтамышу.

3.3. Здесь стоит отметить, что не исключено то, что использование термина калмак во многом является идеологически мотивированным. Вполне возможно «калмаки», с которыми воевал Манас, считали себя мусульманами, но автор рукописи их таковыми не считал.

Четвертый отрывок:

4.1. Камар ад-Дин из рода Дуглат, влиятельный могулистанский эмир, который в 1366 году сверг хана и узурпировал власть. В 1375–1390 годах вел войны с Тамерланом. После 1390 года он не упоминается в источниках. Учитывая, что после 1390-ого года он исчезает со страниц хроник, мы можем предположить, что данный рассказ относится к периоду до 1390 года.

4.2. Упоминаемый здесь Тенгиз (не Денгиз, который мы отождествляем с Балхашем), скорее всего Каспийское море (Тенгиз переводится как море)

4.3. Куки-мурза – сын сыгнакского хана Кара-Нога. По предположению Р.Ю. Ревы и А.О. Брагина [17], именно его монеты чеканились в Сыгнаке в первой половине 1380-ых годов. Куки-мурза также являлся мюридом в суфийском тарикате Ишкийя.

4.4. Черкес, враг Тохтамыша, вполне может быть отождествлен с Хаджи-Черкесом, правителем Хаджи-Тархана, в смутное время. По нашему мнению, данный Хаджи-Черкес был сыном шибанида Хызыра.

4.5. Анга-торе – могулистанский эмир из племени арканут (возможно, из средневековых арканутов происходит современное кыргызское племя оргу), живший в эпоху Камар ад-Дина и Тамерлана. В его улус входили кыргызы Адигине, Тагай и другие, которые согласно кыргызским санжыра (устные генеалогии) являются предками основных кыргызских родов.

Таким образом, мы можем видеть, что все четыре отрывка говорят о разных периодах жизни Тохтамыша. Эпизод с «Фуладом» (Бек-Булатом) случился в первой половине 1390-ых годов. Эпизод с Черкесом (Хаджи-Черкес) можно датировать 1379–1380 годами (после смерти Тимур-Малика и до смерти Мамайя). Фактически Хаджи-Черкес, согласно данному источнику был ханом вплоть до нашествия войск Тохтамыша. Эпизод с походом на Ташкент можно датировать 1388 годом, когда Тохтамыш действительно совершил набег на владения Тамерлана. Противостояние с могулистанским эмиром Жолоем (предположительно сын Камар ад-Дина) произошло после того как Тохтамыш подавил восстание Бек-Булата в Крыму. Видимо оно произошло ранее второго вторжения Тамерлана в улус Джучи в 1395 году.

Также теперь становится понятным, почему Кара-ходжа Аргун, который в тюркских героических эпосах (к примеру, Едиге) везде называется близким эмиром Тохтамыша, очень мало упомянут в письменных источниках, описывавших эмиров Тохтамыша. Фактически в письменных источниках (помимо Маджму ат-Таварих) Кара-ходжа упоминается в одном из Тимуридских источников в 1405 году (он посол Тохтамыша к Тамерлану), а также Кара-ходжа упоминается в Джамии ат-Таварих у Кадыргали Жалаири. Переведенные отрывки из Маджму ат-Таварих, показывают нам, что три племени из «4 наследственных элей Тохтамыша» (Аргун, Барын, Кипчак (четыре подрода: Каркара, Жети-Кашка, Ульмес и Кулан)) жили на востоке улуса Джучи и граничили с Могулистаном и могулистанскими племенами. Скорее всего, Кара-ходжа из рода Аргун и Якуб-бек, Карнас, Манас из рода Кипчак отвечали за стабильность восточных рубежей Улуса Джучи.

Основные выводы исследования:

Переведенные четыре отрывка из уникального средневекового источника Маджму ат-Таварих, позволяют по-новому взглянуть на двухсторонние отношения Тохтамыша и могулистанских правителей. Также Маджму ат-Таварих содержит в себе много исторических деталей касательно истории Улуса Джучи (Золотой орды).

В данном источнике очень хорошо описаны взаимоотношения Тохтамыша с такими золотоордынскими ханами как Бек-Булат и Хаджи-Черкес. Также отображены взаимоотношения Тохтамыша с такими могулистанскими эмирами как Анга-торе, Камар ад-Дин, Жолой. Интересной является информация о суфийском тарикате Ишкийя, который, хоть и базировался в Фергане (территория, подчиненная Тамерлану), но имел очень хорошие отношения с политической элитой как Улуса Джучи (Золотой орды), так и с политической

элитой Могулистана. Более того, шейхи данного тариката не раз снабжали ханов и эмиров двух государств ценной информацией о текущей ситуации на территории империи Тамерлана. В дальнейшем при полном переводе (с привлечением всех копий) данного сочинения с персидского на русский язык, мы можем узнать много новой информации по средневековой истории как кыргызов и могулов, так и улуса Джучи.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю благодарность Табылды Абдрахмановичу Акерову за помощь в получении электронной версии Бишкекского списка Маджму ат-Таварих.

Список литературы

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград. Наука. 1971. 404 с.
2. Акеров Т.А. Версия эпоса Манас в книге Маджму ат-Таварих С. Ахсикенди как исторический источник по истории Кыргызского народа // Мир Евразии. Горно-Алтайск. № 1 (32). 2016. С. 2–12.
3. Акеров Т.А. Золотая Орда в легендарном сочинении «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди // Золотоордынская цивилизация. Казань. № 9. 2016. С. 158–161.
4. Акеров Т.А. Маджму ат-Таварих как исторический источник (Полный перевод, анализ и комментарии). Бишкек. 2017. 348 с.
5. Акеров Т.А. Сабитов Ж.М. Военно-Политическая деятельность золотоордынского Пулат-хана на Востоке Улуса Джучи по данным Маджму ат-Таварих. История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган, 2017. С. 21–25.
6. Ахсикенди Сайф ад-Дин Тарыхтардын Жыйнагы (Мажму атут таварих). Под редакцией М.Досболлова и О.Сооронова // Акыл. Бишкек. 1996. 126 с.
7. Громенко С.В. Тимур, Токтамыш и Идегей в Крыму: историографическая традиция и историческая реальность // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 43–53.
8. Зайончковский Ю.В. Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 534–551.
9. Злыгостев В.А. Тохтамыш. Уфа. Дизайн-Пресс. 2012. 471 с.
10. Ибяттов Ф.М. Тохтамыш и Тимур. Казань. 2003. 400 с.
11. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Выпуск I. (под редакцией Ромодина В.А.). Изд-во: Наука. 1973. 283 с.
12. Миргалеев И.М. Бек Булат: из полководца в мятежники // XIII фаизхановские чтения. «Наследие Золотой Орды в государственности и

культурных традициях народов Евразии». Материалы международной научно-практической конференции. М.: ООО "Медина", 2017. С. 339–345.

13. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана. Казань. Алма-Лит. 2003. 164 с.

14. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их отношений с ойратами. Фрунзе. 1961. 213 с.

15. Плоских С.В. Памятники письменности Кыргызстана в рукописном фонде Национальной Академии Наук. Письменные памятники Востока. СПб: Институт восточных рукописей РАН. № 2. 2009. С. 192–203.

16. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.

17. Рева Р.Ю., Брагин А.О. К вопросу об эмитенте монет 783 г.х., чеканенных в сыгнакском регионе на монетном дворе Сарай Джедид. Девятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция (Тезисы докладов и сообщений) Великий Новгород. 18-22 апреля 2017 года. 2017. Москва. С. 78–81.

18. Сабитов Ж.М. Акерев Т.А. Сведения «Маджму ат-Таварих» об истории кыргызов // Global Turk. № 3/4. 2017. С. 65–73.

19. Сабитов Ж.М. «Маджму ат-Таварих» как источник по истории Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 577–590. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.577-590

20. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 278 с.

21. Султанов Т.И. К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатай // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 74-92.

22. Mirgaleev I.M. Bek Bulat: From a Military Commander to a Rebel // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, №.4. pp. 784–789. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.784-789.

Сведения об авторах: Сабитов Жаксылык Муратович, Кафедра регионоведения. Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева. 010008 Сатпаева 2, Астана. Казахстан. Доцент. PhD (Политические науки). ResearcherID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7576-2014>. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7186-156X>, babasan@yandex.ru

Камбарбекова Галия Амзеевна, кафедра Ближнего востока и Южной Азии, КазНУ имени Аль-Фараби, 050038, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, старший преподаватель, PhD (иранист-востоковед), kazalem@mail.ru

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

INFORMATION ABOUT TOKTAMYSH KHAN FROM MAJMU AL-TAVARIH

Zh. Sabitov

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Kazakhstan

babasan@yandex.ru

G. Kambarbekova

Al-Farabi Kazakh National University

Almaty, Kazakhstan

kazalem@mail.ru

Abstract. Research objective: The first target of this article is to translate from the medieval Persian language some extracts from the medieval historical source Majmu al-Tawarikh. All these extracts describe the political biography of Tokhtamysh Khan. The second target of this article is to analyze the translated texts about Tokhtamysh Khan.

Research materials: We have translated some extracts from this source about the political activities of Tokhtamysh Khan. The translation was made from the Bishkek List («third list») of Majmu al-Tawarikh. Bishkek's list of "Majmu al-Tawarikh" was found in 1968. Now this list is kept in the Manuscript Fund of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences (Inventory number 167/277).

Results and scientific novelty: "Majmu al-Tawarikh" is a valuable source for the history of Moghulistan and Ulus Juchi. The four translated dastans about the life of Tokhtamysh cover the period from 1379 to 1390s. In these dastans various events are described. There are the history of the relationship of the Golden Horde Khan Haji-Cherkes and Moghulian emir Kamar ud-din in first dastan. In 1379 Haji-Cherkes tried to make agreement with Kamar ud-din against Tokhtamysh-khan. Another dastan tells of the struggle of Tokhtamysh with the rebellious khan Bek-Bulat in the 1390s in the Crimea. The third dastan briefly describes the prehistory of Tokhtamysh's campaign against Tamerlane's possessions in 1388. The fourth dastan already tells about the life of various emirs of Tokhtamysh and their struggle against the Moghulian emir Zhology.

Earlier it was believed that the main informant of "Majmu al-Tawarikh" about Ulus Juchi was Baba Ali from the tribe of Khitai. He served to the sheikhs of the Sufi order Ishkiya. But on the basis of new data, it is quite possible to assume that the second source on the history of Ulus Juchi for Majmu at-Tavarikh is an unknown manuscript titled as "Tarihi Mugulia" ("History of Moghulia").

Keywords: Majmu al-Tawarikh, Manas, Utemish Hajji, the Golden Horde, Tokhtamysh, Baba Ali Khitai, Kamar ud-din, Kara-khoja.

For citation: Sabitov Zh.M. Kambarbekova G.A. Information about Tokhtamysh-khan from Majmu al-Tawarikh. *Tyurkologicheskie issledovaniya* =*Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 4: 67–82. (In Russ.)

References

1. Abramzon S.M. Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kirghiz and their ethnogenetic and historical-cultural ties]. Leningrad. Nauka. 1971. 404 p. (In Russian)

2. Akerov T.A. Versiya eposa Manas v knige Madzhmu at-Tavarikh S. Akhsikendi kak istoricheskiy istochnik po istorii Kyrgyzskogo naroda [Version of the epic Manas in «Majmu al-Tawarikh» by S. Akhsikendi as a historical source on the history of the Kyrgyz people]. *Mir Evrazii* [World of Eurasia]. Gorno-Altaysk. no. 1 (32). 2016. pp. 2–12. (in Russian)

3. Akerov T.A. Zolotaya Orda v legendarnom sochinenii «Madzhmu at-Tavarikh» S. Akhsikendi [The Golden Horde in the Legendary Work «Majmu at-Tawarikh» by S. Akhsikendi]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [The Golden Horde Civilization: Collected articles], 2016, no. 9, pp. 158–161. (in Russian)

4. Akerov T.A. Madzhmu at-Tavarikh kak istoricheskiy istochnik (Polnyy perevod, analiz i kommentarii). [Majmu al-Tawarikh as a historical source (Full translation, analysis and commentary)] Bishkek. 2017. 348 p. (In Russian)

5. Akerov T.A. Sabitov Zh.M. Voenno-Politicheskaya deyatelnost' zolotoordynskogo Pulat-khana na Vostoke Ulusa Dzhuchi po dannym Madzhmu at-Tavarikh [Military and Political Activity of the Golden Horde Pulat Khan in the East of the Ulus Juchi according to Majmu at-Tavarikh]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii*. [History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the III All-Russian (with international participation) scientific conference]. Kurgan, 2017. pp. 21-25. (In Russian)

6. Akhsikendi Sajf al-Din. «Taryhtardyn zhyjnagy» (Madzhmu atut tavorih). «Akyl», (pod red. M. Dosbolova, O. Soroonova). Bishkek, 1996. 126 p. (in Kyrgyz)

7. Gromenko S.V. Timur, Tokhtamysh i Idegey v Krymu: istoriograficheskaya traditsiya i istoricheskaya real'nost' [Timur, Tokhtamysh and Idegay in the Crimea: historiographical tradition and historical reality] *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015. № 3. С. 43–53. (In Russian)

8. Zayonchkovskiy Yu.V. Reign of Jochid Khan Beg Pulad according to Written and Numismatic Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 534–551. (In Russian)

9. Zlygostev V.A. Tokhtamysh. Ufa. Dizayn-Press. 2012. 471 p. (In Russian)

10. Ibyatov F.M. Tokhtamysh i Timur [Tokhtamysh and Timur] Kazan'. 2003. 400 p. (In Russian)
11. Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan] (pod red. V. A. Romodina). Moscow, 1973. Is.1. 283 p. (in Russian)
12. Mirgaleev I.M. Bek Bulat: iz polkovodtsa v myatezhniki [Bek Bulat: from the commander to the rebels] XIII faizkhanovskie chteniya. «Nasledie Zolotoy Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii». Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. [XIII Faizkhanov's readings. "Heritage of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia". Materials of the international scientific-practical conference]. M.: OOO "Medina", 2017. pp. 339-345. (In Russian)
13. Mirgaleev I.M. Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Tokhtamysh-khana. [The political history of the Golden Horde in the period of rule of Tokhtamysh Khan]. Kazan: Alma-Lit Publ., 2003. 164 p. (in Russian)
14. Petrov K.I. K istorii dvizheniya kirgizov na Tyan'-Shan' i ikh otnosheniy s oyratami. [On the history of the movement of Kyrgyz people in the Tien Shan, and their relationship with Oirats]. Frunze. 1961. 213 p. (in Russian)
15. Ploskikh S.V. Pamyatniki pis'mennosti Kyrgyzstana v rukopisnom fonde Natsional'noy Akademii Nauk [Written monuments of Kyrgyzstan in the manuscript collection of the National Academy of Sciences]. Pis'mennyye pamyatniki Vostoka. [Written Monuments of the East]. St. Petersburg, Institute of Oriental Manuscripts Publ., no. 2. 2009. pp. 192-203. (in Russian)
16. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [The kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evrasia Publ. 2010. 408 p. (In Russian)
17. Reva R.Yu., Bragin A.O. K voprosu ob emitente monet 783 g.kh., chekanennykh v sygnakskom regione na monetnom dvore Saray Dzhedid [On issue of the coins of 783, minted in the Sygnak region at mint Saray Jadeed] Devyatnadsataya vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Tezisy dokladov i soobshcheniy) [Nineteenth All-Russian Numismatic Conference (Abstracts and reports)] Velikiy Novgorod. 18–22 aprelya 2017 goda. 2017. Moskva. pp. 78–81. (In Russian)
18. Sabitov Zh.M. Akerov T.A. Svedeniya «Madzhmu at-Tavarikh» ob istorii kyrgyzov. [Information of "Majmu al-Tawarikh" about the history of Kyrgyzes]. *Global Turk.* № 3/4. 2017. pp. 65–73. (In Russian)
19. Sabitov Zh.M. The “Majmu al-tawarikh” as a Source on the History of the Jochid Ulus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review.* 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 577–590. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.577-590.
20. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [Disintegration of the Golden Horde]. Saransk, 1960. 278 p. (In Russian)

21. Sultanov T.I. Historiography of the Ethnic and Political History of the Jochid and Chaghataid Uluses. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 74–92. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74–92.

22. Mirgaleev I.M. Bek Bulat: From a Military Commander to a Rebel. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no.4. pp. 784–789. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.784-789

About the authors: Zhaxylyk Sabitov. Regional Studies Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 010008, Satpaev st., 2, Astana, Kazakhstan; Associate Professor, Ph.D. (Political science). ResearcherID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7576-2014>. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7186-156X>, babasan@yandex.ru

Galiya Kambarbekova, Department of Middle East and South Asia, Al-Farabi Kazakh National University, 050038, Al-Farabi av. 71, Almaty, Kazakhstan, PhD (Iranian Studies), Senior lecturer, kazalem@mail.ru

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.

**ТАТАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР
В ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ОБЩЕСТВАХ:
ВЕРА В СУЩЕСТВОВАНИЕ «ДОМОВОГО»**

Л.Ш. Шафигуллина

О.В. Шемшуренко

Казанский федеральный университет

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

lilyashamilovna@mail.ru

oksanashemshurenko@gmail.com

Резюме. В представленном исследовании анализируются понятие «дух» и верования турок в «домового». Целью исследования является проведение сравнительного анализа верования турок в «домового» с татарскими верованиями в плане значения и восприятия с целью выявления сходств и различий. Для опытного подтверждения результатов исследования были использованы следующие методы: наблюдения, сравнительного анализа, интерпретационный метод. Применение указанных методов позволило нам прийти к следующим результатам: турецкие верования не столь богаты и разнообразны как татарские; отмечены общие черты верований в «домового» у татар и турок, что, скорее всего, говорит о влиянии общих корней и системы тюркских древних верований. Научная новизна нашего исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка исследования в этой сфере, что значительно облегчит сравнения суеверий, связанных с верой в «домового» в двух культурах, и поможет более точно и лучше раскрыть схожие и отличительные черты этих верований. Перспективы дальнейших исследований в данной области весьма привлекательны, так как данная сфера малоизучена особенно в Турции.

Ключевые слова: татарский фольклор, турецкий фольклор, суеверия, домовый, верования.

Для цитирования: Шафигуллина Л.Ш., Шемшуренко О.В. Татарский национальный фольклор в других тюркских обществах: вера в существование «домового». *Тюркологические исследования*. 2018; Т.1, №4: 83–88.

Среди элементов, воплощающий татарский мир суеверии, который относится к уже укоренившемуся и богатому миру верования. Верования в «хозяина, оберегающего духа», и связанные с этим различные объяснения в работе занимают особое место.

Также как и в других тюркских обществах, в татарском фольклоре домовые, оберегающие дом и его жильцов, которым он приносил счастье и благоденствие, сыграл важную роль, сохранил свой образ до сегодняшних дней и продолжил свое существование, не потеряв своей значимости.

В данной работе после того, как мы немного остановимся на понятии «дух» и его непосредственной деятельности, будут даны сведения о верованиях в «домового», и прослежено то, каким образом они получили свое отражение у татар и турков. Верованья турок в «домового» будут сравниваться с татарскими верованиями в плане значения, формы восприятия, функции. Потом мы немного остановимся на отличительных и схожих чертах¹.

«Понятие «дух» со стороны некоторых ученых неправильно характеризуется как «творец» или «Бог». Но по значению это слово соответствует лишь понятиям «хозяин, оберегающий дух». Эти священные духи не имеют возможности восприниматься как «Божества» или быть связаны с Богом. Но они представляют добро и связаны с каким-то божеством, которое определяет добро, также как и другие злые духи (плохие, которые приносят вред), которые связаны с другим божеством, представляющий зло. Но они в отличие от злых духов не причиняют вред человеку, а наоборот исполняют обязанности защитников и помощников.

Существовало поверье, что домовые, которые живут в разнообразных местах (дом, лес, тайга, вода, и др.) защищают от несчастий, бед, что они являются помощниками и спутниками человека. Также существовало поверье в то, что плохие духи (джины, дивы и др.) приносили вред человеку, природе, животным и крову. По этой причине, неправильной является классификация домовых как сторонников и доброго и злого, то есть нельзя включать в понятие домовой плохих духов.

Домовой, который характеризуется как «охранник или защитник дома» и который проводит большую часть своей жизни в доме, для людей воспринимается как «дым из печи», то есть продолжение жизни. Домовых называли по-разному: «домовой тайги» или «домовой воды». В среде татар также давались имена домовым: «домовой скотного двора» или «домовой кладовой». Кроме того, необходимо отметить, что среди татар встречаются также земные и имущественные домовые. Согласно татарским суевериям домовой – доброе, с длинными волосами существо, которое живет в домах, которое любит жить в погребке, из которого выходит лишь поздно ночью. Если он любит свой дом, то во время своей работы показывается в образе пожилой женщины.

Домовой защищает дом от предстоящих несчастий и бед, знает о приближающейся в дом беде. Если в дом придет несчастье, он не будет спать

¹ Так как этот материал не помещается в рамки ознакомительного текста, то сейчас мы остановимся лишь на турецких соответствиях, что касается других тюркских обществ, то наши исследования переносятся в более объемные работы.

ночами, если в доме будет пожар, то он будет гонять из одного места в другое, если пожар случится ночью, то он постарается разбудить тех, кто спит, создавая шум. Согласно поверьям татар, необходимо хорошо смотреть, угождать, и при каждом удобном случае делать приятное домовому. Это обеспечит вас тем, что он всегда будет добр по отношению к вам. Для того чтобы угодить «домовому» необходимо было давать ему «воскресную милостыню». Согласно суевию, рассердить «домового» или же обидеть, или же сделать то, что ему не понравится – это означает стать подверженным самым различными болезням и недугам. Это недовольство не только повлияет на домашних, но и может стать причиной гибели животных, находящихся в загоне. «Домовому» совсем не понравится, если в подвал (погреб) будет сливаться грязная вода, и тот, человек, который сливал грязную воду или «мочился» будет награжден опухолью. Для того, что снова угодить и поправиться «домовому» необходимо сварить кашу.

Если одни из жильцов, который очень долго жил в этом доме, собирается его покинуть, или же собирается переезжать, то ему необходимо попрощаться с «домовым» обязательно для того, чтобы ему угодить. Молодой человек, который покидает отцовский очаг, ночью должен спуститься в погреб с куском хлеба из дома, зажечь 3 свечи и попросить у «домового» спокойствия, счастья и благоденствия в новом доме. Молодой человек, взяв горсть земли из подвала (погреба) потом рассеет ее в своем новом погребе (подвале). Молодой человек, идя из старого дома в новый, не должен встретить на своем пути ни одной живой души [1, с. 27].

У кряшен встречается описание того, как происходит перенос старого «домового» в новый дом.

Верования в существование «домового», конечно не в столь распространенной форме, но все же встречается у турок. В Турции верят в существование определенных существ, которые не видимы для жильцов дома, но все же заявляют о себе очень настойчиво любыми способами. Эти существа не относятся к категории тех, которые причиняют вред, или пугают, их называют «хозяевами или же духами, пери» [2, с. 67].

Для того чтобы понравиться «хозяину дома» необходимо было просто не сердить его и не объяснять его работу другим. «Хозяева дома» очень часто хотят, чтобы им подавали «шербет». Те, которые знают их предпочтения, оставляют в уголке кухни небольшой кусочек шербета. Также существовало поверье в то, что домовые могли быть в облике змеи. Если в доме появлялась змея, то нельзя было ее убивать.

Как видно из объяснений С.М. Шпилевского «домовой», у турков появлялся в облике змеи (чаще белой змеи) [3, с. 86]. Согласно поверью из района Карс, змея, которая выступает в роли хранителя домашнего очага и защитницы дома, всегда живет в определенном месте дома и никогда не вредит жильцам.

Домашние, зная о существовании змеи, ее не трогают и не причиняют ей никакого вреда. Также такое же поверье о существовании змеи в образе «домового», который невидим для всех, встречается на территории деревни Обрук, которая относится к району Коньи и Каратаю. В этом районе, змея, которая вышла из самого дома, не убивалась. В случае если ее все же убивали, то это приносило несчастье этому дому и его жильцам. Так же верили в то, что в образе «домового» в доме жила черная змея, которая своим присутствием не подпускала других змей к дому.

В среде турок существовало такое поверье, что когда приходишь с улицы, необходимо было правой ногой сделать шаг, чтобы войти через порог, и сразу же сказать «здравствуйте». То, что он поздоровался, связано с поверьем, о том, что это предназначается «домовому».

Согласно тем данным, которые были рассмотрены о суевериях, связанных с домовым, приходится сделать вывод о том, что турецкие верования не столь богаты и разнообразны как татарские. «Домовой» у турков проявляет себя в образе «змеи», а у татар – в образе старой женщины. В свете изученных примеров также можно отметить общие черты верований в «домового». Здесь можно отметить влияние общих корней и системы тюркских древних верований. Среди турецких ученых очень мало объяснений, связанных с «домовым», здесь, скорее всего, сказывается несильная личная заинтересованность в области этой темы. В этой области турецкие исследователи очень многое могут почерпнуть из уст татарских фольклористов. Исследования в Турции в этой сфере облегчит сравнения этого суеверия, и поможет более точно и лучше раскрыть схожие и отличительные черты этих верований.

Список литературы

1. Гилязетдинов С.М. Татарские мифы. Казань. 2000. 354 с.
2. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи / Собраны В.В. Радловым. СПб. 1872. 282 с.
3. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань. 1877. 620 с.

Сведения об авторах: Шафигуллина Лилия Шамиловна – кандидат педагогических наук, доцент Института международных отношений КФУ, e-mail: liliyashamilovna@mail.ru

Шемшуренко Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ, e-mail: oksanashemshurenko@gmail.com

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

**TATAR NATIONAL FOLKLORE
IN OTHER TURKIC SOCIETIES:
FAITH IN EXISTENCE OF A "BOGGART"**

L. Shafigullina

O. Shemshurenko

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

lilyashamilovna@mail.ru

oksanashemshurenko@gmail.com

Abstract. In the presented study, the concept of "spirit" and the beliefs of the Turks in the "boggart" are analyzed. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the beliefs of the Turks in the "boggart" with the Tatar beliefs in terms of meaning and perception in order to identify similarities and differences. For the experimental confirmation of the results of the study, the following methods were used: observations, comparative analysis and interpretation method. Application of these methods allowed us to come to the following results: Turkish beliefs are not so rich and diverse as the Tatar ones; The general features of beliefs in "boggart" among Tatars and Turks are noted, which, most likely, points to the influence of common roots and the system of Turkic ancient beliefs. The scientific novelty of our research is that for the first time an attempt has been made to research in this field, which will greatly facilitate comparison of superstitions connected with belief in "boggart" in two cultures, and help to reveal more precisely and better the similar and distinctive features of these beliefs. Prospects for further research in this area are very attractive, since this sphere is poorly studied, especially in Turkey.

Key words: Tatar folklore, Turkish folklore, superstition, boggart, beliefs

For citation: Shafigullina L., Shemshurenko O. Tatar National Folklore in Other Turkic Societies: Faith in Existence of a "Boggart". *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 4: 83–88. (In Russ.)

References

1. Gilyazetdinov S.M. Tatarskie mify. Kazan'. 2000. 354 s. (In Russian)
2. Radlov V.V. Obrazcy narodnoj literatury tyurkskih plemen, zhivushchih v yuzhnoj Sibiri i Dzungarskoj stepi / Sobrany V.V. Radlovym. SPb. 1872. 282 s. (In Russian)
3. Shpilevskij S.M. Drevnie goroda i drugie bulgaro-tatarskie pamyatniki v Kazanskoj gubernii. Kazan'. 1877. 620 s. (In Russian)

About the authors: Liliya Shafigullina – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor of Kazan Federal University, e-mail: liliyashamilovna@mail.ru

Oksana Shemshurenko – Cand. Sci. (Philology), Kazan Federal University, e-mail: oksanashemshurenko@gmail.com

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ
ОСМАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ И ПРОЕКТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА
ХИДЖАЗСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
(1900–1908 ГГ.)**

А.М. Абидулин

Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Казанский Федеральный Университет

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

abidulinam@gmail.com

Резюме. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена активностью изучения в последние годы инструментария идеологических кампаний в восточных обществах в решении экономических и политических проблем. Статья направлена на изучение государственных пропагандистских кампаний в Османской империи, нацеленных на развитие экономической инфраструктуры в государстве. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является рассмотрение имперской идеологии и культуры как с теоретической, так и с практической точек зрения. Результаты исследования: благодаря использованным в работе методологии интерпретации и инструментария исторической феноменологии, дают возможность увидеть границы своего понимания и сосредоточиться на открытии «феноменов» чужого сознания. Материалы статьи могут быть полезны для исследователей военно-политической и экономической истории Османской империи конца XIX начала XX века. Особый интерес в этой связи может вызвать анализ государственной идеологии на Востоке в решении разного рода государственных задач.

Ключевые слова: Османская империя, пропагандистские кампании на Востоке, Хиджазская железная дорога, Абдул Хамид II, Хиджаз.

Для цитирования: Абидулин А.М. К вопросу об историографии османской религиозно-политической пропаганды и проекте строительства Хиджазской железной дороги (1900–1908 гг.). *Тюркологические исследования*. 2018; Т.1, №4: 89–106.

Введение

На Востоке, особенно в Османской империи второй половины XIX века, государственная идеология состояла из двух основных компонентов, а именно:

из теории и практики. Под практикой понимается визуализация власти, пропагандистские и манипулятивные действия, которые правитель и правящие элиты производят в имперском пространстве с целью максимизировать собственную власть. В связи с этим интересно проследить, как работала на развитие экономики государственная идеология. Конечно, здесь масштабы экономических мероприятий значительно уступают европейским, но стоит отметить тот факт, что Османская империя, в отличие от современного турецкого государства, быстро определила выгодность и стратегическую необходимость этой кампании.

Возможность связать железнодорожной линией Дамаск и Красное море была впервые предложена османскому правительству американским инженером немецкого происхождения Чарльзом (Карлом) Ф. Зимпелем в 1864 году [34, р. 33; 27, р. 312]. Этот проект не был осуществлен, поскольку имел две основные трудности: первая – это неприятие этой дороги местными арабскими племенами и необходимость постоянной охраны этого стратегического объекта, а вторая – финансовые расходы в связи с этим. Поэтому более выгодным в это время рассматривался морской путь и строительство дороги так и не было начато.

В 1872 году приглашенный султаном Абдул Азизом немецкий инженер Вильгельм фон Прессель высказал мнение, что доставка военнотружущих в район Хиджаза будет наиболее удобной по железной дороге. Он подготовил проект строительства 2709 километровой линии Хайдарпаша – Басра [34, р. 33; 33, р. 15] согласно которому дорога должна была начинаться в стамбульском вокзале Хайдарпаша, соединить Анкару-Сивас-Мосул-Багдад и дойти до Басры. Вместе с дополнительными ветками такая железнодорожная магистраль должна была соединить Средиземное море с Красным [31, р. 17]. Стоимость строительства километра этой дороги оценивалась в 20 000 франков. Тогда у Османской империи не было достаточно средств, и, кроме того, страна была вынуждена выплачивать крупные суммы долгов после Крымской войны [39, р. 53], поэтому за два года была построена только 95 километровая линия Стамбул-Измит. После прекращения дальнейшего финансирования от проекта Хайдарпаша – Басра пришлось отказаться [25, р. 323], а построенная линия была отдана в аренду иностранной компании.

Методы и материалы

Цели и задачи исследования состоят в анализе государственной идеологии Османской империи, направленной на управление общественно-политической ситуацией в стране. В этой связи интересен инструментарий влияния государственной власти и отдельных государственных институтов на османское общество, а также влияние на мусульман идей исламского единства, воплощенных на практике проведением пропагандистских кампаний. Это предполагает анализ эволюции массового сознания мусульманского населения как в самой империи, так и за ее пределами, вызванного осуществлением на

практике пропагандистских кампаний в Османской империи. В этой связи важны изменения в характере представлений в глазах мусульман власти османского султана-халифа, отношение мусульманской интеллектуальной элиты к нововведениям власти и к основным государственным пропагандистским кампаниям в рамках государственной идеологии.

Имперская идеология и культура рассматриваются в данной работе и как теория, и как практика. Под теорией понимается набор идей, ценностей, символов, которые определяют власть правителя и правящих элит над населением, а под практикой – визуализация власти, пропагандистские и манипулятивные действия, которые правитель и правящие элиты производят в имперском пространстве с целью максимизировать собственную власть.

Результаты

На сегодняшний день исследование пропагандистской кампании, проводившейся в связи со строительством Хиджаской железной дороги, и анализ самого строительства железнодорожной линии имеет за рубежом довольно большую историографию. На основе архивных материалов написано много исследований, опубликованных в Турции. К примеру, статья одного из инженеров этой железнодорожной линии Недрета Нури в «Журнале общества османских инженеров и архитекторов» [26], представляющая собой не только воспоминания непосредственного участника событий, но и одно из первых исследований этой темы в турецкой историографии. В англоязычной историографии одними из первых исследований, посвященных строительству Хиджаской железной дороги, являются статья Ф. Маунселла в «Географическом журнале» и раздел в монографии Агнуса Гамильтона «Проблемы Ближнего Востока» [24].

После долгого перерыва данная проблема вновь привлекла интерес ученых. В 1948 г. были опубликованы две статьи: Османа Эркина [30], основой для которой стала «Записка о железной дороге Хиджаз» (Hicaz Demiryolu Lâyihası), и Саита Тойдемира [37], представляющая собой больше техническое описание строительства без анализа архивных материалов. Следующим периодом в изучении этой проблемы стали работы 1960-1990 годов, посвященные исследованиям в области фалеристики: статьи Ибрахима Артука и Джеврие Артука о наградах Хиджаской железной дороги, вручавшихся за взнос пожертвований на строительство и за помощь в сборе средств на строительство [20; 14], статьи И. Четинялчина и А. Баламира об особых наградах меценатам Хиджаской железной дороги [15; 7]. Особняком в исследованиях этого периода стоит работа профессора истории университета Виргинии Вильяма Оушенвальда, направленная на изучение финансирования строительства железной дороги [28], и написанная в соавторстве с Г. Блэйком и Р. Кингом статья по истории Хиджаской железной дороги и планам ее восстановления (во время Первой мировой войны и последующих конфликтов она была частично разрушена) [9].

В 1980–2000 гг. в зарубежной историографии, особенно турецкой, начали появляться работы, ориентированные на исследования государственной идеологии Османской империи и экономической истории регионов империи. Так Хулуси Явюзом в книге «Османы и исламизм» был написан раздел, посвященный месту в экономической и политической истории Османской империи строительства железнодорожной линии, связавшей отдаленные регионы империи с центром [38]. Особого внимания заслуживает монография Вильяма Оушенвальда, где автор, привлекая широкий круг источников и историографии, рассматривает историю Хиджазской железной дороги: от возникновения самой идеи строительства, проведения кампаний по сбору пожертвований и участия в них мусульман как в самой Османской империи, так и за ее пределами, до строительства линии и ее эксплуатации [29].

Так же стоит отметить статью Атиллы Батура, посвященную анализу источниковой базы, и, рассматривающую памфлеты современника событий Ахмета Рифата, написанные к торжественному открытию железнодорожной линии [8]. Еще одним крупным исследованием является работа Мурата Озюксея, в которой автор на основе материалов немецких архивов всесторонне проанализировал пропагандистский проект как теорию и практику государственной идеологии в решении экономических проблем [32].

Особняком стоит исследование американского историка Я. Ландау «Железная дорога Хиджаз и мусульманское паломничество: история османской политической пропаганды», представляющая собой опубликованный перевод с арабского языка рукописи, посвященной истории Хиджазской железной дороги, современника событий Мухаммеда Арифа с комментариями [23].

Особый интерес вызывает раздел, посвященный истории строительства Хиджазской железной дороги, в монографии «Железные дороги на Ближнем Востоке» ливанской исследовательницы, профессора истории американского университета в Бейруте Ширин Хайраллах, в которой автор подробно рассматривает историю этого пропагандистского проекта, проведения кампаний по сбору пожертвований в мусульманской прессе, количество собранных средств и основных жертвователей. Особое внимание в этой работе уделяется идее разработки проекта строительства линии и участия в нем как османских, так и иностранных архитекторов и инженеров [22].

В отечественной историографии история строительства Хиджазской железной дороги менее освещена. Впервые к этой теме обратился капитан Н.В. Терлецкий, современник событий. В своей работе он отметил уникальность данного проекта, указывая на оригинальность как самих источников финансирования, так и осуществления самого предприятия [3].

В монографии И.Л. Фадеевой внимание уделено пропагандистским кампаниям, проведенным в рамках государственной идеологической доктрины в конце XIX начале XX века в Османской империи [4]. Кампании по

сбору средств на строительство Хиджазской железной дороги проведенные среди мусульман Туркестана, были рассмотрены в работе В.П. Литвинова [1].

В монографии А.Т. Сибгатуллиной истории Хиджазской железной дороги посвящен раздел одной из глав. Анализируя работы турецких ученых, публикации в российских мусульманских газетах конца XIX начала XX века и статью капитана Н.В. Терлецкого, автор показывает место и значение этого проекта в духовной жизни мусульман и военно-политической истории Османской империи [2].

Таким образом, мы можем отметить, что затронутая в данном исследовании проблема рассматривалась в зарубежной и отечественной историографии в основном в плане изучения истории проекта железной дороги Хиджаз-Хамидие. Первые исследователи темы – современники событий: инженер Недрет Нури (Nedret Nuri, 1326.), британский военный атташе полковник Ф. Маунселл (Maunsell F.R., 1908.), корреспондент и фотограф газеты «Таймс» Ангус Гамильтон (Hamilton A., 1909.), в первую очередь, особое внимание уделяли инженерной стороне проекта, географическому расположению и стратегической важности проектировки линии. Только в работе Н.В. Терлецкого (Терлецкий Н.В., 1911.) появляется интерес к изучению идеологической основы проекта. В последующем исследователи начали анализ источниковой базы данной проблематики (Osman Erkin, 1948). Особняком стоят исследования в области фалеристики, однако по ним можно проследить лишь масштабность идеологической основы проекта, взаимосвязь традиционной духовной общности и государства в восточных обществах (İbrahim Artuk, 1964), (Sevriye Artuk, 1973), (Çetinyalçin İ., 1976, 1983), (Balamir A.L., 1993). Важной вехой в изучении самой пропагандистской кампании в рамках государственной идеологии, направленной на финансирование проекта, стали работы В. Оушенвальда (Ochsenwald W., 1973), (Ochsenwald W., 1989). В 1990–2000 гг. на первый план в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей выходит дискуссия о роли пропагандистских кампаний и государственной идеологии в общественно-политической жизни Османской империи (Yavuz N., 1991), (Gülsoy U., 1994), (Özyüksel M., 2000), (Фадеева И.Л., 1985), (Литвинов В.П., 2006), (Сибгатуллина А.Т., 2010).

Обсуждение и заключения

Анализ источниковой базы и историографии позволяет выстроить картину осуществления данного экономического проекта в рамках государственной пропаганды. В 1874 году о необходимости строительства железной дороги в этом регионе ходатайствовал майор османской армии Ахмед Решид. По его мнению, дорога должна была проходить от Дамаска до Мекки, а оттуда до Джидды [29, р. 22]. Другой проект, согласно которому дорога должна была начинаться в центральной Аравии, проходить до Кувейта и далее до Басры, был представлен в 1878 году англичанином Эльфинстоном Далрмплом.

В 80-е гг. XIX века идея строительства железной дороги была подробно описана в записке министра общественных работ Хасана Фехми паши, в которой он указывал на необходимость строительства железной дороги из анатолийской части Турции в Аравию. Согласно его проекту дорога должна была начинаться в Измите и, проходя через города Эскишехир, Конья, Алеппо, доходить до Багдада [16, р. 176]. Вместе с этим дорога должна была иметь ответвления, одним из которых стала бы Хиджазская линия, которая проходила бы на юг по равнине от Алеппо к городу Хама в долине реки Оронт, оттуда до пройдя Хомса через обратную сторону Ливанских гор достигнуть Дамаска, а оттуда, в свою очередь, через Хауран спускаться в Иорданскую долину, достигая, таким образом, Хиджаза. Стоимость строительства всей дороги, включая ответвления, по оценке Хасана Фехми паши должна была составить 3 278 260 лир.

Следующим по времени проектом дороги был проект, предложенный губернатором и комиссаром Хиджаза Осман Нури пашой, который пользовался большим доверием у султана в делах Хиджаза и Святых мест. Именно он в 1884 году выступил с предложением построить железнодорожную линию между Дамаском и Хиджазом, а вместе с ней протянуть и телеграфную линию [19, р. 151]. В 1892 году он вместе с Ахмет Шакиром и Мехмед Шакиром пашами организовал комиссию, которая в подготовленном 17 февраля 1892 года рапорте предлагала построить железную дорогу между Джиддой и Меккой, которая должна была обезопасить и облегчить путешествие паломников, зачастую подвергавшихся нападению бедуинов.

В 1890 году доктор Каймакам Шакир-эфенди отправился вместе с паломниками на пароходе из Стамбула и доплыл вместе с ними до Джидды. В пути он делал заметки о состоянии здоровья паломников и об их гигиене, которые потом вошли в его записку. В ней он отметил так же, что Османской империи для заботы о гигиене и здоровье паломников и облегчения их путешествия к Святым местам необходимо построить железную дорогу в этом регионе [18, р. 21].

Следующее предложение строительства дороги поступило в 1891 году от одного из военнослужащих османской армии Сулеймана Шефика. В 1891 году Шефик отправился вместе со своим отцом в путешествие для того, чтобы совершить хадж. Во время путешествия он делал заметки, которые позже были представлены султану. В этой записке он выразил свое мнение о необходимых изменениях для безопасности путешествия. Кроме того, по его мнению, в случае войны с Англией или другим европейским государством Суэцкий канал мог быть закрыт и перевозки грузов и военнослужащих морем стали бы невозможны. Поэтому он предлагал построить железнодорожную линию, которая должна была связать Средиземное море с Красным.

В 1892 году с запиской о необходимости строительства в этом регионе железной дороги обратился Ахмед Иззет-эфенди, возглавлявший в это время

управление вакуффов Джидды. По его мнению, железная дорога должна была начинаться в Дамаске и доходить до Хиджаза. Таким образом, она должна была улучшить и обезопасить хадж. Ахмед Иззет-эфенди также высказывался за увеличение количества военнослужащих для охраны святых мест и усиления военного присутствия в этом регионе. Железная дорога, по его мнению, должна была оказать большую помощь падишаху в усилении могущества Османской империи. Но в его записке, предложенной султану, который для дальнейшего рассмотрения этого вопроса передал ее представителю Военного министерства генералу Мехмед Шакиру паше, возглавлявшему военную комиссию, не оговаривались технические и финансовые вопросы строительства [36, р. 25]. Мехмед Шакир паша, проанализировав ее, 25 февраля 1892 года представил рапорт султану. К рапорту прилагалась карта, на которой схематично указывалось предполагаемое расположение железнодорожной линии. Кроме того, Мехмед Шакир тщательно исследовал все технические и финансовые вопросы строительства. Согласно рапорту дорога в 1200 км должна была соединить Дамаск с Мединой. Кроме того, он высказывался за необходимость строительства дополнительной линии в 90 км, соединявшей основную магистраль с заливом Аккабе. Схема железнодорожной линии была начерчена лично Мехмед Шакир пашой, который так же подсчитал стоимость строительства как «узкоколейной», так и «ширококолейной» линий, согласно которым строительство первой обошлось бы в 3 088 000 лир, а второй – в 3 696 000 лир. Строительство дополнительной линии к заливу Аккабе стоило бы в зависимости от ее ширины в 200 000 – 300 000 лир.

В 1896 году Англия подготовила проект «Арабской железной дороги», согласно которому железная дорога начиналась в Исмаилии или в Порт-Саиде и линией Акабе-Басра доходила бы до Кувейта и Персидского залива. Однако воплощение этого проекта было поставлено практически сразу под вопрос, потому что требовало решения многочисленных проблем: технических трудностей, финансирования, военной охраны и эксплуатации самой линии в связи с возможными нападениями местных племен. Этот проект не был воплощен в жизнь, но обсуждения различных проектов продолжались [34, р. 34].

Кроме того, за необходимость строительства Османской империей для мусульман всего мира железной дороги из Дамаска в Мекку и Медину выступил журналист Мухаммед Иншаллах, владелец нескольких газет в Индии, в последствии сыгравший немаловажную роль в осуществлении этого проекта. В августе 1897 г. свой проект, в котором впервые в качестве главного источника финансирования указывались пожертвования мусульман всего мира, он представил для обсуждения в османский министерский совет [18, р. 23; 34, р. 33]. После чего в мусульманских газетах различных регионов мира началось обсуждение финансирования этого проекта.

Первоначально планировалось построить железную дорогу до Мекки. Общая сумма строительства составляла 4 000 000 фунтов. Сумма строительства дороги до Медины согласно подсчетам, сделанным в 1891 году, составляла 3 880 000 фунтов. Для Османской империи это была огромная сумма. К примеру, она составляла 18 % от бюджета 1901 года. Выделить такую крупную сумму из бюджета было невозможно, да и к тому же недопустимо. Поэтому самым важным делом для государства было найти внебюджетные источники финансирования проекта. Необходимо было собрать эти средства во всех регионах мира, где проживали мусульмане. Святыни Мекки и Медины – это центр мусульманского мира, поэтому эта железная дорога, ведущая к ним, была не только османской, а мусульман всего мира.

Для начала строительства немедленно требовались значительные средства. Поэтому еще до сбора средств среди мусульман у османского «Зираат Банк» были взяты кредиты. Для непосредственного начала самого строительства требовалось доставить материалы на место строительства, а для этого были необходимы вагоны и локомотивы. В 1900 и 1901 гг. у «Зираат Банк» был взят кредит на сумму 100 000 лир: каждый год по 50 000 лир [17, р. 161]. Однако этих денег было недостаточно, и поэтому банк вплоть до 1908 года ежегодно давал дополнительно по 50 000 лир. В 1908 году был взят кредит на 100 000 лир. Таким образом, общая сумма кредита к 1908 году составила 480 000 лир. Выделение таких значительных сумм поставило «Зираат Банк» в очень трудное положение: пришлось сократить выдачу кредитов землевладельцам [18, р. 42].

Одной из важных составляющих этого проекта была организация сбора пожертвований среди мусульман, для которой в Стамбуле под контролем министра финансов была основана «Комиссия по сбору пожертвований» [10, 11, 13], осуществлявшая свою деятельность в здании министерства финансов. В ее состав входили секретарь, служащий, бухгалтер и казначей-поручитель [18, р. 43]. В обязанности этой комиссии входили: печать «удостоверений помощи», которые выдавались каждому человеку, внесшему пожертвование, подсчет и фиксирование собранных средств, вкладывание средств, пришедших из провинций и из-за границы, в банки [12]. В вопросах, связанных со сбором пожертвований, комиссия была свободной, во всех остальных случаях она не могла самостоятельно принимать решения. Например, выделение средств из фонда пожертвований на строительство железной дороги находилось под контролем относящейся к администрации султана «Высокой комиссии». Выделение средств из фонда пожертвований на другие нужды было запрещено.

В центрах волостей, уездов и провинций находились отделения, находящейся в Стамбуле «Комиссии по сбору пожертвований». Обычно ими руководили самые богатые собственники этих мест, остальные члены этих комиссий также, как правило, были зажиточными людьми. В некоторых

местных комиссиях было несколько служащих и муфтиев [5]. В большинстве случаев эти местные комиссии работали в сотрудничестве с местными имамами и сельскими старостами. Нередко именно старосты и имамы на практике занимались сборами и фиксированием пожертвований. Собранные средства они были обязаны передать местной комиссии в течение трех дней [18, р. 43]. Провинциальные комиссии фиксировали собранные средства и отправляли их в ближайшее отделение османского банка. Если поблизости не было таковых, тогда деньги отправлялись по почте в Стамбул. Более мелкие комиссии, собрав более 5000 курушей, отправляли деньги в центральную комиссию в провинции. Журналы центральной комиссии и другие канцелярские документы, в которых фиксировалось количество финансовых средств, постоянно контролировались «Высокой комиссией». Данные о ходе сбора средств еженедельно докладывались в администрацию султана [18, р. 44]. Для достоверного фиксирования собранных и присланных местными комиссиями денежных средств центральная комиссия имела две тетради: в одной – фиксировались средства, которые были положены в Османский банк, а в другой – указывалось количество средств, выделенных на строительство. Каждый вечер вместе с другими документами контролировались и все тетради. Центральная комиссия ежедневно докладывала в «Высокую комиссию» о своей работе и каждые три месяца подготавливала общие отчеты.

Увеличение финансовых дел заставило создать 1 июля 1903 года на месте прежней комиссии другую комиссию – «Управление финансами железной дороги Хамидие Хиджаз», в которой числились счетоводы и бухгалтеры, прежде работавшие в «Зираат Банк» и «Высокой комиссии», а также в министерстве общественных работ. Данная комиссия располагалась в помещениях, принадлежавших «Зираат Банк», занимая подвал и архив этого банка. 13 мая 1906 года вышло распоряжение, согласно которому для этой комиссии на территории министерства торговли и общественных работ было построено отдельное трехэтажное здание, в котором было одиннадцать комнат. В 1905 году в комиссии работало вместе с министром торговли и общественных работ Зихни пашой 12 человек: главный счетовод, директор счетоводческого отдела и четыре писца, главный секретарь в отделе переписки, директор документационного отдела и 2 писца, а также кассир и другие служащие [18, р. 45].

Султану были представлены проекты «удостоверений» для тех, кто жертвовал различные суммы на строительство дороги. После утверждения эти документы были напечатаны. Одна часть удостоверений была оставлена в Стамбуле в «Комиссии по сбору пожертвований», а другая – разослана по вилайетам.

Для пропаганды строительства дороги среди мусульманского населения газеты писали, что эта железная дорога принесет значительные выгоды религиозного, социального и экономического плана. Помимо прессы,

пропаганда велась местными комиссиями по сбору пожертвований. Как уже отмечалось, они располагались почти в каждом населенном пункте империи. И большие города, и маленькие селения, таким образом, были доступны для пропаганды. Огромную помощь в работе этих комиссий оказали местные администрации, сельские старосты, имамы и уважаемые люди. С государственных чиновников тоже были собраны пожертвования. Первое пожертвование на железную дорогу было сделано султаном. Он внес из личных средств 50 000 лир (нередко лиры, особенно в зарубежных исследованиях, называют османскими фунтами, а куруши – пиастрами. С 1844 года Османская лира заменила куруш в качестве базовой валютной единицы, однако он остался в обороте как дробная единица в соотношении 1 лира = 100 курушей). После падишаха свои пожертвования внесли визирь Халил Рифат Паша, Шейх-ул-ислам Джемаледдин Эфенди, министр торговли и общественных работ Зихни Паша и другие официальные лица. Уфук Гюльсой в своем исследовании приводит таблицу, отражающую размер ежемесячных жалований официальных лиц империи в то время: великий визирь (садразам) – 75 000 курушей, Шейх-уль-ислам – 55 000 курушей, военный министр – 40 500 курушей, морской министр – 40 500 курушей, министр вооружения – 40 500 курушей [18, р. 49–50].

В среднем в вилайетах собирали до 80 000 лир. Приведем некоторые примеры: наибольшее количество денег было собрано в вилайете Хиджаз (примерно 108 000 лир), за ним следовали: Айдын (86 000 лир), Худавендигар (81 000 лир), Бейрут, Сивас, Конья, Алеппо, Эдирне и Анкара [28, р. 137]. В вилайете Ван было собрано 2316 лир, в Косово – 3500 лир, в Йемене – 8000 лир, в Мосуле – 10 000 лир, в Трабзоне – 15 000 лир, в Битлисе – 3500 лир, в Адане – 6380 лир. В санджаке Измит было собрано 6000 лир, в Кудусе (Иерусалим) – 5400 лир, в Бингази – 3000 лир.

Другой важной стороной финансирования строительства железной дороги были вооруженные силы Османской империи. Свои пожертвования вносили как нижние, так и высшие чины османской армии. Например, газета «*Малюмат*» сообщает, что Суррия, Шукру, Юсуф и Ахмед Шефкет паша были награждены за внесение пожертвования на строительство дороги никелевыми медалями [6]. Адьютанты падишаха, генерал-лейтенанты Джелалетдин паша, Абдуллах паша, Юсуф паша, Мехмед паша, Тевфик паша пожертвовали на строительство около 50 лир каждый и были награждены за это серебряными медалями [6]. Золотыми медалями за пожертвования более 100 лир были награждены маршалы Эдхем паша и Шакир паша, личный врач падишаха маршал Ариф паша, адъютант падишаха Нуретдин паша и председатель секретариата военного министерства Мухтар Бей [36, р. 26]. Другой группой, вносившей свои пожертвования на железную дорогу, были служащие юстиции, здравоохранения и просвещения.

Однако наибольший интерес представляют средства, собранные вне Османской империи. В основном эти пожертвования были собраны благодаря османским дипломатическим представителям. Несомненно, наибольшую заслугу в организации сбора денежных средств имели консульские работники. Однако исламские газеты религиозные общества и секты, комитеты по сбору пожертвований, религиозные деятели, торговцы и знать также оказали значительную помощь в сборе пожертвований [28, p. 138].

Значительную поддержку строительства железной дороги оказали мусульмане Индии. Контакты с индийскими мусульманами имели наибольшую активность во время правления султана Абдул Хаида II. В то время в Индии (особенно на территории современного Пакистана и Бангладеш) было создано большое количество комитетов для сбора пожертвований [28, p. 138]. Работники османских консульств выступали в качестве организаторов кампании по сбору пожертвований в этой стране. Одновременно они занимались и доставкой собранных средств в Стамбул. Обычно денежные средства перечислялись на банковские счета «Комиссии по сбору пожертвований», а сопутствующие документы о количестве собранных средств позже отправляли в Стамбул. Кроме того, работники консульств занимались выдачей удостоверений, составляли списки, где указывались имя и количество внесенных средств [18, p. 59]. Кроме работников консульства, организацией сбора средств в Индии занимался центральный комитет Хиджазской железной дороги, располагавшийся в Хайдарабаде. Этот комитет был создан и начал свою работу в кратчайшие сроки после начала кампании по сбору пожертвований.

Важную роль в успехе кампании по сбору пожертвований в Индии сыграл Мухаммед Иншаллах. Благодаря его усилиям и посредничеству в Стамбул были отправлены крупные суммы пожертвований. Помимо этого, Мухаммед Иншаллах известен в качестве человека, выдвинувшего идею сбора пожертвований в Индии на строительство дороги. Иншаллах был владельцем исламских газет «*эль-Векиль*», выходившей в Амритсаре, и «*эль-Ватан*», выходившей в Лахоре. Эти газеты, с одной стороны, своими статьями призывали индийских мусульман оказать помощь в строительстве Хиджазской железной дороги, а, с другой стороны, собирали пожертвования [28, p. 140], которые отправляли в центральную «Комиссию по сбору пожертвований» 35 раз. К примеру, к концу 1908 года «*эль-Ватан*» собрал пожертвований на сумму 100 000 рупий. Мухаммед Иншаллах, используя доступные способы пропаганды, с 1900 по 1909 годы смог лично отправить пожертвования в центральную комиссию около 30 раз. Собранные им средства через банк отправлялись в Стамбул, а следом посылался список жертвователей. После того как деньги поступали в центральную комиссию, ему отправлялось подтверждение и медали для пожертвовавших свои средства [18, p. 62].

Владелец издававшейся в Бомбее газеты «*Султану ахбар*» Феррух Вехлави Эфенди, исламское сообщество Рангона, газета «*Рияд*», комиссия по

сбору пожертвований в Мадрасе, находившийся в Дели, комитет Хиджазской железной дороги и председатель исламского комитета в Бомбее Бедреддин Эфенди также приняли деятельное участие в кампании по сбору пожертвований в Индии. Всего после начала кампании по сбору пожертвований с 1900 года в Индии было основано более 150 комитетов. Из них около 100 было в Декане, остальные в Бирме и Цейлоне [28, р. 141]. Похожие кампании проходили и в других частях Индии: в Чаре шейх Хасан Али Эфенди, в Карачи и Мадрасе значительное количество купцов, в Белуджистане шейх Имамеддин, преподаватели школ и медресе, а также многие жители этих районов оказали посильную поддержку проекту [18, р. 63].

Помощь индийских мусульман продолжалась вплоть до 1909 года, то есть до времени смещения султана Абдул Хаида II младотурками. Смещение султана – халифа было воспринято индийскими мусульманами очень жестко и вызвало сопротивление. Например, Мухаммед Иншаллах в письме, адресованном в Высокую Порту писал, что если младотурки конкретно не объяснят все то, что было сделано относительно султана Абдул Хаида II, то мусульмане, проживающие вне пределов империи, перестанут относиться к империи с прежним уважением и дружелюбностью. По мнению Иншаллаха, выраженному в этом письме, только султан Абдул Хаид II мог привести Османскую империю и халифат к счастью и благополучию [18, р. 64].

Большая помощь в сборе пожертвований на строительство железной дороги была оказана также и Египтом. В этом государстве все дела по сбору пожертвований находились в ведении Египетского верховного комиссариата, который, кроме того, занимался отправкой собранных средств в центральную комиссию. Средства, собранные местными комиссиями, отправлялись в Египетский верховный комиссариат, а оттуда уже почтой или через банковские счета посылались в центральную комиссию в Стамбуле. Следом за пожертвованиями посылали тетради с именами тех, кто их внес.

Газеты и журналы «эль-Сабах», «эль-Мюйед», «эль-Лива», «эль-Махар», «эль Раид эль Мисри», «эль-Ахрам» знакомили читателей с проектом строительства дороги и призывали оказывать поддержку. К примеру, газета «эль-Сабах» в 1900 году начала кампанию поддержки проекта, а газета «эль-Мюйед» собрала тысячу лир. Газета «эль Раид эль Мисри» сравнивала его по важности для исламского мира с Суэцким каналом [23, р. 20], а газета «эль-Махар» писала о том, что этот проект необходим для защиты святых мест [28, р. 143].

Газеты и купцы привлекли к сбору пожертвований шейхов ордена Накшибенди, которые составляли отдельный слой египетского общества. Помимо шейхов, свои пожертвования на строительство дороги сделали имамы, преподаватели медресе, инженеры, женщины, врачи, военнослужащие, ученики, представители знати и многие другие [18, р. 66]. Египетский хедив

Аббас II и его семья пожертвовали значительную сумму для покупки строительных материалов [21, р. 81].

Одновременно с кампаниями по сбору пожертвований велась контрпропаганда английского правительства. Англичане указывали на то, что проект строительства Хиджазской железной дороги изначально является утопией, а также то, что Османская империя старается только ограбить мусульман, призывая их вкладывать деньги в неосуществимый проект [35, р. 134]. Позднее англичане запретили государственным служащим в Египте входить в состав комиссий по сбору пожертвований и выступали против призыва Османского государства к каждому мусульманину пожертвовать несколько курушей на строительство [28, р. 144].

Большой интерес строительство дороги вызвало и в Марокко. После первых вестей об этом проекте эмир и его окружение, а также народ сразу же решили внести посильную помощь в его осуществление и поучаствовать в этом святом деле. Первым свой взнос в размере 8768 лир сделал эмир Марокко Мевлана Абдул Азиз, который стал примером для других пожертвований. Сбором пожертвований занимались министр иностранных дел Саид Мухаммед Турси, секретарь Высокой Порты Саид Мухаммед Садык, Деббаг Эфенди, приехавший из Мекки, и представитель марокканского правительства Али Эбу-Талиб [33, р. 96]. Кроме того, представители многочисленных исламских орденов, например, таких, как орден «Rufai», оказывали помощь в сборе средств, а также вносили значительные суммы. Деньги, которые были собраны в Марокко, клались на счета иностранных банков, чеки на эти суммы предъявлялись президиуму центральной комиссии в Стамбуле.

Помимо этих стран, сбор средств проходил в Алжире, Тунисе, Южной Африке, на острове Ява, Китае, Судане, США и Латинской Америке, на Балканах, на Кипре, в Австро-Венгрии, Великобритании, Франции и Германии.

Необходимо также отметить, что поддержку проекту оказали и мусульмане Российской империи, прежде всего, мусульмане Крыма: жители Ялты, Севастополя, Бахчисарая и других городов. К примеру, из Ялты – купец Осман и имам Абдул Хамид, из знати Акмечети – Абдул Меджид, из Бахчисарая – Салиха Хатун, а Мехмед Эфенди из Севастополя был одним из первых, кто пожертвовал средства. Эмине Ханым из Ялты, внося пожертвования в размере 11 584 куруша, была награждена золотой медалью Хиджазской железной дороги [18, р. 67]. Кроме того, пожертвования были собраны в Ливадии, Оренбурге, Москве, Казани, Бухаре, Дагестане и Сибири. Пожертвования обычно передавались в центральную комиссию через османских консулов и через мусульманские газеты.

Султан и его окружение, обладая соответствующими организационными и финансовыми ресурсами, и, опираясь на сочувствующих идее духовного единства, смогли разработать и претворить в жизнь несколько пропагандистских проектов, и самым большим из них было строительство

Хиджазской железной дороги. Высокая Порта, не выходя за рамки международного права, вполне успешно используя идеологический инструментарий, решила важную финансовую проблему подготовки проекта соединения транспортными магистралями части Османской империи. Ведь в начале XX века, как известно, империя находилась на грани банкротства, а великими державами считалась «большим человеком Европы». Проект, казавшийся утопичным, был осуществлен в кратчайшие сроки, и на некоторое время Османская империя значительно усилила свои военно-политические позиции в регионе.

Список литературы

1. *Литвинов В.П.* Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха Нового времени). Елец, 2006.
2. *Сибгатуллина А.Т.* Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010.
3. *Терлецкий Н.В.* Геджаская железная дорога в Мекку. С картой, в красках. СПб.: Военная типография, 1911.
4. *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии Османской империи (Османизм – Панисламизм). XIX – начало XX в. М., 1985.
5. «İkdam». 27 Haziran 1900.
6. «Malûmat». 14 Mart 1901.
7. *Balamir A.L.* Hicaz Demiryolu Madalyası // Demiryolcu. 1993. Cilt. 5. №. 8.
8. *Batur A.* Hicaz Demir Yollarının Açılışına Ahmet Rifat Paşa'nın Düşürdüğü Tarihler // Akademik Araştırmalar Dergisi. Kasım 2005 – Ocak 2006. №. 27.
9. *Blake G, King R.* The Hicaz Railway and The Pilgrimage to Mecca // Asian Affairs. 1972. Vol. 59. No. 3.
10. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Bâbiâli Evrak Odası (BEO). №. 112710.
11. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Yıldız Maruzat Defteri. (Y. MAR). №. 8828.
12. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Mutenevvi Maruzat Evraki. (Y. MTV), №. 203/83.
13. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Sadaret Resmi Maruzat Evraki. (YA. Res). №. 107/109.
14. *Cevriye Artuk.* Hicaz Demiryolu Madalyaları // VII. Türk Tarih Kongresi Bildirileri (Ankara. 25-29 Eylül 1970). II. Ankara, 1973.
15. *Çetinyalçin İ.* Liyâkat Madalyası // VIII. Türk Tarih Kongresi Kongreya Sunulan Bildiriler, (11–15 Ekim 1976), III Ankara, 1983.
16. *Diñçer C.* Osmanlı Vezirlerinden Hasan Fehmi Paşa'nın Anadolu'nun Bayındırlık İşlerine Dair Hazırladığı Layıha // TTK. Belgeler. Ankara 1971. C. V–VIII. Sayı 9–12.

17. *Eldem V.* Osmanlı İmparatorluğu'nun İktisadi Hakkında Bir Tetkik. Ankara, 1970.
18. *Gülsoy U.* Hicaz Demiryolu. İstanbul, 1994.
19. *Hülagü M.* Topal Osman Nuri Paşa Hayatı ve Faaliyetleri // Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi OTAM. 1994. Sayı 5.
20. *İbrahim Artuk.* Hicaz Demiryolunun Yapılması ve bu Münasebetle Basılan Madalyalar // İstanbul Arkeoloji Müzeleri Yıllığı. İstanbul, 1964. № 11–12.
21. *İmbert P.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Yenileşme Hareketleri, Türkiye'nin Meseleleri, (Çev. Adnan Cemil). İstanbul, 1981.
22. *Khairallah S.* Railways in the Middle East 1856–1948. Beirut, 1991.
23. *Landau J.M.* The Hejaz Railway and the Muslim Pilgrimage, A case of Ottoman Political Propaganda. Detroit, 1971.
24. *Maunsell F.R.* The Hejaz Railway // The Geographical Journal. 1908. Vol. 32. No. 6; *Hamilton A.* Problems of the Middle East. London, 1909.
25. *Morawitz C.* Türkiye Maliyesi. Ankara Maliye Bakanlığı Tetkik Kurulu Yayınları. 1978.
26. *Nedret Nuri.* Hicaz Demiryolu Hatıratı // Osmanlı Mühendis ve Mimar Cemiyeti Mecmuası. Nisan 1326. № 7.
27. *Nicholson J.* The Hejaz Railway // Asian Affairs. Vol. 37. No. 3. 2006.
28. *Ochsenwald W.* The Financing of the Hijaz Railroad // Die Welt des Islams. 1973. Vol. 14. Issue ¼.
29. *Ochsenwald W.* The Hijaz Railroad. Virginia, 1980.
30. *Osman Erkin.* Demiryolu Tarihçesinden: Hicaz Demiryolu // Demiryollar Dergisi. 1948. C. XXII. №. 269.
31. *Özyüksel M.* Hicaz Demiryolu. İstanbul, 2000.
32. *Özyüksel M.* Osmanlı Demiryolu İşletmeciliğinde Bir Devlet Girişimi: Hicaz Demiryolu // İktisad Dergisi. Mart 1989. №.292, Nisan-Mayıs 1989. № 293–294.
33. *Özyüksel M.* Osmanlı – Alman İlişkilerinin Gelişim Süresinde Anadolu ve Bağdat Demiryolları. İstanbul, 1988.
34. *Philipp H.J.* Der Beduinische Widerstand Geden Die Hedschasbahn // Die Welt des Islams, XXV. 1985.
35. *Rüşdi.* Akabe meselesi. Dersaadet, 1326.
36. *Tahsin Paşa.* Sultan Abdülhamid ve Tahsin Paşa'nın Yıldız Hatıraları. İstanbul, 1990.
37. *Toydemir Sait.* Hicaz Demiryolu İnşaatı Tarihinden // Demiryollar Dergisi. 1948. C. XXII. № 275–278.
38. *Yavuz H.* Osmanlılar ve İslamiyet. İstanbul, 1991.
39. *Yeniay H.* Yeni Osmanlı Borçları Tarihi. İstanbul, 1964.

Сведения об авторе: Абидулин Алим Маратович – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии

Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Заведующий кафедрой востоковедения, африканистики и исламоведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: abidulinam@gmail.com

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

**FOR THE QUESTION OF THE HISTORIOGRAPHY
OF OTTOMAN RELIGIOUS AND POLITICAL PROPAGANDA
AND THE CONSTRUCTION OF THE HIJAZ RAILWAY (1900-1908)**

Abidulin A.M.

Lobachevsky State University of Nizhni Nograd

Nizhnij Novgorod, Russian Federation

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

abidulinam@gmail.com

Abstract. The urgency of the problem under investigation is due to the activity of studying in recent years the tools of ideological campaigns in the eastern societies in solving economic and political problems. The article is aimed at studying state propaganda campaigns in the Ottoman Empire, aimed at developing the economic infrastructure in the state. The leading approach to the study of this problem is the consideration of imperial ideology and culture from both the theoretical and practical points of view. The results of the study, thanks to the methodology used in the interpretation and tools of historical phenomenology, allow us to see the boundaries of our understanding and focus on discovering the "phenomena" of others Consciousness. The materials of the article can be useful for researchers of the military-political and economic history of the Ottoman Empire at the end of the 19th century beginning of the 20th century. Of particular interest in this connection may be the analysis of state ideology in the East in the solution of various kinds of state tasks.

Keywords: Ottoman Empire, propaganda campaigns in the East, Hijaz Railway, Abdul Hamid II, Hijaz.

For citation: Abidulin A. For the Uestion of the Historiography of Ottoman Religious and Political Propaganda and the Construction of the Hijaz Railway (1900–1908). *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 4: 89–106. (In Russ.)

References

1. Litvinov V.P. Vneregional'noe palomnichestvo musul'man Turkestana (jepoha Novogo vremeni). Elec, 2006. (In Russian)
2. Sibgatullina A.T. Kontakty tjurok-musul'man Rossijskoj i Osmanskoj imperij na rubezhe XIX–XX vv. M., 2010. (In Russian)
3. Terleckij N.V. Gedzhasskaja zheleznaja doroga v Mekku. S kartoju, v kraskah. SPb.: Voennaja tipografija, 1911. (In Russian)
4. Fadeeva I.L. Oficial'nye doktriny v ideologii Osmanskoj imperii (Osmanizm – Panislamizm). XIX – nachalo XX v. M., 1985. (In Russian)
5. İkdâm». 27 Haziran 1900.
6. «Malûmat». 14 Mart 1901.
7. Balamir A.L. Hicaz Demiryolu Madalyası. *Demiryolcu*. 1993. Cilt. 5. №. 8.
8. Batur A. Hicaz Demir Yollarının Açılışına Ahmet Rıfat Paşa'nın Düşürdüğü Tarihler. *Akademik Araştırmalar Dergisi*. Kasım 2005 – Ocak 2006. №. 27.
9. Blake G, King R. The Hicaz Railway and The Pilgrimage to Mecca. *Asian Affairs*. 1972. Vol. 59. No. 3.
10. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Bâbîâli Evrak Odası (BEO). №. 112710.
11. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Yıldız Maruzat Defteri. (Y. MAR). №. 8828.
12. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Mutenevvi Maruzat Evraki. (Y. MTV), №. 203/83.
13. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. (BOA). Sadaret Resmi Maruzat Evraki. (YA. Res). №. 107/109.
14. *Cevriye Artuk*. Hicaz Demiryolu Madalyaları // VII. Türk Tarih Kongresi Bildileri (Ankara. 25–29 Eylül 1970). II. Ankara, 1973.
15. *Çetinyalçin İ.* Liyâkat Madalyası // VIII. Türk Tarih Kongresi Kongreya Sunulan Bildiriler, (11–15 Ekim 1976), III Ankara, 1983.
16. *Dinçer C.* Osmanlı Vezirlerinden Hasan Fehmi Paşa'nın Anadolu'nun Bayındırlık İşlerine Dair Hazırladığı Layıha. *TTK. Belgeler*. Ankara 1971. C. V–VIII. Sayı 9–12.
17. *Eldem V.* Osmanlı İmparatorluğu'nun İktisadi Hakkında Bir Tetkik. Ankara, 1970.
18. *Gülsoy U.* Hicaz Demiryolu. İstanbul, 1994.
19. *Hülagü M.* Topal Osman Nuri Paşa Hayatı ve Faaliyetleri. *Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi OTAM*. 1994. Sayı 5.
20. *İbrahim Artuk*. Hicaz Demiryolunun Yapılması ve bu Münasebetle Basılan Madalyalar. *İstanbul Arkeoloji Müzeleri Yıllığı*. İstanbul, 1964. № 11–12.
21. *İmbert P.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Yenileşme Hareketleri, Türkiye'nin Meseleleri, (Çev. Adnan Cemil). İstanbul, 1981.
22. *Khairallah S.* Railways in the Middle East 1856–1948. Beirut, 1991.

23. *Landau J.M.* The Hejaz Railway and the Muslim Pilgrimage, A case of Ottoman Political Propaganda. Detroit, 1971.
24. *Maunsell F.R.* The Hejaz Railway. *The Geographical Journal*. 1908. Vol. 32. No. 6; *Hamilton A.* Problems of the Middle East. London, 1909.
25. *Morawitz C.* Türkiye Maliyesi. Ankara Maliye Bakanlığı Tetkik Kurulu Yayınları. 1978.
26. *Nedret Nuri.* Hicaz Demiryolu Hatıratı. *Osmanlı Mühendis ve Mimar Cemiyeti Mecmuası*. Nisan 1326. № 7
27. *Nicholson J.* The Hejaz Railway. *Asian Affairs*. Vol. 37. No. 3. 2006.
28. *Ochsenwald W.* The Financing of the Hijaz Railroad. *Die Welt des Islams*. 1973. Vol. 14. Issue ¼.
29. *Ochsenwald W.* The Hijaz Railroad. Virginia, 1980.
30. *Osman Erkin.* Demiryolu Tarihçesinden: Hicaz Demiryolu. *Demiryollar Dergisi*. 1948. C. XXII. №. 269.
31. *Özyüksel M.* Hicaz Demiryolu. İstanbul, 2000.
32. *Özyüksel M.* Osmanlı Demiryolu İşletmeciliğinde Bir Devlet Girişimi: Hicaz Demiryolu. *İktisad Dergisi*. Mart 1989. №. 292, Nisan-Mayıs 1989. № 293–294.
33. *Özyüksel M.* Osmanlı – Alman İlişkilerinin Gelişim Süresinde Anadolu ve Bağdat Demiryolları. İstanbul, 1988.
34. *Philipp H.J.* Der Beduinische Widerstand Geden Die Hedschasbahn. *Die Welt des Islams*, XXV. 1985.
35. *Rüşdi.* Akabe meselesi. Dersaadet, 1326.
36. *Tahsin Paşa.* Sultan Abdülhamid ve Tahsin Paşa'nın Yıldız Hatıraları. İstanbul, 1990.
37. *Toydemir Sait.* Hicaz Demiryolu İnşaatı Tarihinden. *Demiryollar Dergisi*. 1948. C. XXII. № 275–278.
38. *Yavuz H.* Osmanlılar ve İslamiyet. İstanbul, 1991.
39. *Yeniay H.* Yeni Osmanlı Borçları Tarihi. İstanbul, 1964.

About the author: Abidulin Alim Maratovich Candidate of History, Docent of the Department of Eastern Languages and Language-cultural science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Head of the Department of Oriental Studies, African Studies and Islamic Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University, e-mail: abidulinam@gmail.com

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.

**ГАБДУЛЛА ШНАСИ (1885–1938) –
ТАБИГАТЬ ФЭННӘРЕ БУЕНЧА
ДӘРЕСЛЕКЛӘР АВТОРЫ**

Л.Р. Муртазина

*Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең
Ш.Мәрҗани исемендәге Тарих институты
Казан, Татарстан Республикасы, Россия Федерациясе
lyalyamut@mail.ru*

Резюме. Мәкаләдә танылган педагог һәм методист Габдулла Шнасиның Октябрь революциясенә кадәр һәм совет чорында татар мәктәп-мәдрәсәләрендә уку эсбабы буларак файдаланылган дәреслекләре турында сүз бара. Авторның табигать фәннәре буенча язылган дәреслек-кулланмаларының үзенчәлекләре, эчтәлеге яктыртыла, аларга анализ ясала. Шнаси, татар мәдрәсәләре тарихында беренчеләрдән булып, физика-химия кабинеты оештыра, шәкертләр белән төрле тәҗрибәләр үткәрә, педагогик эшчәнлегенә таянып, татар телендә беренче мөстәкыйль химия дәреслеген төзеп бастыра. Аның дәреслек һәм кулланмалары татар мәктәпләре өчен генә түгел, башка төрки халыкларның мәгарифе үсешенә дә зур өлеш кертә.

Мәкаләдә шулай ук Г.Шнасиның 1920 нче елларда дәреслекләр өчен татарча атамалар булдыру өлкәсендәге эшчәнлеге тасвирлана, тормыш һәм хезмәт юлына, педагогик эшчәнлегенә кагылышлы кайбер фактларга басым ясала.

Төп төшенчәләр: Габдулла Шнаси, шәкерт, мәдрәсә, мәктәп, дәреслекләр, табигать фәннәре, химия, физика, фәнни атамалар.

Сылтама өчен: Муртазина Л.Р. Габдулла Шнаси (1885–1938) – табигать фәннәре буенча дәреслекләр авторы. *Тюркологические исследования*. 2018; Т.1, №4: 107–115.

Күп гасырлык тарихка ия булган татар мәдрәсәләренең төпле белем бирүләре турындагы фикер берәүдә дә шик уятмый. Татарлар арасында жәдитчелек хәрәкәте киң таралу белән, укытуның эчтәлеге тагын да киңәя, дөньяви предметларны укытуга игътибар арта, астрономия, физика, география, химия кебек фәннәр буенча дәреслекләр языла. Дәреслек авторлары булып нигездә мәдрәсә мөдәррисләре торган. Шулай ук вакытта шәкертләр арасында да дәреслек төзүчеләр булган. Мәсәлән, гомерен балаларга белем бирүгә багышлаган Яңа Смәел мулласы (Киров өлкәсе) Мөхәммәтзыя Бәхтияри әл-Мәмдәлинең (1877–1974) Түнтәр мәдрәсәсендә укыган вакытта ук арифметика һәм астрономиядән кулъязма дәреслек язуды, озак та үтми аны

Казанда бастырып чыгаруы билгеле [1]. Мондый мисалларны шактый күп китерергә мөмкин. Бу, бер яктан, мэдрәсәләрдә белем бирүнең куелышы югары дәрәжәдә булу, педагогик осталыкка зур игътибар бирелү турында сөйләсә, шул ук вакытта татар шәкертләренең кызыксынучан, гыйлемле булуларын да раслый. Татар телендә табигать фәннәре буенча дәреслекләр язу, әлеге предметларны укуының методикасын эшкәртүдә зур өлеш керткән мәгърифәтче-галимнәр арасында күренекле педагог Габдулла Сабир улы Ибраһимов (Шнаси) исеме лаеклы урын били. Аның «Мохтәсар кимия»се химия буенча татар телендә язылган мөстәкыйль дәреслекләренең беренчесе булып санала [2, б. 11].

Г.С.Ибраһимов 1885 елда Оренбург губернасының Троицк шәһәрәндә (хәзер Чиләбе өлкәсенә карый) дөньяга килә. Кече яшьтән үк белемгә тартылган 15 яшьлек яшүсмер егет 1900 елда Төркиянең Константинополь (Истанбул) шәһәрәнә юнәлә, гимназиядә һәм Константинополь университетының табигать белеме факультетында белем ала. Үтә кызыксынучан, табигать фәннәре буенча мөстәкыйль эзләнүләр алып барган студент егеткә иптәшләре “Шнаси” (фарсы телендә “шенас” – “белүче, белемле, тәҗрибәле; кызыксынучан, аңлаучы” мәгънәләрен аңлата) дигән исем бирәләр. Озакламый әлеге тәхәллүс аның фамилиясенә әверелә. Нәкъ менә Төркиядә белем алу чорында ул табигать фәннәре буенча гыйлем һәм күнекмәләр туплый, соңыннан аларны дәреслекләр язуда, педагоглык эшчәнлегендә уңышлы файдалана.

Г.Шнасиның укуычылык хезмәтенең башлангыч чоры Уфа шәһәре белән бәйлә. 1908 елның көзендә ул “Галия” мэдрәсәсендә физика, химия һәм математика фәннәрен укуыта башлый. Химия, билгеле булганча, бу чорда бар мэдрәсәләрдә дә укуытылмый. Г. Шнаси, мэдрәсәдә эшли башлау белән, татар мэдрәсәләре тарихында беренчеләрдән булып, физика-химия кабинеты оештырып жибәрә һәм анда шәкертләр белән төрледән-төрле тәҗрибәләр үткәрә. Татар телендә химия дәреслегә булмау сәбәпле, ул һәр дәрескә үзә махсус әзерләнәп, лекция конспектлары булдыра һәм шулар нигезендә дәреслек язу кирәклегә турындагы карарга килә. Аның “Мохтәсар кимия” дәреслегә нәкъ шушы чорда языла башлый, беренче кисәге 1910 елда Казанда басылып чыга. Автор үзә китапның тышлыгында күрсәткәнчә, ул аны француз телендәгә дәреслекләр һәм башка фәнни хезмәтләргә нигезләнәп яза [9]. Дәреслекнең икенче өлешә 1912 елда Оренбург шәһәрәндә басылып чыга [10]. Һәм, белгечләренең раславынча, бу әсбап революциягә кадәргә чорда татар мэдрәсәләре өчен язылган иң камил дәреслекләренең берсә булып тора, шул сәбәпле уку-укуыту барышында бик киң кулланылган [4, б. 109].

Бу дәреслекнең язылу тарихына тукталып, дәреслекнең кереш өлешендә Г.Шнаси үзә болай дип яза: “үз телемездә бу фәнгә караган бер китап булмавы вә госманлыча язылганнарының шивәләре бик авыр булуы минә бик аптыратты [...]. Шул вакыт кулымда булып, тәртип вә ысулы күнелемә охшаган вә Франциядә мөгаллимнәр жыелышы белән игъдадия (югары мәктәпкә әзерлек класслары – Л.М.) дәрәжәсендәгә фәнни мәктәпләр өчен тәртип

французча бер химия китабын шәкертләрнең икътидары (*мөмкинлекләре* – Л.М.) вә ихтыяжларына күрә берәз тәгъдил илә (*йомшартып* – Л.М.) тәржемә итеп, укыта башладым. Ул вакытка чаклы голүме табигыядан (*табигать фәннәреннән* – Л.М.) һич бер нәрсә күрмәгән шәкертләр химия хакында яхшы ук мәгълүмат алдылар” [9, б. 2]. Әлеге ысулга нигезләнеп укыту яхшы нәтижәләргә китерә: ел азагында үткәрелгән гомуми имтихан вакытында укучыларның химия буенча алган белемнәренә нык, төпле икәнлегә ачыклана. Шәкертләрнең әлеге конспектларны китап рәвешендә эзерләп чыгаруны үтенүләренә җавап итеп, басма химия дәреслегенә шәкертләрне лекция язудан коткарачагын, шулай ук аннан башка мәдрәсә шәкертләре дә файдалана алачагын күздә тотып, Шнаси дәреслекне төзү эшенә керешә.

Билгеле булганча, дөньяви фәннәр буенча дәреслекләр нигездә башка телләрдә дөнья күргән эсбаплардан тәржемә рәвешендә языла. Атаклы педагог Каюм Насыйриның фәннең төрле юнәлешләренә караган дәреслекләрендә дә бу принцип саклана. Совет чоры уку эсбаплары шулай ук нигездә тәржемә ысулы белән язылган. Г.Шнасиның химия дәреслеге, инде әйтеп узганча, татар тарихында беренче мөстәкыйль дәреслек. Ул, әлбәттә, башка телләрдә дөнья күргән дәреслекләргә нигезләнеп язылган. Автор үзе билгеләп узганча, гәрчә ул бу дәреслекне язганда француз телендә язылган химия дәреслегеннән файдаланса да, ул турыдан-туры тәржемә түгел: “Төркичә вә французча язылган башка китапларны да кулланып, бик тиеш күрелгән жирләрен ислах иттем (*үзгәрттем, яхшырттым* – Л.М.). Бик мөфассал (*тулы, җентекле* – Л.М.) китапларда гына табыла торган бәгъзе һәм нәрсәләргә гыйльәв таң иттем (*куштым, өстәдем* – М.Л.)” [9, б. 3].

Дәреслекнең төп эһәмияте нидә соң? Әлбәттә, иң беренче чиратта, аның татар телендә язылуында. Бу аның татарлар гына түгел, бәлки төрки телле башка күп санлы халыклар, мөселманнар арасында фәнни белемнәренә таралуына ярдәм итү мөмкинлеге белән билгеләнә. Ләкин автор табигать фәннәрен өйрәтүдә бер үк вакытта Европа тәҗрибәсенә дә таянуның дәреслеген асызыкый.

Бу чорда “Мохтәсар химия” химия укытылган барлык мәдрәсәләрдә – “Мөхәммәдия”дә, “Иж-Бубый”да, “Хөсәения”дә кулланыла [4, б. 109]. Ул рәсемнәргә бай булуы белән дә, көнчыгыш һәм рус химиклары турында биографик мәгълүматлар бирелү белән дә кызыклы. Беренче китапта химиянең төп курсына караган төп төшенчәләр (материя, жисем, элементлар, атом, химия законнары һ.б.) бирелсә, икенчесендә металллар турында мәгълүмат бирелә. Әлеге дәреслек, үзенә камиллеге һәм химия курсын шактый жентекле яктыртуы сәбәпле, татар мәдрәсәләрендә генә түгел, совет чоры мәктәпләрендә дә 1929 елга кадәр кулланылышта була [4, б. 113].

1910–1912 елларда Г.Шнаси оешуының беренче көннәреннән үк яңа метод буенча укытуга, дөньяви һәм табигать фәннәренә зур игътибар биргән “Хөсәения” мәдрәсәсендә эшли. Татар дөньяви мәктәбе өчен киң профильле

белгечләр – башлангыч белем бирүче укытучылар, урта һәм югары белем бирү белгечләре, шулай ук мәдәният, хужалык учреждениеләре өчен кадрлар әзерләүне максат иткән әлеге мәдрәсәдә мантыйк (логика), фәлсәфә һәм фәлсәфә тарихы, культурология (мәгълүмәтә мәдәния), рус, татар, гарәп һәм фарсы телләре һәм әдәбиятлары, геометрия (тригонометрия белән), алгебра, физика, химия, астрономия, география, гомуми, тарих, табигать белеме, зоология һәм ботаника, законнар, политэкономия һәм сату эше, бухгалтерия, сызым һәм рәсем, педагогика һәм дидактика, психология, гигиена һәм медицина белеме нигезләре, гимнастика кебек гомуми дөньяви дисциплиналар белән беррәттән [3, б. 17–18], Европа телләрен – немец һәм француз телләрен өйрәтүгә дә игътибар бирелгән. Шулай ук вакытта физика, химия кебек табигать фәннәренә аеруча житди мөнәсәбәт булган. «Хөсәения» мәдрәсәсе тарихын жентекләп өйрәнгән галимә М.Ф. Рәхимкулованың табигать фәннәренен бирелеше ягыннан караганда “Хөсәения”не реаль училищеларга якын тора дип билгеләве дә шуның белән бәйләдер, мөгаен [3, б. 17].

Моннан тыш, Г. Шнаси татарча физика дәреслекләре авторы буларак та яхшы билгеле. Аның урта мәктәпләр һәм педагогия курслары өчен төзелгән “Хикмәтә табигыйя дәреслеге” [11] 1916–1920 елларда Уфада берничә тапкыр басылып чыга. Дәреслекнең максаты – шәкертләргә физика курсының төп төшенчәләренә өйрәтү. Соңгы басма, авторның үзе билгеләвенчә, авыл мәктәпләре өчен махсус языла. Икенче баскыч мәктәпләр һәм педтехникумнар өчен 3 кисәктән торган “Физика дәреслеге” [9, 10] шулай ук берничә тапкыр басылып чыга.

1929 елда Казанда атаклы галим һәм педагог Х.Мөштәри белән берлектә Г.Шнасиның 3 кисәктән торган «Физика» дәреслеге дөнья күрә. Ул рабфаклар, беренче баскыч мәктәпләр, партия мәктәпләре һәм үзлегеннән физиканы өйрәнүчеләргә ярдәм итүне максат итә [13, 14, 15].

Г.Шнаси дәреслекләре фәнни атамалар бирелеше ягыннан да шактый камил булалар. Шулай сәбәпле алар совет мәктәбендә дә озак вакытлар кулланылыштан төшмиләр. Әмма, кызганычка каршы, 1933 елда ВКП (б) УК ның СССР территориясендә бердәм дәреслекләргә генә кулланылуга юнәлдерелгән “Башлангыч һәм урта мәктәпләр өчен дәреслекләр турында”гы карары кабул ителгәннән соң, татар телендә язылган барлык дәреслекләр, шулай икән, Г. Шнасиның табигать фәннәре буенча язылган дәреслекләре дә, күлгәдә кала. Моннан соңгы елларда мәктәпләрдә фәкать рус авторларының татар теленә тәржемә ителгән дәреслекләрен генә кулланылу мөмкинлеге калдырыла [2, б. 15]. Әлеге вазгыять 1980 еллар ахырларына кадәр дәвам итте. XX гасыр ахырында, ниһаять, татар галимнәре тарафыннан язылган дәреслекләр (мәсәлән, В. Гайфуллинның урта мәктәпләр өчен “Физика” дәреслеге, Г. Даутов житектеләгендә вузлар өчен язылган “Физика” дәреслекләре һ.б.) кулланыла башлады. Ләкин, кызганычка каршы, бу алтын чор озак дәвам итә алмады – XXI гасыр башы Россия мәгариф системасында барган үзгәрешләр татар

мәктәбендә дә бары тик үзәкләштерелгән, бердәм дәрәсләкләрне генә файдалану мөмкинлеген калдырды.

Инде әйтеп узылганча, Шнаси бик әзерлекле, фәннең төрле тармаклары буенча тирән белемгә ия була. Табигать-математика фәннәреннән тыш, ул телләр өйрәнү белән дә бик нык кызыксына. Күп телләр белүгә омтылыш, мөгаен, аның гимназиядә һәм университетта укыган вакытында формалашкандыр. Татар мәдрәсәләрендә гарәп, фарсы, төрек телләре буенча шактый нигезле белем бирелүе билгеле. Әлеге телләрдән тыш, Г. Шнаси француз телен яхшы белгән, үзбәк, азәрбайжан телләрендә жиңел аралашкан. Бу мәгълүматны Г. Шнасиның хәзерге көндә ТР Милли музеенда сакланучы документлары сөйли. 1986 елда Мәдинә Рәхимкулова тарафыннан Габдулла Сабир улы Ибраһимовны (Шнасины) “Зур совет энциклопедиясе”нә кертү өчен документлардан торган махсус папка туплана. Кызганычка каршы, әлеге документлар Мәскәүгә барып ирешмиме, яисә Г.Шнасины “Зур совет энциклопедиясе”нә кертүне кирәк дип тапмыйлармы, һәрхәлдә, 1986 елдан соң чыккан басмаларда (бу елларда ул “Зур Россия энциклопедиясе” булып дөнья күрә башлый) күренекле педагогыбыз турында мәгълүмат табылмады. Шунысы куанычлы: “Татар энциклопедиясе”ндә [6, б. 423] һәм “Татар педагогик фикере антологиясе”ндә [5, б. 161–162] Г.Шнасига багышланган махсус мәкаләләр урнаштырылган.

Күп телләр белүе Г. Шнасиның педагогик эшчәнлегендә һәрдаим чагылыш таба. Француз, төрек, гарәп телләре буенча белемнәрен ул дәрәсләкләр язуда (мәсәлән, алда әйтеп узылган химия дәрәсләген) файдаланса, француз телен яхшы белүе “Госмания” мәдрәсәсендә француз теле буенча факультатив дәрәсләр алып барырга мөмкинлек бирә.

Г. Шнаси “Галия”, “Госмания”, “Хөсәения” мәдрәсәләреннән тыш, 1915–1921 елларда Уфадагы икенче баскыч мәктәптә, педтехникумда, совет партия мәктәбендә, Халык мәгарифе институтында да эшли. 1925 елда Казанга күченеп килгәннән соң, Татар коммунистик университетында (1932 елга кадәр), педтехникумда (1929 елга кадәр), сәнгать техникумында, педагогия институтында (1937 елга кадәр), авыл хужалыгы институтында студентларга белем бирә. Моннан тыш, ул Наркомпросста фәнни редактор вазыйфаларын да башкара.

Революциядән соң яңа мәктәп төзү һәм аны заманча дәрәсләкләр белән тәэмин итү мәсьәләсе ана телендә яна дәрәсләкләр төзү, аларда татарча атамаларны куллану мәжбүриятен тудыра. Моңа кадәрге дәрәсләкләрдә файдаланылган гарәп-фарсы алынмалары урынына татарча терминнар булдыру мәсьәләсе куела. 1925 елның 17 сентябрендә Гыйльми үзәк президиумы утырышында терминология мәсьәләләре белән шөгыйльләну эше бу өлкәдә шактый тәҗрибәле педагог Габдулла Шнасига тапшырыла [8, б. 53].

Гомумән алганда, татар атамаларын булдыруга үзенең өлешен Г.Шнаси әле беренче дәрәсләкләрен эшләү дәверендә үк кертә. Табигать фәннәре

буенча дәреслекләр язганда атамаларны куллану мәсьәләсенә килгәндә, бу чорда күзәтелгән кайбер берьяклы (бары тик татарча терминнар гына яисә, киресенчә, рус атамаларын куллану) фикерләргә каршы чыгып, ул татар телендә язу, кирәк булганда гарәп сүзләрен куллану, моңарчы татар фәнендә бик үк билгеле булмаган күренешләрнең исемнәрен госманлыча (төрөкчә) язарга кирәклегә турындагы фикерен житкерә [9, б. 3]. Моннан тыш ул үз дәреслекләрендә рус телендәге атамалардан качарга кирәкми, дигән фикерне уздыра, чөнки, “русча белгән шәкертләргә рус телендәге химия китапларын аңлау жинел булсын дидем. Һәм дә русча исемнәрне белү аркасында жисемнәрне аптекарский магазиннан алып химия тәжрибәләре ясау ансат булачактыр” [9, б. 3]. Татарча атамалар эшлүдә ул аның аңлаешлылыгын, төгәллеген, мәгънә белдерүдәге камиллеген беренче урынга куя. Педагог фикеренчә, татар дәреслекләрендәге атамаларның барысының да бары тик татар телендә генә бирелүе шарт түгел, чөнки кайбер очракларда, теге яки бу мәгънәне белдергәндә бер генә сүзне кулланып булмый, катлаулы атамалардагы сүзләрнең төрле телләрдән алынган булуы мөмкин. “Физика атамалары” һәм “Математика атамалары” китапларының редакторы буларак, ул иң беренче чиратта энә шуларга игътибар итә. 1927 елда Шнаси “Гыйльми үзәкнең һәм татар гыйльми көчләрнең тырышлыклары аркасында 15 меңгә якын атама эшләнде, татар теле гыйлем теленә әйләнде”, – дип яза [16, б. 71].

Г. Шнаси, табигать фәннәреннән тыш, педагогика һәм тәрбия тарихы, укыту һәм тәрбия методикасына багышланган китаплар, шулай ук фән һәм техника үсешенә төрле тармакларына багышланган фәнни-популяр брошюралар авторы да. Аның «Тәгълим вә тәрбия тарихы вә дөнъяның философлары» дигән китабы 1911 елда Уфада, укытучылар институтлары өчен язган “Ысул тәгълим вә тәрбиядән фәнни тәдрис” хезмәте 1912 елда Оренбургта дөнъя күрә. Авторның шулай ук халык арасында фәнни белемнәрне таратуга багышланган «Кыскача биология», «Матдә төзелеше», «Жан бармы?», “Жир өстендә башлап тереклек яратылу” кебек китаплары да билгеле.

“Хөсәения” мэдрәсәсе укытучыларының, шул исәптән, Г. Шнасиның дәреслекләре һәм укыту кулланмалары да, Идел-Урал, Себер һәм Төркестан мөселман уку йортларында киң файдаланыла [7, б. 74]. Шнасиның химия, физика дәреслекләре элеккеге СССРда яшәүче күп кенә төрки халыклар – казах, үзбәк, башкорт, тажик телләренә тәржемә ителә. Бу исә Габдулла Шнасины татарлар өчен генә түгел, башка төрки халыкларның мәгарифе үсешенә дә шактый зур өлеш керткән педагог-галим дип расларга тулы мөмкинлек бирә.

Әдәбият исемлеге

1. Бәхтияр М. Каванин әл-хисаб. Казань: Типо-литография Императорскаго университета, 1898. 88 б.
2. Мифтахова Н.Ш. Химия буенча татар телендәге беренче китаплар // Фәнни Татарстан. 2005. № 3/4. 11 б.

3. Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Оренбург, 1997. 254 с.
4. Рахимкулова М.Ф. Преподавание естественных наук в татарских школах дореволюционной России: Страницы истории татарских школ в России. Оренбург, 1998. 217 с.
5. Татар педагогик фикере антологиясе: 2 томда. Т.2. Казан: Татар.кит. нәшр., 2016. 486 б.
6. Татарская энциклопедия: В 6 т. Т.6. Казань: ИТЭ, 2014. 720 с.
7. Шарипов А.А. Роль медресе «Хусаиния» в формировании и возрождении мусульманского образования в Оренбургском крае. Дисс. к.и.н. Казань: 2014. 213 с.
8. Шәмсетдинова Р., Гаффаров И. Шинаси – белем иясе // Фән һәм тел. 2012. № 2. 51–54 б.
9. Шнаси Г. Мохтәсар химия. 1 кис. Мөкаддимә. Шибһә мәгадин. Франциядә мөгаллимләр жылышы илә игъдади дәрәжәсендә фән укытыла торган мәктәпләр өчен тәртип ителгән химия китабы әсас тотылып тәржемә вә тәлиф улынды. Казан: “Юл” көтепханәсе, 1910. 172 б.
10. Шнаси Г. Мохтәсар химия. 2 кис. Мәгадип. Оренбург: “Вақыт”, 1912. 106 б.
11. Шнаси Г. Хикмәте табигья дәрәслеге. Механика, сыеклыклар, газлар. Уфа, 1920. 132 б.
12. Шнаси Г. Физика дәрәслеге. 2 нче баскыч мәктәп һәм педтехникумнар өчен. Казан, 1924. 167 б.
13. Шнаси Г., Мөштәри Х. Физика. 1 кис. Механика, сыеклык, газлар. Рабфаклар, 2 нче баскыч мәктәпләр, техникумнар һ.б. өчен дәрәслек. Үзлегеннән укучылар өчен ярдәмлек. Казан: Таткнигоиздат, 1929. 135 б.
14. Шнаси Г., Мөштәри Х. Физика. 2 кис. Молекулалар гипотезасы, жылылык, магнетизм, электричество. 2 нче баскыч мәктәпләр, эшфаклар, техникумнар һ.б. өчен дәрәслек, үзлегеннән укучылар өчен ярдәмлек. Казан: Таткнигоиздат, 1929. 248 б.
15. Шнаси Г., Мөштәри Х. Физика. 3 кис. Тавыш, яктылык, гомумән тирбәнү хәрәкәте һәм радио. 2 нче баскыч мәктәпләр, эшфаклар, техникумнар һ.б. өчен. Казан: Таткнигоиздат, 1929. 208 б.
16. Шнаси Г. Ун ел эчендә Татарстанда гыйльми атамалар эшләү нәтижәсе. *Мәгариф*. 1927. №4. Б. 66–71.

Автор турында белешмә: Ләлә Рәис кызы Мортазина – педагогика фәннәре кандидаты, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенен Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының Милли мәгариф тарихы һәм теориясе үзәге әйдәп баручы фәнни хезмәткәре, e-mail: lyalyamur@mail.ru

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

GABDULLA SHNASI – AUTHOR OF TEXTBOOKS OF THE NATURAL SCIENCE CYCLE

L. Murtazina

*Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation
lyalyamur@mail.ru*

Abstract. The article highlights the activities of a prominent teacher and Methodist Gabdulla Shnasi to create the first textbooks of the natural science cycle for the Tatar schools of the pre-revolutionary and Soviet period. His textbooks on chemistry and physics are analyzed. The Gabdulla Shnasi went down in history of Tatar pedagogical thought as the author of the first independent and one of the most perfect chemistry textbooks for Tatar madrasas, which was compiled on the basis of his personal experience in teaching chemistry to Tatars. His textbooks have long been used not only in Tatar schools and madrasas, but also in educational institutions of other Turkic peoples.

Keywords: Gabdulla Shnasi, Shakirds, Madrasa, Maktab, textbooks, natural sciences, chemistry, physics, scientific terminology.

For citation: Murtazina L. Gabdulla Shnasi – Author of Textbooks of the Natural Science Cycle. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 4: 107–115. (In Russ.)

References

1. Bəhtiyar M. Kavanin əl-hisab. Kazan!: Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. 88 b. (In Tatar)
2. Miftahova N.Sh. Himiya buencha tatar telendəge berenche kitaplar. *Fənni Tatarstan*. 2005. № 3/4. 11 b. (In Tatar)
3. Rahimkulova M.F. Medrese «Husainiya» v Orenburge. Orenburg, 1997. 254 s. (In Tatar)
4. Rahimkulova M.F. Prepodavanie estestvennyh nauk v tatarskih shkolah dorevolucionnoj Rossii: Stranicy istorii tatarskih shkol v Rossii. Orenburg, 1998. 217 s. (In Russian)
5. Tatar pedagogik fikere antologiyase: 2 tomda. T.2. Kazan: Tatar.kit.nəshr., 2016. 486 b. (In Tatar)
6. Tatarskaya enciklopediya: V 6 t. T.6. Kazan!: ITE, 2014. 720 s. (In Russian)
7. Sharipov A.A. Rol' medrese «Husainiya» v formirovanii i vrozozhdenii musul'manskogo obrazovaniya v Orenburgskom krae. Diss. k.i.n. Kazan!: 2014. 213 s. (In Russian)

8. Shəmsətdinova R., Gaffarov I. Shinasi – belem iyase. *Fən həm tel.* 2012. № 2. 51–54 b. (In Russian)

9. Shnasi G. Mohtəsar himiya. 1 kis. Məkaddimə. Shibhə məgadin. Franciyadə mөгallimlər жыelyshy ilə ig"dadi dərəжəsəndə fən uktyyla torgan məktəplər өчен тәrtip itelгән himiya kitabы əsas totylyp tərжəmə və tәlif ulyndy. Kazan: “Yul” kөtəphanəse, 1910. 172 b. (In Tatar)

10. Shnasi G. Mohtəsar himiya. 2 kis. Məgadip. Orenburg: “Vakyt”, 1912. 106 b. (In Tatar)

11. Shnasi G. Hikməte tabigyya dərəsege. Mekhanika, syeklyklar, gazlar. Ufa, 1920. 132 b.

12. Shnasi G. Fizika dərəsege. 2 nche baskych məktəp həm pedtekhnikumnar өчен. Kazan, 1924. 167 b. (In Tatar)

13. Shnasi G., Məshətəri H. Fizika. 1 kis. Mekhanika, syeklyk, gazlar. Rabfaklar, 2 nche baskych məktəplər, tekhnikumnar h.b. өчен dərəselek. Yzlegennən ukuchylar өчен yardəmlək. Kazan: Tatknigoizdat, 1929. 135 b. (In Tatar)

14. Shnasi G., Məshətəri H. Fizika. 2 kis. Molekulalar gipotezasy, жыlylyk, magnetizm, elektrichestvo. 2-nche baskych məktəplər, eshfaklar, tekhnikumnar h.b. өчен dərəselek, yzlegennən ukuchylar өчен yardəmlək. Kazan: Tatknigoizdat, 1929. 248 b. (In Tatar)

15. Shnasi G., Məshətəri H. Fizika. 3 kis. Tavysh, yaktylyk, gomumən tirbəny hərəkəte həm radio. 2 nche baskych məktəplər, eshfaklar, tekhnikumnar h.b. өчен. Kazan: Tatknigoizdat, 1929. 208 b. (In Tatar)

16. Shnasi G. Un el echəndə Tatarstanda gyjl'mi atamalar eshləy nətiжəse. Məgarif. 1927. №4. B. 66–71. (In Tatar)

About the author: L. Murtazina – Cand. Sci. (Pedagogy), Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation), e-mail: lyalyamur@mail.ru

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.

ТАТАРСКО-ТУРЕЦКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.И. Башаран

Казанский Федеральный Университет

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

vincerik@hotmail.com

Резюме. В статье рассматривается исторический аспект отношений Татарстана и Турции в культурной и образовательной сфере. Взаимоотношения татарских и турецких мыслителей, ученых, а также общественных деятелей всегда поддерживались на должном уровне и оказывали влияние на деятельность, творчество обеих сторон, что нашло свое отражение во многих произведениях.

Ключевые слова: Татарстан и Турция, культурные связи, образовательные связи, исторические аспекты.

Для цитирования: Башаран В.И. Татарско-турецкие культурные и образовательные связи: исторический аспект. *Тюркологические исследования*. 2018; Т.1, №4: 116–122.

Основная цель османских исследователей, посетивших волжские земли в 14–17 вв. было изучение татарской культуры, они стремились собрать информацию о традициях, быте, религии татарского народа, в то же время природа волжского края также была в центре исследований. К примеру, один их губернаторов Анатолии, суфийский поэт Умми Кемаль провел большую часть своей жизни в волжском регионе, поэтому во многих источниках его имя фигурирует как татарский поэт. Влияние религии и татарской литературы очень заметно на всем его творчестве, его стихи больше печатались не в Турции, а именно в Татарстане. Сборник его стихов «Диван» несколько раз печатался в Казани. В 1666 году известный турецкий путешественник Челеби Эстерхан приехал в город Сарай Берке, при этом посетил и татарские деревни, что также нашло отражение в его воспоминаниях. Он пишет о том, что «татары никогда не сплетничают, не обманывают, не сеют клевету и не боятся никого». Эстерхан собрали и опубликовал большое количество интересной информации о традициях, быту, религиозных отношениях, природе населения Сарая и Казани, при этом всегда делился этой информацией с лицами, с которыми он встречался. Татарский ученый Ризаэтдин Фахретдин был первым, кто рассказал свои соплеменникам о деятельности Челеби.

Посещение татарами османских земель было связано, в первую очередь, с тем, что путь в мусульманские святыне места проходил именно через нынешнюю Турцию, во-вторых, стремление путешествовать у татарской молодежи было связано со стремлением получить образование. В данный период культурное взаимоотношение двух народов было преимущественно в религиозном русле, мыслители в своих произведениях чаще затрагивали тему посещения религиозных мест, обменивались впечатлениями. Часть этих воспоминаний печаталась в газетах, таким образом становилась достоянием широкой общественности.

Возрождение национального самосознания и изучения культурного наследия в начале XVIII века оказало свое влияние и в области культуры. Культура оказывала свое влияние и на общественное развитие. Утыз Имени (1756–1834), Ялыгул (1768–1838), Курсави (1776–1812) стремились показать в своих произведениях и деятельности новые культурные потребности. Один из первых реформаторов, который выступил против стагнации, отсталости в татарской культурной жизни был Габденнасыр Курсави (1776–1812), он заболел во время совершения хаджа и был похоронен в Стамбуле, в районе Юскюдар в мечети Султанйие. Открытие Казанского Университета в 1804 году – это важное событие, которое оказало влияние на развитие культуры, образования и общественной жизни татарского народа в целом. Этот период можно также охарактеризовать и для Османской империи. Бухара и Самарканд, являвшиеся традиционными для российских мусульман образовательными центрами, с конца XIX века начали терять свой престиж из-за старых методов преподавания. Османские школы и университеты предлагали, как достойное религиозное образование, так и соответствующие своему времени светские знания.

Как стало известно из воспоминаний, написанных известным религиозным, общественным деятелем, ученым, философом и историком Шигабутдином Марджани, опубликованных в 1915 году, он посетил в 1880 году Стамбул, где посетил районы Сулейманийе, Нурсманийе, Вефа, а также Святую Софию и дворец Долмабахче. В Стамбуле он встречался с многими учеными, шейхулисламом Ахмедом Эсадом, министром юстиции Ахмедом Джевдетом Пашой, министром иностранных дел Асымом Мехмедом Пашой и другими. Во время этих встреч происходил обмен информацией, взглядом, мнений. В своих работах он отметил, что Асым Паша знает его произведения, задавал вопросы о российских мусульманах и образовательной системе страны, отметив, что татары – это тюркский народ, а значит, и свои книги Марджани должен писать на турецком языке, в ответ на что Марджани отметил важность распространения книг в других странах и доступности для всех читателей, поэтому подчеркнул необходимость использования и арабского языка, в частности в научных текстах. Приезд татарского ученого в Османскую Империю был широко освещен в стамбульской прессе, где указывалось, что

состоялся обмен мнениями между учеными, в частности о культурной жизни мусульманского мира [13].

Закир Рамеев, более известный как поэт Дәрдемәнд, в 1880–1881 годах проживал в Стамбуле, выучил турецкий язык и изучил турецкую литературу, имел возможность встретиться со многими известными деятелями и учеными. Чтение произведений Фезули, Габдельхака Хамита, Тевфика Ризы, Габдуллы Джевдетлера только увеличило его литературный интерес, давало вдохновение для его творчества. По возвращению на родину он начал переводить множество рассказов и романов с турецкого языка, а во время написания собственных произведений, безусловно, опирался и на свой турецкий опыт [12, с.45].

Хотя в конце XIX – начале XX века основу татарской системы образования и составляли мусульманские школы и медресе, среди татарской молодежи было огромное желание получить секулярное высшее образование, Османская Империя в вопросе получения высшего образования занимала важное место, так как в турецкой столице, к примеру, было больше возможности изучить западные языки, в частности французский, точные науки и т.д. Но что важнее всего общая религия, близость языков только укрепляла двусторонние отношения, обмен мнениями обогащал внутренний мир, оказывало влияние на их творчество. Очень часто татарская молодежь по возвращению в родные края вела занятия в медресе по турецким книгам и учебникам, так как закупка учебных материалов также была важной частью этих поездок.

Начало XX века и для татарской, и турецкой литературы знаменуется переломными моментами, меняются традиционные темы творчества, входят в обиход новые литературные приемы, используется опыт восточной и западной литературы. Писатель Шериф Камал побывал в Стамбуле в 1900 году и на протяжении одного года посещал лекции в Стамбульском университете, в свободное время писал свои театральные произведения, для чего изучал и различные слои турецкого общества. Махмут Алмаев изучал типографское дело в Стамбуле, по возвращению в Казань начал подготовку выпуска журнала «Чүкеч» (Молоток). Галиаскар Камал был в Стамбуле два раза. В 1901 году познакомился со многими турецкими писателями, в частности с Намыком Кемалем, в книжном магазине «Мәгариф» (Образование), открытом в Казани, осуществлялась продажа и выставка привезенных им турецких книг. В 1912 году он приезжает в Стамбул в качестве корреспондента газеты «Йолдыз» (Звезда). Два месяца Камал анализировал события Балканской войны, опубликовал около двадцати статей [12, с.50]. Галиаскар Камал также изучал экономическое, политическое и культурное положение Османской Империи. Эти статьи, содержащие очень подробную информацию, имеют важное значение, так как Камал находился в самом эпицентре исторических событий. Он также встречался с общественными деятелями, к примеру, с

Энвером Пашой, со многими представителями интеллигенции и очень часто обсуждал происходящее и с простым народом. Здесь необходимо отметить, что отцом профессиональной татарской драматургии является Камал. Именно его пьесы способствовали повышению интереса к театральному искусству. В самом начале театрального пути чаще всего ставилась пьеса «Несчастный юноша» (Zavallı çocuk), написанная Намыком Кемалем в 1873 году, которая была переведена Камалом в 1900 году. А следующей театральной постановкой была пьеса «Горе от любви» Габдульхака Хамита в переводе Г. Карама [7].

Одним их самых ценных произведений, относящихся к жанру заметок о путешествиях, является «Стамбульские письма» (1902–1914) Ф.Карими. Это произведение было напечатано в газете «Вақыт» (Время) в виде коротких статей. В «Стамбульских письмах» Карими выступает в качестве «опытного аналитика, психолога, социолога и политика». Литературный критик Нигматуллин, подчеркивая важность произведения в татарской литературе, отмечает, что Карими в этом произведении затронул значимые темы о развитии нации и обозначил перспективы ее развития.

Как известно, такие татарские мыслители, ученые как Абдурашид Ибрагимов, Юсуф Акчура, Гаяз Исхаки, Садри Максуди Арсал, Габдельбари Баттал-Таймас, Рашит Рахмати Арат, Ахмет Тимер, Зеки Валиди Туган и др. провели в Турции большую часть жизни и оказали важное влияние на политическую, общественную и литературную жизнь страны. К примеру, известный турецкий поэт, автор турецкого гимна Мехмет Акиф Эрсой не только дружит с Абдурашидом Ибрагимовым, но и в своем произведении «Фазы» (Safahat) в его разделе «Трибуна Сюлейманийе» описывает своего друга под именем Феяз и от его имени обращается к народу [12, с.52]. В 1998 году был найден дневник Абдурашида Ибрагимова, который один период своей жизни провел в деревне Бёгрюделик в Джиханбейли района Коньи, где проживает татарское население. Этот дневник был написан на арабском, турецком, татарском, персидском и русском языках. Большая часть тем была посвящена исламу и восточным вопросам и др. [8].

Известный общественный и политический деятель Юсуф Акчура (1876–1935) провел последние годы своей жизни в Турции. Как известно, им были написаны важные работы по истории, политике и культуре. В статьях, опубликованных в журнале «Мәғлүмат» (Информация) он затрагивал тему татарско-турецких отношений, в частности. Гаяз Исхаки (1878–1954) очень часто посещал Турцию, читал турецкую литературу и часто публиковал статьи в журнале «Тюрк Юрду» (Турецкое Отечество).

Нужно отметить, что татарско-турецкие культурные и образовательные связи поддерживались и на казанской земле. В 1910 году бывший визирь Османской империи Хюсейин Хильми Паша посетил Казань. В программу визита было включено посещение исторических мест, университета, университетской библиотеки, в особенности факультетов, где преподавались языки

[11]. Отвечая на вопросы корреспондента самарской газеты, Хильми Паша посетовал на закрытость казанских мусульманских школ от всего мира, отметил, что необходимо много сотрудничать в области образования и науки [10]. Таким образом, можно утверждать, что отношения между татарскими и турецкими мыслителями, учеными и общественными деятелями всегда поддерживались и оказывали влияние на деятельность, творчество обеих сторон, что нашло свое отражение во многих произведениях [12, с.53].

К сожалению, в XX веке из-за политических и др. проблем отношения переживали период стагнации, и только в 90-е гг. XX века можно говорить о возрождении утраченных связей [12, с.44]. В 1992 году были опубликованы заметки о путешествиях под названием «Anadolu jirende» (На землях Анатолии), где профессор Хакимзянов рассказывает о местах проживания татар в Турции, дает информацию о их быте [3]. Стамбул также фигурирует в работах Миннегулова «İstanbulu min de kürdem» (Я видел Стамбул) и Зайдуллы «Min de buldim İstanbulda» (И я ездил в Стамбул). Данные произведения затрагивали различные точки зрения, исторические перспективы, в них присутствовали также лирические отступления. Зайдулла также обобщает информацию о татарах, внёсших вклад в развитие турецкой нации [13]. А Миннегулов при этом очень активно участвовал в конференциях, поддерживал научные связи между двумя странами. Данная работа важна с точки зрения понимания интеллектуального мира нации. На сегодняшний день можно также говорить о продолжении культурных и образовательных отношений между Татарстаном и Турцией, которые развиваются как в рамках российско-турецких договоренностей, так и основываясь на татарско-турецких контактах и связях.

Список литературы

1. Габдрафикова Л. «Османский посол был потрясен видом татар-мусульман в молельном доме: все они были в шляпах». Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/30170>
2. Хекимжанов Ф. Анадолу жирендә // Мирас. 1992 № 5. с. 114–117.
3. Камал Г. Истанбул мәктүпләре // Казан утлары. 1999. № 4. Б. 167–179.
4. Керими Ф. Истанбул мәктүпләре // Мирас. 2008. № 1. Б. 97–98
5. Керими Ф. Истанбул мәктүпләре // Мирас. 2007. № 12. Б. 97–98
6. Махмутова А. И на татарской почве может хорошо привиться родное нам и дорогое театральное искусство» (первые шаги татарского театра) // Эхо веков. 2006. №1.
7. Мараш И. Габдеррәшид Ибраһимның яңа табылган бер көндәлеге // Эхо веков. №1/2. 2002.
8. Марджани – первый идеолог татарской нации (К 190-летию со дня рождения) // Эхо веков. №1. 2008.

9. О пребывании великого визиря Хильми-паши в России в 1910 г. // Эхо веков. №1. 2009.
10. Турецкий след в архиве Татарстана. // Эхо веков. №1/2. 1998.
11. Юзеев А. Путевые заметки Марджани // Эхо веков. №1/2. 2000.
12. Eydi, Teüfik. “Tamırlar ber...”, Tatarstan-Törkiye medeni bağlanşları (1992–2003), Kazan, Tamga, 2003
13. Zeydulla R. Min de buldım İstanbulda // İdel. 1994. №7. Б. 54–59.

Сведения об авторе: Башаран Венера Ильмировна – ассистент кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений КФУ (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18), e-mail: vinercik@hotmail.com

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

TATAR-TURKISH CULTURAL AND EDUCATIONAL TIES: THE HISTORICAL ASPECT

V. Basharan

Kazan Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

vinercik@hotmail.com

Abstract. The article analyzes the historical aspect of Tatar-Turkish relationship in the cultural and educational sphere. The relations between Tatar and Turkish philosophers, scientists and public figures have always been maintained at a good level and influenced the activities, works of both sides, which is reflected in many works.

Keywords: Tatarstan and Turkey, cultural ties, educational ties, historical aspects.

For citation: Basharan V. Tatar-Turkish Cultural and Educational Ties: the Historical Aspect. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 4: 116–122. (In Russ.)

References

1. Gabdrafikova L. «Osmanskij posol byl potryasen vidom tatar-musul'man v molel'nom dome: vse oni byli v shlyapah». Real'noe vremya. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/30170> (In Russian)
2. Hekimzhanov F. Anadolu zhirendə. *Miras*. 1992 №5. s.114–117. (In Tatar)

3. Kamal G. Istanbul məktüpləre. *Kazan utlary*. 1999. № 4. B.167–179. (In Tatar)
4. Kerimi F. Istanbul məktüpləre. *Miras*. 2008. № 1. B. 97–98. (In Tatar)
5. Kerimi F. Istanbul məktüpləre. *Miras*. 2007. № 12. B. 97–98. (In Tatar)
6. Mahmutova A. I na tatarskoj pochve mozhet horosho privit'sya rodnoe nam i dorogoe teatral'noe iskusstvo» (pervye shagi tatarskogo teatra). *Ekho vekov*. 2006. №1. (In Russian)
7. Marash I. Gəbderrəshid İbrahimnuñ yaña tabylgan ber kəndəlege. *Ekho vekov*. №1/2. 2002. (In Tatar)
8. Mardzhani – pervyj ideolog tatarskoj nacii (K 190-letiyu so dnya rozhdeniya). *Ekho vekov*. №1. 2008. (In Russian)
9. O prebyvanii velikogo vizirya Hil'mi-pashi v Rossii v 1910 g. *Ekho vekov*. №1. 2009. (In Russian)
10. Tureckij sled v arhive Tatarstana. *Ekho vekov*. №1/2. 1998. (In Russian)
11. Yuzeev A. Putevye zametki Mardzhani. *Ekho vekov*. №1/2. 2000. (In Russian)
12. Eydi, Teüfik. “Tamırlar ber...”, Tatarstan-Törkiye medeni bağlanşları (1992–2003), Kazan, Tamga, 2003 (In Turkish)
13. Zeydulla, R. Min de buldım İstanbulda. *İdel*. 1994. №7. B. 54–59. (In Tatar)

About the author: V. Basharan – assistant of the Department of Altaic and Chinese studies Institute of international relations, KFU (420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18), e-mail: vinercik@hotmail.com

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.

НАСЛЕДИЕ

УМДЕТ АЛ-АХБАР. ПРАВИТЕЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЧИНГИЗ ХАНА: ОТ КУЙИК ХАНА ДО ГАЗАН ХАНА

Абдулгаффар Кырыми
(переведено и подготовлено к печати Ю.Н. Каримовой)

Резюме. В нижеследующем материале представлен фрагмент из сочинения «Умдет ал-ахбар» («Опора сообщений») Абдулгаффара Кырыми, крымско-татарского автора XVIII в. Сочинение написано на османском языке. Рукопись сочинения состоит из нескольких частей. В них представлена информация о всемирной истории, об истории пророков, об истории сельджуков и османов. Основная часть сочинения посвящена Золотой Орде (начиная с Чингиз-хана и его потомков), о Крымском ханстве, о Гиреидах и мурзах. В труде Абдулгаффара Кырыми представлена полная история Золотой Орды.

Ключевые слова: рукописная книга, Абдулгаффар Кырыми, «Умдет ал-Ахбар», Чингиз-хан, Угэдэй, Гуюк, Мункэ, Хубилай, Хулагуиды, политическая история.

Для цитирования: Абдулгаффар Кырыми. Правители после смерти Чингиз хана: от Куйик хана до Газан хана (переведено и подготовлено к печати Ю.Н. Каримовой). *Тюркологические исследования*. 2018; Т. 1, №3: 123–133.

[248] В 625 году в 73 года умер [Чингиз Хан]. Большие государства, в составе которых были захваченные им вилайет Индия, Арабистан, вышеупомянутый Багдад дарус-селям, весь Иран, Туран, Китай Мэчин¹, Хытай и Хотан, степи вилайета Дашти Кипчак, границы которых известны только Творцу всего сущего Аллаху, разделил между четырьмя почтенными сыновьями. Как говорилось ранее весь Иран, арабский Ирак и Ирак-ы Аджем² еще при жизни подарил Хулагу Хан бин Тули Хан бин Чингизу. Отца Хулагу – Тули Хана держал при себе в качестве нукера-казначей. Огедай Хана назначил каганом и шахиншахом на месте своего трона³ в великом юрте Каракуме и Бухаре. Чагатай Хану подарил весь Туран до Хытая. Старшему сыну Джучи Хану передал все ханство Гёчерэвлю⁴, то есть Дешти Кыпчак. Отправил

¹ Çin Maçin

² Irak-ı Acemi

³ tahtgah

⁴ Göçerevli

необходимых воинов. [Для выращивания] ячменных полей, чтобы был корм для лошадей, подарил весь вилайет Хорезм, то есть известный вилайет Хиву. **Огетай Хан** вместе с детьми, который был наследником Чингиза, по завещанию отца вступил на престол Чингиза. Он был бесподобным, передовым и щедро выплачивающим. Он был словно бальзам для сердечных ран тех, кто держал обиду на его отца, и все обрели покой. Других братьев не привлек в правление и в столицы. Он оставался правителем всех владений. При многочисленных просьбах и потребностях отправлял военных и оказывал помощь. [248 об] В вилайет Иран от Тули, затем и от Хулагу отправлялись вали. Это не делалось без разрешения Огетай Каана. Так продолжалось до тех пор, пока Хулагу не провозгласил независимость. В 626 году он взшел на престол и был падишахом в течение четырнадцати лет. В 640 году по хиджре скончался. Причиной смерти было чрезмерное употребление спиртного. **Куйик Хан** бин Огетай каган занял престол в 640 году. Как и отец он был прощающим. После одного года правления он умер. И между шехзаде¹ возникли разногласия и мятеж. Затем могольские эмиры созвали курултай. В то время Менгу Каан бин Тули Хан был из более знатного племени и старше по возрасту, хотя и не был сыном Огетая, но для разрешения раздора, звание кагана было вверено ему. Он занял престол через шесть лет после Куйик Хана, который был сыном его дяди. В 647 году сын Куйик Хана начал распрю [с претензиями] на наследство. Менгу Каан всех разгромил и убил, остался на звании кагана. Потом род Тули стали каганами. После этого Менгу Каан отправил своих братьев Хулагу и Кубилай ханов на восток и запад [чтобы стать] великим завоевателем. Они стали правителями на этих землях². В это время уйгурский хан – кяфир по имени Идикурт [Идикут] в то время вместе со своим войском готовился к кровопролитию, когда мусульмане были на пятничной молитве. Из его окружения один кяфир-татарин приняв ислам, доложил [Менгу Каану]. Менгу Каан благодаря чуду любимца Аллаха смог защитить мусульман. Он немедленно схватил кяфира Идикурта и убил его. Во время его правления в 650 году в Азербайджане было сильное землетрясение. Много зданий было разрушено и много людей умерло. В тот же год Менгу Каан назначает каймакамом³ своего брата Арык Бога Хана. Сам же вместе с многочисленным войском отправился на Китай. Подавил мятежников. Гнилой воздух⁴ этого вилайета подействовал на него. В 657 году в месяц Мухаррам заболел, прожив 47 лет и девять дней, после девяти лет правления умер. **Каплай хан** бин Тули Хан стал кааном. Но у него было много распрей с его братом Арык Бога. В итоге Кубилай Хан стал самостоятельным

¹ наследники

² malik-i memalik

³ kaimmakam

⁴ ufunet hevasi

каганом. [249] Он убил братьев, которые спорили с ним. В 663 году в возрасте 83 года скончался. Во время своего правления жил в столице Хытая в Хан Балыке. После этого в Ханбалыке кааном стал Тимур бин Чемким бин Каплай. Затем сын его дяди Энзе бин Паклай бин Каплай стал кааном. Он же сам став мусульманином, обратил все население в ислам. Потом кааном стал Кайсан бин Сермела бин Чемким бин Каплай. Но он принял религию насара¹. Потом кааном стал Танайту, он выбрал религию ислам. И по сегодняшний день кааны в вилайете Хытай из его рода. В «Джиханнума»² и в других исторических источниках указывается на то, что каждая нация была свободна в выборе религии, но все же большинство склонялось к исламу. **Хулагу Хан** бин Тули Хан, как указывалось выше, вместе со своим старшим братом Менгу Кааном с ярлыком отправились в Иран. В 656 году в месяц Сафар убил последнего аббасидского халифа Мустасыма вместе со всеми его родственниками. Затем пошел на неверных султанов-исмаилитов, разрушил и захватил крепость Аламут и все государство. Убил неверного Мухамедуллаха³. Египетский султан Султан Кутуз воевал с Имирзой Кетбога, из куяньских беев [который является] полководцем у Хулагу. Из-за климата Арабистана вернулись с поражением. Кетбога умер в 663 году в месяц Рабиуль-ахир. Его сын Абакай Хан при помощи ярлыка его дяди Каплай Хана взойшел на иранский престол. **Абакай Хан** бин Хулагу Хан бин Тули Хан начал править в 663 году в месяц Рамадан. Для сражения против Берке Хана, сына Джучи, отправил своего брата Алишмет Хана. После битвы с Ногаем, полководцем Берке, прогнал из Ирана, выслал в вилайет Дешт. Битва произошла в 664 году в месяц Сафар. Затем Берке Хан сам лично пошел на Иран. Остановился на берегу реки. Не смог через нее переправиться. Вынужденно направился в сторону Тбилиси. И по пути умер из-за болезни колики. Он был мусульманином, и был любимым рабом Аллаха⁴, наделенным чудесами. Дай Аллах, он еще будет упомянут в повествовании о детях Джучи. Потом войско Берке было разделено. Часть добавили к войску Абакай. [249 об] В 670 году в месяц Рабиуль-ахир родился Газан Хан бин Абакай Хан, гордость Али Тули, и возможно самый выдающийся среди всех чингизидов, справедливый падишах и шахиншах, которому нет равных, ученый и деятельный, гази, лучший и выдающийся среди султанов. В 674 году султан Египта и Шама⁵, властвующий в вилайете Рум – Султан Бундукдар пришел в вилайеты, подданные Чингизидам. Воевал с Тукудан Мирзой, являющимся вали и полководцем, находящимся на службе у Абакай. Упомянутый мирза был убит. Могольские воины распались. Султан Алааддин был первым в третьем

¹ назореи

² Cihannuma

³ melahidel-Muhamedullah

⁴ veliullah

⁵ Дамаска

отделении Румского падишаха Али Селджука. При победе Чингизидов были вынуждены подчиниться и покориться им. Он был доверенным Султана. Абакай Хан обвинял сельджукидов в поражении войск и прибытии египетского султана в Рум. Поэтому в 676 году по хиджре приказал убить Султана Аледдина на месте под названием Аладаг. Затем, собрав большое войско, отправил сына Мунге Тимура в Дамаск к Бундукдару. Дойдя, воевали под городом Хомс¹. Победа снова оказалась на стороне Египта и Дамаска. Мунге Тимур с поражением пошел в Багдад к Абакай Хану. Затем Абакай сам лично отправился. Однако погода не благоприятствовала к продвижению войск, вынужденно отправился в Судан. Дошел до окрестностей Туса. К 680 году в месяц Зульхиджа время его правления составляло семнадцать лет и три месяца. Его везир Ходжа Шемседдин являлся сахиб-и диваном², [он] также был везиром его отца. Был очень умным, эрудированным и благонравным. Ближе к концу правления Абакай назначил Медждеддина Йезиди, на что [Ходжа Шемседдин] очень обиделся. Поэтому недоброжелатели наклеветали Абакаю на Ходжу Шемседдина, говоря, что, у него есть мысли о мятеже, и его посадили в тюрьму. В 681 году в месяц Мухаррам скончался шехзаде Мунге Темур, который был самым близким сыном Абакай. **Ахмед хан** бин Хулагу Хан взошел на престол после своего брата. Однако Аргун Хан бин Абакай Хан начал спор. В итоге Ахмед Хан мирно обрел независимость. Должность везира снова была передана сахиб-и дивану Ходжа Шемседдину. Везир же из-за прежней враждебности хотел убить Медждеддина. Позднее по указу Ахмеда убил его на территории Невшехира. Через некоторое время Аргун Хан восстал против Ахмед Хана. И все шехзаде присоединились к Аргуну. Из-за этого Конгуртай Мирза убил Ахмет Хана. [250] В 682 году Ахмед Хан отправил своего зятя, бея по имени Али Инак, на войну с Аргун Ханом. Их сражение произошло в 683 году в месяц Сафар в окрестности Казвина. Аргун выиграл. И вернувшись оттуда, направился в Хорасан. Затем Ахмед Хан собрал большое войско. И снова пошел на Аргуна. Когда войска дошли до города Дамган, то разорили город и убили население. Аргун Хан укрывался в крепости Калат. Остальные эмиры направились к Ахмед Хану. Потом Ахмед Хан отправил своего зятя Али Инак Мирзу. И подчинил Аргуна, привел его к Ахмед Хану. Однако Али Инак объединился с некоторыми его приближенными. И скрытно настаивали Ахмед Хану насчет убийства Аргуна. Однако Ахмед Хан не слушал их. И посадил Аргуна в тюрьму. И опроверг их слова. В это время объединились сторонники Аргун Хана. Напали на тюрьму и освободили Аргуна. И ночью напали на Ахмед Хана и Али Инака. Али Инака убили. Пораженный Ахмед Хан сбежал. [Прячься] от эмиров Аргуна направился к Полад Темур Мирзе. Его поймали

¹ Himis

² sahib-i divan

на границе Казвина и доставили Аргуну. Аргун же предоставил его [на суд] почетного исламского шариата. По ранее изложенной причине несправедливого убийства Конгуртай Мирзы Ахмед Ханом, его наследники сделали кысас¹ по шариату. Время правления Ахмед Хана продлилось два года и два месяца. В те же годы скончался брат сахиб-и дивана Шемседина Ходжи – главный судья Багдада Ходжа Алаэддин. После своего дяди на престол возшел **Аргун Хан** бин Абакай Хан бин Хулагу Хан. На должность везира назначил Ходжу Фахреддина Казвини, а свой эмират передал эмиру эмиров² Бога Чыксану. Бывший везир Ходжа Шемседдин дал яд бывшему сахиб-и дивану Абакай Хану. Тем самым убил его. Он двадцать девять лет служил везиром его деду, отцу и дяде. И стал шахидом в расцвете сил. Это произошло в окрестности Невшехира в 683 году в месяц Шабан. В то время был написан этот редкий бейт-мерсийе:

Çu Şemseddin ez takdir-i Ized
 Şehadet-yaft der-sahra-yı Nev-şehir
 Be kasd-ı sahib-i divan-ı Mehmed
 Ki destur-ı Memalik bud der dehr
 Pes ez du sal ve du mah du hefte
 Çeşid-i u hem zi-devran-ı şerbet-i kahr
 Tu der dünyi meşev bedra muamil
 Ki dared der-terazu nuş ba zehr.

«Когда Шамс ад-дин по предопределению Господа
 Нашел мученическую смерть в пустыне Навшахра (Невшехира),
 По велению сахиб-дивана Мехмеда,
 Который был визирем владений во вселенной.
 Спустя год, два месяца и две недели
 Испробовал он шербет угнетения от эпохи.
 Ты в этом мире не веди сделок со злодеем,
 Ибо на весах его – удовольствие вместе с мукой».

[250 об] После этого сахиб-и диван Ходжа Харун бин Ходжа Шемседина убили в 685 году в месяц Джумада аль-ахира согласно ярлыку хана. Затем вышеупомянутый везир Ходжа Фахреддин был отстранен от должности казначея³. И по указанию ярлыка хана был отправлен в азиатский вилайет Караман для правления и надзора над сельджукидами. Должность везира на иранской земле была передана Ходже Джелаледдину Семенани. Вышеупомянутый Бога Чыксан, которого назначили эмиром эмиров, гордился государством, и помня об обиде на Аргун Хана, незамедлительно

¹ Кысас – в исламском праве категория преступлений, за которые шариат устанавливает точную санкцию – кысас.

² emirül-ümera

³ müstevfi

перешел в оппозицию и обратился к шехзаде Чешкаб бин Чомкар бин Хулагу. И многих эмиров подчинил себе. Однако шехзаде Чешкаб был в дружбе с Аргун Ханом, и предпочтя его вместо своего эга, рассказал ему всю правду по этому поводу. Аргун Хан же, умело приняв меры предосторожности, в 687 году в месяц Зульхиджа убил и искоренил Бога Чыксана вместе со всем племенем. После этого Аргун Хан отстранил его от должности везира Джелаледдину Семенани, обвинив его во всех эти события. Так как он [Джелаледдин Семенани] был приближенным упомянутого Бога Чыксана, [Аргун Хан] убил его на территории под названием Сиях Кух, то есть Черная Гора. В 688 году в месяц Раджаб назначил везиром Ходжу Саадуддевлета. Высокопоставленный везир бесчинствуя, одолевая мятежников, захватил государство и казенное имущества. Но остальное воинское сословие вышло против него. В это время Ногай Хан – один из сыновей Джучи из вилайта Дешт, вместе с Болектай Мирзой и с большим войском от Сайын Хана направились на Иран. Аргун Хан, назначив Тагачар Мирзу полководцем, направил его против них. Затем так же отправил известного [человека] по имени Чобан Мирза. В 688 году в месяц Рабиуль-ахир началась борьба между двумя многочисленными войсками. Чобан Мирза еще был юным и на войне участвовал впервые. Однако сражался очень смело. И из-за поражения войск Сайын Хана, стал самостоятельным. [251] Затем Аргун Хан потратил все богатство страны и все доходы государства, и наклеветал на везира Саадуддевлета. Также на помощь прибыл бывший везир Ходжа Фахреддин Семенани из Румелийского вилайета, и был в готовности на меджлисе. Везир Саадуддевет усердно выступал на распросе. Однако бывшим везир, поспорив, причинил беспокойство. Саадуддевет был очень огорчен. После чего упомянутый везир был ему ненавистен, и он хотел его убить. Однако Аргун Хан не давал на это разрешения. Затем Ходжа Фахреддин вернулся на службу в страну Рум. Везир Саадуддевет конечно же доносил Аргун Хану [на Ходжу Фахреддина], добился разрешения, когда тот был пьян. Отправил за ним [Ходжа Фахреддин] человека. В 689 году в месяц Рамазан на границе Ирана его [Ходжу Фахреддина] поймали и убили. В это время Аргун Хан заболел и слег из-за болезни. Пораженные Тагачар Мирза, Мунчуктал Мирза и Кухыстанлу Тоган Мирза и другие эмиры объединились. В 690 году в месяц Сафар убили везира. Появилось много интриг. Началась смута. Аргун Хан скончался. Он был похоронен на горе Седжас¹. Он правил семь лет. В свое время согласно ярлыку в расцвете сил несправедливо был убит такой везир как Веджихиддин Зенги бин Ходжа Иззеддин Тахир Джувейни. В народе говорили, что он превосходил многих ханов.

Vecih devlet ü din an ferişte-i huy ki bud

Be-asl-i Tahir ve der fazl ü mekrümet be-kemal

¹ Secas

Be sal-i şeş-sad ve heftad ve penc ez hicret

Güzeşte pist zi-Zilkade vakt-i zeval

Şehid geşt be-ruz-i se şenbih der Arran

zi-geşt-i çarh-ı hasis ve zemanе-i muhtal

Helak zerre-i akl itibar bes est

Her an kesi ki der u garre şud be cah ve be-mal

Revan-i pakeş ber-ehl-i huld server bad

Ki buved surur-ü zemanе zi-ehl-i bi-istiklal

«Почтенным [человеком] государства и религии, тем обладателем ангельского нрава кто был?

Происхождения чистого и в доблести с благородством обладатель совершенства.

В году шестьсот семьдесят пятом от хиджры.

Мученически погиб во вторник в Арране,

По прихоти рока жадного и времени коварного.

Всякий, в ком возникла гордость положением и богатством

Ибо радость времени – от людей невысокомерных

После своего брата на престол взошел **Кейхату** Хан бин Абакай Хан бин Хулагу Хан бин Тули Хан бин Чингиз Хан. Должность эмира эмиров и полководца передал Илькан бин Шиктур Мирзе. Отправил его в Анатолию к сельджукидам. Должность везира даровал Ходже Садреддину Халиди. Почтенный хан и уважаемый везир были исключительными на своем поприще и отличались в щедрости. [251 об] В 691 году во время смуты, когда болел упомянутый Аргун Хан, Атабек Афрасйап был судьей в Лурестане. Он даже предугадал эту смуту, поэтому он отчаялся и испугался, и покинул Лурестан. Подался в покровительство Исфакана. Однако Кейхату Хан отправил многочисленное войско и разгромил их. Но Атабека поймать не смогли. Афрасйаб жил до века Газан Хана. Газан Хан, опираясь на домыслы, убил его. Его должность доверил его брату Насреддин Ахмеду. Потом взял мирзу по имени Кейхату Хан Тоган Карасгани. Из-за козней, которые он проделывал во время Аргуна Хана, был убит по кысасу. Потом хан, как и его предшественники, много раз передавал достойную должность великого везира. Из-за того, что завоеванный вилайет не удовлетворил их, против закона, приступили к выполнению обязательств. Начались большие раздоры. В этой среде интриг появился Байду Хан бин Тарагай бин Хулагу Хан. Другие эмиры расстроившись из-за подлых поступков Кейхату, перешли на сторону Байду. В то время наместник¹ в Багдаде Мухаммед Секурджу Мирза, собрав войска, согласно ярлыку хана конфисковывал все имущество у богатых торговцев. Назначил человека по имени Джелаледдин Дестджердани. Однако высшие круги, выходцы из Багдада, все бежали в сторону Азербайджана.

¹ вали

Якобы в Багдаде никого не осталось. Кейхату немедленно собрал войска. И в сопровождении мирз отправил на войну против Байду Хана. Однако все эмиры, дойдя, присягнули Байду Хану. Но Ак Бога и Тыйнак Мирза остались и как могли продолжали войну. Они проиграли. В это время Кейхату Хан из-за гнева к Тогачар Мирзе хотел убить его везира Ходжу Садреддина. Даже он бежал на сторону Байду Хана. И оставшись в безвыходном состоянии, Кейхату бежал. Направился в сторону Сильвара. Его нашли и поймали, привели к Байду. Его убили в 694 году. Его правление длилось двадцать четыре года. **Байду Хан** бин Тарагай Хан бин Хулагу после сына своего дяди самостоятельно взошел на престол. На должность везира назначил Ходжу Джемаледдина Дестджердани. Невруз Мирза из окружения Газан Хана, Ходжа Садреддин, везир Кейхату, также и эмиры Байду примкнули к Газану. Были большие сражения с Байду Ханом. [252] Затем присоединились исправители¹. Они заключили акт о перемирии, на основании которого, арабский Ирак, Диярбакыр, Азербайджан, Иран, Армения, Грузия и Анатолия [переходят] к Байду Хану, а Персидский Ирак², Хорасан, Шебанкаре, Хузистан и Лурестан – Газан Хану. Потом Байду Хан, несмотря на перемирие, напал на Газана. Газан добрался до Хорасана, собрал войска, назначил Невруз Мирзу полководцем и направил против Байду. Байду отправил Тогачар Мирзу, назначив его полководцем, а он покорился Газану. Беспомощный Байду сбежал. Его поймали, когда он достиг Нахичевана. В 694 году в месяц Зулькада в Табризе с ним покончили. Срок его правления [составляет] всего лишь 8 лет. **Газан Хан** бин Абакай Хан бин Хулагу Хан в тот же год взошел на престол после кузена своего отца. Назначил Невруз Мирзу эмиром эмиров и даровал ему свое регентство. Оба они были истинными образцовыми мусульманами, и стали властными. Они сделали все от себя зависящее ради религии Мухаммеда. Хотя этот род рос и вырос со времен Хулагу в исламском вилайете, из-за того, что их народ не имел независимости, были мусульманами чистого нрава. Однако они не отрекались от законов Чингиза. Но Газан Хан был непреклонен в религиозных вопросах и решил разрушить все монументы кяфилов. Сколько было церквей, синагог, места для поклонения идолам все было разрушено. Он построил мечети, места для молитв³, медресе и места для кормления и приюта бедных⁴. Эмира Тогачара отправил в Анатолию. Из наследников-шехзаде Пусуге и Арслан объединились в оппозицию против Газан Хана. Невруз Мирза сражался с ними в окрестности румелийского города⁵ и проиграл. Затем был отправлен Чобан Мирза, и в 695 году на территории Бейлаган сразился с ними и убил Арслана. Смута этих

¹ muslihun

² Irak-ı Acemi

³ месджид

⁴ хангях

⁵ şehir-i Rumi

двух шехзаде произошла по вине Тагачар Мирзы, который был отправлен в Рум. Через несколько дней после принятия решения, Газан Хан получил прозвище «молотильщик». Всех своих беев отправил в Анатолию. Были написаны строгие ярлыки местным мирзам. Было приказано доставить Тагачара к Газану. Потом среди Харманджилар появились оппозиционеры. Отправил в Анатолию Кутлугшах Мирзу с войском и всех оппозиционеров подчинил себе. [252 об] В тот же год Газан Хан назначил везиром Ходжу Садреддина Ахмеда Халиди. Джемаледдина Дестерджани оставили на суд по законам Чингиза. После этого везир Ходжа Садреддин Ахмед Халиди доложил Газан Хану о том, что Невруз Мирза вместе с египетским султаном заключили тайный союз и желают заполучить страну Иран. Из-за этого братьев Невруза, Олгези, Курегена и Хаджы Мирзу и нескольких его [Невруза] сыновей убили по дороге в Багдад. И отправил Кутлугшах Мирзу с другими войсками для сражения с Неврузом. В 696 году в месяц Зульхиджа состоялась битва при Герате. Потом при помощи Султана Фахреддина Герта поймали Невруза и убили. После этого [положение дел] под руководством везира Садреддина Ахмеда Халиди было стабильным. Из-за того, что появился такой благородный человек, как Невруз, эмиры Балту, Сюламиш, Гертай и Акбай в 698 году усилили оппозицию в Румелийском вилайете. Великий хан отправил туда Чобан Мирзу и Суйунбай Мирзу вместе с большим войском. Он во время сражения их разгромил и уничтожил. В это время кадий Семенани – Мевляна Рукнеддин и Сеййид Кудбеддин Ширази Ходжа Муиниддин Ганджы, который был кадием, в союзе с секретарем дивана поспешно начали противостоять везиру. В 700 году Газан Хан предал правосудию Ходжу Назамеддина Йахйу бин Ходжу Веджхеддина Зенги из-за связи с ними и противостояния везирам. В 702 году в месяц Мухаррам его убили. Газан Хан три раза отправлял войска в египетский вилайет. В 699 году в месяц Рабиуль-авваль состоялось сражение на границе Дамаска. Иранцы выиграли, дамаскцы проиграли. Во второй раз отправил войска вместе с полководцем. Они дошли до границы Дамаска и долго там пребывали. Только из Египта никто не пришел. Вернулись ни с чем. В третий раз снова отправил большое войско во главе с полководцем. Снова было много сражений на границе. Султан Египта Меликун-Насир выиграл, иранцы проиграли. Чобан Мирза сражался отважно и достойно. [253] Он помог спастись проигравшему войску. Из-за разгромленного войска сердце Газан Хана пылало огнем. Он не знал как быть. Кейхату ханзаде¹ подчинил себе часть эмиров шехзаде Алафры. Когда он узнал, что тот собирается напасть на Газан Хана, то отправил шехзаде в Хорасан, а его подчиненных разгромил и уничтожил. Сам сильно заболел. В 703 году в месяц Шавваль скончался в возрасте 30 лет на границе города Казвин. Его правление продлилось 8 лет и 9 месяцев. Он был привезен в Табриз и

¹ сын или наследник хана

похоронен в большой величественной гробнице с куполообразной крышей¹. До этого монгольских падишахов таким образом не хоронили. Время правления Газан Хана является исключительным временем. Правда в том, что он был одним из лучших властелинов века, появившихся на свет. И по сегодняшний день в падишахском диване основным и используемым является произведение о Газане².

Сведения об авторе: переведено и подготовлено к печати соискателем Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Юлдуз Назимовой Каримовой (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация), e-mail: yolduz.nagimova@yandex.ru

Дата поступления материала 28.09.2018.

Принят к публикации 19.10.2018.

**UMDAT UL-AKHBAR.
RULERS AFTER THE DEATH OF GENGHIS KHAN:
FROM GÜYÜK KHAN TO GHAZAN KHAN**

Abdulgaffar Qirimi

(Translated and prepared for printing by Yulduz Karimova)

Abstract. In this material, a fragment of the manuscript book "Umdet ul-Ahbar" («The Support of Communications») by Abdulgaffar Qirimi, a Crimean-Tatar author of the 18th century, is presented. This work is written in Ottoman language according to the tradition of Ottoman historical writings. The manuscript book consists of several parts. It contains information about world history, the history of the prophets, the history of the Seljuks and Ottomans. The main part of the work is devoted to the Golden Horde (starting from Genghis Khan and his descendants), Crimean Khanate, Girayids and murzas. Abdulgaffar Qirimi sought to write a history of the descendants of Jochi khan. Abdulgaffar Qirimi work contains a complete history of the Golden Horde. His information concerning khans Berke, Tokhta, Uzbek, Tokhtamysh, and Ulugh Muhammad reflects the «popular version» and is based on oral historiography of the Tatars.

Keywords: manuscript book, «Umdet ul-Ahbar», Abdulgaffar Qirimi, Crimea, Genghis Khan, Ogedei, Guyuk, Mongke, Kublai, Hulaguids, political history.

For citation: Abdulgaffar Qirimi. Umdat ul-Akhbar. Rulers After the Death of Genghis Khan: From Güyük Khan to Ghazan Khan (Translated and prepared for

¹ günbed=kümbet

² eser-i gazani

printing by Yuldus Karimova) *Tyurkologicheskie issledovaniya* =*Turkological Studies*. 2018; Vol. 1, no. 4: 123–133. (In Russ.)

About the author: translated and prepared for printing by Yuldus Karimova candidate of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation), e-mail: yolduz.nagimova@yandex.ru

Received September 28, 2018.

Accepted for publication October 19, 2018.